

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

КОСМОВСКАЯ АННА АЛЕКСЕЕВНА

**ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ
В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ.**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Г.Н. Чагин

Пермь - 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Становление и развитие воеводской власти в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.	29
1.1 Появление института воевод на землях Пермского Прикамья.....	29
1.2 Воеводы в Пермском Прикамье в конце XVI – начале XVII вв.: порядок назначения, штрихи к портрету прикамских воевод.....	44
1.3 Специфика Пермского Прикамья как сферы деятельности воевод в конце XVI–XVII вв.	65
1.4 Воеводы и Строгановы в конце XVI–XVII вв.	73
Глава 2. Функционирование уездной воеводской власти в Пермском Прикамье в XVII в.	96
2.1 Управленческий аппарат и условия его функционирования в XVII в.	96
2.2 Военные функции воевод.....	103
2.3 Административно-хозяйственные функции воевод.....	121
2.4 Административно-полицейские функции воеводы	141
2.5 Судные дела в воеводской канцелярии	147
Глава 3. Воеводская администрация и «мир» в XVII в.	165
3.1 Общие тенденции развития взаимоотношений «миров» и воеводской администрации	165
3.2 Мирские организации и воеводская администрация: направления взаимодействия	176
Заключение.....	216
Список использованных источников и литературы	221
Приложения	242

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Тенденции развития государства и государственного управления всегда находились в поле зрения исследователей. Анализ региональных аспектов истории управления в конце XVI в. и в XVII в. является важным с научной точки зрения и имеет значительное общественное и научное значение.

Система управления Российским государством в XVII в. относится к спорным и малоизученным проблемам отечественной историографии. XVII в. является переходной эпохой – в XVII в., по мнению ряда ученых, совершается переход от средневековой сословно-представительной монархии к монархии абсолютной¹. В историографии недостаточно подробно освещается начальный этап формирования системы воеводского управления, относящийся ко второй половине XVI в., когда состоялся переход от системы наместников-кормленщиков к новому типу государственного аппарата, основанному не на кормлениях, как форме натурального обеспечения служилых людей «по отечеству», а на выплате денежного жалованья. Проблемы воеводского управления исследовались в основном на общероссийском материале.

Интерес у исследователей вызывают вопросы развития и функционирования системы управления на окраинах России. Изучение деятельности воеводских канцелярий позволяет понять принципы взаимодействия местных органов управления внутри региона, а также отношения местных властей с центром. Именно в исследуемый хронологический период Пермское Прикамье активно развивалось в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях как неотъемлемая часть Российского государства. Поэтому важным представляется комплексный анализ состояния и развития местного государственного аппарата, который дает возможность проследить общее и особенное в организации не только центральных, но и местных учреждений, выявить механизм их взаимодействия, обеспечивающий эффективность функционирования государственного аппарата,

---

¹ См., например: Вершинин Е.В. Воеводское управление Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

охарактеризовать основные направления правительственной политики в формировании бюрократического управления в XVII в. Обращаясь к истории Пермского Прикамья, можно столкнуться с теми же проблемами, которые возникают при изучении истории появления и развития системы воеводского управления, просуществовавшей с конца XVI в. до 1775 г.

Изучение воеводского управления дает возможность подробно исследовать преемственность традиций управления окраинными территориями в составе Российского государства, взаимодействие органов самоуправления («мира») и власти в системе государственного управления. Малоизученными представляются на региональном уровне особенности эволюции власти на протяжении второй половины XVI–XVII вв., степень бюрократизации государственного управления данного хронологического периода.

Изучение истории воеводской власти как основной формы местного управления в Русском государстве в конце XVI–XVII вв. на региональном материале, по мнению Е.В. Вершинина, позволяет превратить местное управление из истории «учреждений» в историю конкретных людей, как представлявших эти учреждения, так и проходивших через них². Актуальность предпринятого исследования заключается в том, что без изучения истории государственного управления предшествующих периодов сложно анализировать развитие государственности и государственного управления в их исторической взаимосвязи. Получение ответов на вопросы о проблемах формирования системы управления Российского государства представляется вероятным в рамках региональных исследований.

Объект исследования – система административных учреждений местного управления Пермского Прикамья, возглавлявшихся воеводами в конце XVI–XVII вв.

Предметом исследования стали состав, функции и деятельность воеводского аппарата власти Пермского Прикамья в конце XVI–XVII вв.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XVI–XVII вв., как единый исторический процесс развития воеводского управления в Пермском

---

² Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 12.

Прикамье. Нижняя хронологическая граница характеризуется примерной датой становления воеводского управления на территории Пермского Прикамья. Верхний рубеж определен отменой воеводской системы управления в Соликамском и Кунгурском уездах.

В территориальном отношении исследование охватывает территорию Пермского Прикамья (Чердынский, Соликамский и Кунгурский уезды)³. На территории современного Пермского края существовала и Осинская воеводская канцелярия (г. Оса Уфимской провинции Оренбургской губернии). Данные органы управления в Осе учреждались при местных воеводах в соответствии с указом от 6 апреля 1727 г. «Об определении воевод в малые города и пригородки для исправления суда и наблюдения за сбором податей под надзором провинциальных воевод» и были упразднены на основании указа от 27 января 1781 г. «Об учреждении Пермского наместничества из двух Областей Пермской и Екатеринбургской, с разделением оных на уезды». Осинская воеводская канцелярия не может быть включена в территориальные рамки исследования, поскольку относилась к другой губернии и к иному хронологическому периоду (1727–1781 гг.).

Пермское Прикамье – это территории трех уездов – Чердынского, Соликамского и Кунгурского в XVII в., управлявшиеся воеводами. Исследование воеводского управления на территории указанных уездов связано с особенностями заселения территории Перми Великой и впоследствии Пермской губернии. Первоначально воеводское управление организуется в Чердынском, затем в Соликамском уездах. Во второй половине XVII в. активно развивается Кунгурский уезд. Темпы заселения Кунгурского уезда в XVII в. были самыми высокими на Урале. Внутри Пермского Прикамья указанные уезды представляли историко-географические районы, отличающиеся друг от друга по природно-климатическим условиям и хозяйственному развитию. Тем не менее, они были объединены общей историей развития и административно-хозяйственными связями.

---

³ Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Г.А. Бординских. Березники, 2002.

Изучение воеводского управления всех трех уездов Пермского Прикамья дает возможность судить о сложном содержании административной практики прикамских воевод и в целом об особенностях воеводского управления Пермского Прикамья.

Будучи органами общего управления, воеводские учреждения занимались решением военных, судебных, хозяйственных, административных вопросов, зачастую не связанных напрямую с нуждами той или иной местности. Определение роли и места органов воеводского управления Пермского Прикамья в административной системе Российской империи также входит в предмет исследования.

Чердынь, Соликамск и Кунгур сыграли важную роль в истории, хотя судьба их в XVII в. складывалась по-разному. Так, географическое и хозяйственное значение Чердыни неуклонно снижалось, что привело к изменению ее административного статуса в 1636 г. и переводу воевод в Соликамск. Напротив, роль Соликамска и Кунгура в течение всего века возрастала, следствием чего стало превращение Соликамска в центр управления Чердынским и Соликамским уездами (воеводство в Соликамске было организовано в 1613 г.), а Кунгура – в центр Кунгурского уезда (вторая половина XVII в.).

Сведения о Чердыни относятся ко второй половине XV в. – времени начала вхождения Перми Великой в состав Московского государства. В 1472 г., после похода князя Федора Пестрого на Чердынь, административный центр Перми Великой временно переносится в Покчу. В 1535 г. Чердынь официально признана городом. После выделения южной части пермских земель в вотчину Строгановым административный центр края сместился на юг. Чердынь утратила прежнее политическое значение. Экономика края развивается преимущественно за счет разработки месторождений солей вокруг города Соликамск.

Соликамск возник при соляных промыслах, организованных выходцами из Вологды купцами Калинниковыми. Выгодное географическое положение и богатые запасы соли привлекают в Соликамск торговых людей. В 1573 г. Соликамск получил статус города, став центром Соликамского уезда. В XVII в. Соликамск,

бывший крупным транзитным перевалочным пунктом на пути в Сибирь, стал важным экономическим и административным центром.

Кунгур был основан в 1648 г. переселенцами из Чердыни и Соликамска, к которым позже присоединились выходцы из Вятки, Кайгорода, Сольвычегодска и Устюга. В 1662 г. вспыхнуло восстание башкир (Первый башкирский бунт), и Кунгур был разгромлен. В 1663 г. Кунгур был заложен повторно, но уже на новом месте. В конце XVII–XVIII вв. Кунгур стал богатым купеческим городом.

В целом, изучение деятельности провинциальных и воеводских канцелярий в указанных городах предоставляет возможность получить представление об эволюции всей системы воеводского управления в XVII в.

Степень научной разработанности темы диссертации. Необходимость анализа системы воеводского управления в Пермском Прикамье обусловлена существованием пробелов в исследовании развития воеводской власти, ее последующей эволюции.

Историографию воеводского управления в Пермском Прикамье можно разделить на общие работы по истории воеводского управления и исследования истории региональных особенностей воеводской власти. На протяжении XIX в. и в начале XX в. определилось несколько направлений в понимании происхождения и сущности воеводского управления на разных этапах его существования.

Систематическое изучение истории государственных учреждений России началось в 50–60-е гг. XIX в. Представители «государственной школы» Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, А.Д. Градовский, рассматривая историю взаимодействия воевод и общины в России, свои теоретические построения основывали преимущественно на законодательном и относительно незначительном известном им актовом материале, относившемся к центральным областям России.

По мнению Б.Н. Чичерина, возникновение и утверждение воеводского управления на окраинах Русского государства было обусловлено потребностью государства в решении военных задач и обеспечении поступления в казну доходов с присоединенных территорий⁴.

---

⁴ Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856.

В разрезе указанного исторического периода интересными являются работы А.Д. Градовского по истории русского государственного права. Многие идеи А.Д. Градовского, в частности, о влиянии личной власти воевод на управление, нашли свое отражение в работах современных исследователей. Автор отмечает господство субъективного начала в управлении, которое отразилось и на форме управления. «Управление вообще было личной задачей и личным правом князя, который в принципе осуществлял его непосредственно»⁵. А.Д. Градовский, характеризуя сущность власти в переходный период, делает вывод, что с постепенным переходом к приказной системе новые начала государственного управления, зародившиеся в Московском государстве, не получили должного развития и применения. Среди причин, которые препятствовали старой администрации получить «строгий государственный характер», были: «1) особый склад служилого сословия; 2) сохранившаяся сила личного начала, не устраненного системой приказных должностей; 3) отсутствие надзора за деятельностью административных лиц и отсутствие правильных начал их ответственности»⁶.

Для настоящего исследования работа А.Д. Градовского интересна тем, что автор разобрал основные принципы воеводского управления, проанализировал содержание и структуру воеводских наказов, выделив ряд рубрик в их содержании в Российском государстве. А.Д. Градовский пришел к заключению о противоречии воеводской должности, которое заключалось в чрезмерной власти воеводы «как исполнительного агента» центральной власти и в слабости его «как самостоятельного администратора»⁷.

И.А. Андриевский исследует историю воеводского управления в XVII в. на общероссийском материале⁸. Работа представляет обобщающий очерк о функциях воевод, включая и военные.

В работах М.М. Богословского возникновение воеводского управления связывается с периодом Смуты. По мнению М.М. Богословского, на

---

⁵ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 24.

⁶ Градовский А.Д. Там же. С. 32.

⁷ Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский. СПб.: Типография Головина, 1868. Т. 1. С. 305.

⁸ Андриевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения. СПб., 1864. С. 53–106.

взаимоотношениях государства и земства «в XVII в. должна была неизбежно отозваться та перемена, которую испытывает в этом веке, в особенности со второй его половины, общий строй государственного управления, становящийся все более бюрократическим»⁹. Концепция М.М. Богословского в дальнейшем частично нашла свое отражение в работах современных исследователей Е.В. Вершинина и А.П. Павлова.

Основная проблема, которая интересовала авторов, – вопрос о становлении и развитии воеводского управления. В историографии до 1917 г. внимание исследователей привлекали в большей степени вопросы формирования воеводского управления в XVI–XVII вв. на общероссийском материале. Особенностью исследований историков государственной школы является историко-юридический подход. Историки государственной школы Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, А.Д. Градовский систематизировали фактический материал по истории государственных учреждений России, не затрагивая вопросы развития воеводского управления на региональном уровне.

В советский период до середины 1950-х гг. специальных исследований воеводского управления не появилось. Политические и идеологические реалии послевоенного времени несли в себе импульс к решению кардинальных проблем исторической науки и интерес к изучению периферии, что не могло не сказаться на состоянии исторической науки. Начинается активное изучение региональной истории. С середины 1950-х гг. историки внесли новый вклад в анализ проблем государственного управления.

Исследование управления проводилось на основе классового подхода к изучению истории. Акцент в данном случае был перенесен на социальные аспекты управления, работы посвящались социальной борьбе, что было обусловлено особенностями советской историографии указанного периода.

Следующая проблема, не получившая освещения в историографии воеводского управления на общероссийском и региональном уровнях, – взаимодействие воевод и крупных землевладельцев, солепромышленников и

---

⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. II. М., 1912. С. 1.

устроителей заводов. Вотчины Строгановых, к примеру, были своего рода «государством в государстве», под юрисдикцию воевод они не попадали. Воеводам приходилось выстраивать отношения со Строгановыми или Демидовыми, исходя из указаний правительства. Если со Строгановыми отношения могли быть взаимовыгодными, то ссора с Демидовыми доставила немало проблем Верхотурским воеводам. Данный вопрос предметно в историографии не рассматривался. Косвенно проблема затронута в работах А.А. Преображенского в его исследовании предыстории и самих событий Кунгурского восстания 1703 г. Исследуя деятельность воевод, А.А. Преображенский на основе ранних русских дипломатических документов конца XVI – начала XVII в. определяет, что одним из приоритетных направлений в русской политике этого времени в Зауралье стал сбор ясака¹⁰.

В фундаментальной монографии Н.П. Ерошкина «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России»¹¹ (первое издание – 1960 г.) исследуются социально-экономические причины возникновения воеводского управления, организационное устройство государственных органов, направления деятельности воевод и их взаимодействие с верховной властью в Российском государстве.

В историографии подробно не освещается период формирования системы воеводского управления в Пермском Прикамье, относящийся ко второй половине XVI в. Данный пробел в общероссийской историографии воеводского управления отмечался А.А. Зиминим еще в 1960 г.¹² Не изучая данный вопрос на общероссийском и региональном уровне, сложно получить полное представление об условиях, сделавших возможным повсеместное распространение воеводской власти в последующие десятилетия.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы, в частности, взаимодействие воевод с местным населением, получили освещение в работе П.Н. Павлова. Ясачный режим, сложившийся на рубеже XVI–XVII вв., автор называет «хищническим» и

---

¹⁰ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 44–55.

¹¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.

¹² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.435.

приводит примеры многочисленных злоупотреблений со стороны воеводской власти¹³.

В монографии Н.Н. Покровского на материалах Томского восстания середины XVII в. анализируется борьба сословных «миров» с воеводской администрацией: организация повстанческого управления городом и уездом, место мирского самоуправления в государственной системе сословно-представительной монархии, в борьбе с коррупцией бюрократического аппарата¹⁴. Автором были исследованы различия в поведении разных социальных групп восставших.

Монография И.П. Ермолаева посвящена изучению организации, структуры, функций и действий органов местного управления в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Рассматриваются вопросы становления воеводского и центрального (Приказ Казанского дворца) управления, характер их деятельности, взаимоотношения между ними¹⁵. Автором исследован кризис воеводской власти в конце XVII в., что имеет значение для анализа причины отмены системы воеводского управления в Пермском Прикамье.

Н.Ф. Демидова анализирует процесс бюрократизации государственного аппарата в период перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной. В центре внимания автора находится сословная группа служилых людей, основной обязанностью которой являлась работа в государственных учреждениях в центре и на местах. При этом изучаются штаты не всех существовавших в России XVII в. учреждений, а только те из них, которые вошли в состав государственного аппарата¹⁶.

В дальнейшем, на протяжении конца XX – начала XXI в., в процессе эволюции взглядов представителей исторической науки, появления новых проблем, дискуссия усложнялась. Ее новые аспекты обуславливались, с одной стороны, введением в научный оборот новых документальных материалов, более широко

---

¹³ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. / П.Н.Павлов. – Красноярск, 1974. С. 5–17.

¹⁴ Покровский Н.Н. Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. – 385 с.

¹⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982.

¹⁶ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 206–242; Она же. Служилая бюрократия в России XVII в. М., 1987.

характеризовавших воеводское управление, а с другой – появлением новых научных направлений.

В историографии проблема становления воеводского управления рассматривалась мимоходом, в контексте процесса колонизации земель. Авторы имеющихся работ, посвященных становлению воеводской формы управления в Пермском Прикамье на рубеже XVI–XVII вв., лишь попутно касаются функций местных администраторов. В советской историографии отсутствуют работы, которые позволили бы разносторонне судить о функциях воевод Пермского Прикамья. Исследователи, как правило, уделяли внимание какому-то отдельному аспекту их деятельности.

Новые подходы в изучении истории воеводского управления обозначились после 1991 г., в новейший период отечественной историографии. В исторической науке происходят качественные перемены, связанные с возникновением и утверждением нового социокультурного подхода к изучению прошлого, с формированием интереса к социальной истории, в основе которой лежит междисциплинарная методология, тенденция к сближению истории с общественными науками.

Появляются работы современных исследователей (Б.Н. Миронов, М.В. Бабич, А.Н. Медушевский, Е.В. Анисимов), посвященные вопросам эволюции государственного управления в условиях абсолютизма, реформам управления XVII–XVIII вв., анализу состава и принципов формирования чиновничье-бюрократического аппарата. В.А. Александров и Н.Н. Покровский исследовали взаимодействие воевод и «мира» в Сибири. Авторы подробно охарактеризовали механизм ограничения воеводской власти на управляемых территориях применительно к сибирским городам¹⁷.

В коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» была изучена система воеводского управления на окраинных территориях Российского государства в течение XVI –

---

¹⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

начала XX в.¹⁸. В работе рассмотрены общие принципы формирования воеводского управления и некоторые военные функции воевод, что важно для сравнительного анализа функционирования воеводской власти в Российском государстве и Пермском Прикамье.

Е.В. Вершинин рассматривает принципы назначения на должность воеводы, государственное обеспечение воеводской администрации, анализирует содержание воеводских указов Сибири в XVII в.¹⁹ Основные концептуальные аспекты (принципы назначения, характер власти), выделенные автором, дают возможность провести сравнение воеводского управления Сибири и территории Пермского Прикамья.

Д.А. Ананьев подробно останавливается на вопросах формирования воеводской власти в Сибири в XVIII в., анализирует источники исследования управления, связывая воеводскую власть со складыванием абсолютной монархии и формированием бюрократического управления. Эта работа представляет собой концептуальное обобщение содержания различных исследований по истории управления в контексте общероссийской истории²⁰.

Третья значительная историографическая проблема – вопрос о коллегиальности воеводской власти, взаимодействие воевод и «миров». Применительно к Пермскому Прикамью вопрос коллегиальности напрямую связан с взаимодействием воевод с органами сословно-представительного самоуправления. Е.В. Вершинин подчеркивает, что коллегиальность как принцип управления – понятие историческое, и она, как и бюрократия, не может появиться раньше системы рациональной организации власти²¹.

История управления в XVII в. немыслима без понимания сущности сельской общины и взаимодействия мирской организации и воевод. Проблеме взаимодействия «мира» и обитателей воеводского двора на Русском Севере

---

¹⁸ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Ответственные редакторы С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998.

¹⁹ Вершинин Е.В. Указ. соч.

²⁰ Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005.

²¹ Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 20.

посвятила несколько работ Е.Н. Швейковская²². В исследованиях Е.Н. Швейковской акцент сделан на взаимоотношениях государства и мирских организаций в Поморье.

В монографии Е.Н. Швейковской об общинах северных деревень конца XVI – начала XVIII в. исследуются основные социальные ассоциации – семья и деревенский мир, в которых протекала повседневная жизнь крестьян Русского Севера в конце XVI – начале XVIII в.²³ Через связи, в которые вступал индивид в микромире деревни и волостной общины, а также за его границами, контактируя с должностными лицами земского мира и воеводой как представителем власти, выявлены ценности крестьян. Отдельную главу автор посвятила изучению воеводского подворья, подробно охарактеризовав механизм взаимодействия воеводы и воеводских людей. Ею была исследована градация воеводских людей, проблемы интеграции общинного самоуправления в систему государственной власти, выявлены сферы их взаимодействия и компетенция. Среди воеводских людей выделялись слуги, занимавшие привилегированное положение – держальники, дворецкие. Углубленное проникновение в среду воеводских слуг выявило не только их неоднородность, но и по-новому представило взаимоотношения с ними мирских властей в различных регионах Российского государства.

Работа Т.И. Пашковой посвящена специальному исследованию институтов наместников и волостелей²⁴. Автор проводит комплексное изучение городских и волостных властей не только в их эволюции на протяжении первой половины XVI в., но и во взаимоотношении их друг с другом и с иными органами местного управления, что немаловажно при изучении функций уездных управителей в последующие хронологические периоды.

В исследовании И.Г. Шишкина поднимаются проблемы генезиса средневековой российской государственности в отечественной историографии 1917

---

²² Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М.: Индрик, 2012. – 368 с.

²³ Швейковская Е.Н. Слуги на воеводском дворе в XVII в. // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время. Ростов, 2003. С. 92-104.

²⁴ Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели / Пашкова Т.И. – М.: Древлехнилище, 2000.

г. - начала XXI в. Автор изучает систему органов управления в Российском государстве (конец XV–XVI вв.)²⁵. Сравнительные оценки подходов к изучению институтов управления в XVII в. позволяют оценивать развитие воеводской власти с разных сторон.

В диссертации О.Ю. Шаходановой «Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.» рассмотрены принципы и специфика взаимоотношений центральных и местных органов власти²⁶. Автор анализирует проблемы становления воеводской власти в Сибири, определяет рубежи формирования местной власти. Функции воеводской администрации не стали основным объектом внимания исследовательницы.

В историографии воеводского управления XVII в. трудно найти проблему, которая была бы так тесно связана с функционированием власти воевод, как проблема кормлений. Данный вопрос на региональном уровне до недавнего времени не получил подробного рассмотрения в историографии. В основном, авторы ограничивались упоминанием злоупотреблений воевод и притеснения местного населения.

Вопрос о кормлении воевод поднял в своей монографии Г.П. Енин. Автор характеризует тему кормления воевод в России XVII в. через призму их содержания уездным населением. Г.П. Енин соглашается с ликвидацией наместничьего управления в середине XVI в., но доказывает сохранение практики кормления со всеми ее пороками при воеводах. Автор считает, что и наместники, и воеводы по особому относились к своим обязанностям («кормились»). Кормление воевод, с точки зрения Г.П. Енина, представляет собой феодальный способ содержания органов государственного, церковного и вотчинного управления и суда, действующий на протяжении многих веков с конца XII по XVIII в.²⁷ Автор не

---

²⁵ Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в российском государстве конца XV – XVI вв. (1917 г. – начало XXI в.), 2009. – 596 с.

²⁶ Шаходанова О. Ю. Центральное и местное управление в Сибири в конце XVI – начале XVIII веков // Россия и мировые исторические процессы. Материалы межвузовской научной конференции. Бийск, 1999. С. 105; Она же. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI - начале XVIII века: Дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.

²⁷ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.

учитывает региональную специфику, основываясь на материалах Европейской России. Трудно согласиться с той точкой зрения, что кормление оставалось неизменным на столь длительном хронологическом отрезке (в XVI–XVIII вв.).

Систему местного управления в XV–XVI вв. изучал Б.Н. Флоря. Ученый ввел в научный оборот новые источники (приходо-расходные книги), проанализировал формы материального обеспечения администрации²⁸. Б.Н. Флоря провел сравнительный анализ компетенции наместников по материалам кормленных грамот на окраинах и в центре и исследовал обеспечение на кормленной основе органов власти. Материалы автора представляют интерес для изучения системы воеводских кормлений.

Итак, работы, посвященные истории воеводского управления в России, раскрывают основные тенденции становления и развития воеводской власти на общероссийском и сибирском материале.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные исследованию воеводского управления на региональном уровне. Региональный материал в работах исследователей представляет более подробную ретроспективу истории воеводского управления Пермского Прикамья, но обобщающих работ по данной проблеме нет.

В дореволюционной историографии среди исследований, в той или иной мере затрагивающей вопросы воеводского управления в Пермском Прикамье, можно отметить работы А.А. Дмитриева. Автор исследовал широкий круг проблем истории Пермского края, в том числе и воеводское управление²⁹. Информация, представленная в работах А.А. Дмитриева, дает возможность проследить отдельные аспекты развития воеводской власти в Пермском Прикамье, в частности, историю взаимодействия воевод и правительства. В трудах под редакцией А.А. Дмитриева был издан список пермских воевод³⁰.

---

²⁸ Флоря Б.Н. Центр и провинция в системе управления России XVI–XVII вв. // Государство и общество в России XV – начала XX в. СПб.: Наука, 2007. С. 189–194.

²⁹ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. I–VIII. Пермь, 1890–1900.

³⁰ Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии / Под редакцией А.А. Дмитриева. Вып. III. Пермь, 1897. С. 118–125.

В советский период система управления в Пермском Прикамье на региональном уровне была освещена в работах А.А. Ушакова и других авторов³¹. А.А. Ушаков кратко характеризует проблемы взаимоотношений воевод и мирских организаций. В.А. Оборин в монографии, посвященной колониационным процессам на Урале, рассматривает деятельность воевод в Перми Великой в третьей четверти XVI – начале XVII в. с точки зрения необходимости воеводской администрации для колониационных процессов на Урале³².

В статьях В.И. Сергеева рассмотрен комплекс вопросов социально-экономической и политической истории воеводского управления Сибири, затронуты основные принципы политики российского абсолютизма в местном управлении. В.И. Сергеев, изучая правительственную политику в Сибири, уделяет внимание процессу утверждения государственной власти за Уралом в конце XVI – начале XVII в. В.И. Сергеев показывает, что в то время военные функции воевод были доминирующими³³. Применительно к Пермскому Прикамью данное утверждение верно лишь для конца XVI – начала XVII в.

В постсоветский период развития историографии государственного управления, многими авторами уделяется внимание изучению региональной истории, в том числе истории государственного управления на местном уровне. Оживление интереса к региональному правлению произошло в современной историографии.

В 1990–2000-е выходит ряд работ, посвященных тем или иным аспектам воеводского управления в Пермском Прикамье³⁴. Отдельные проблемы истории воеводского управления во второй половине XVI в. (в частности, становление системы воеводского управления) на территории Прикамья изучены в работах О.В.

---

³¹ Ушаков А.А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Популярный исторический очерк. Пермь, 1958; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 44–55.

³² Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.

³³ Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124; Он же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых сибирских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 174–179.

³⁴ Чагин Г.Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004; Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007; Шашков А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678–1679 гг. и судьба Я. Б. Лепихина) // Уральский исторический вестник. № 3. (Региональное развитие России.). Екатеринбург, 1996.

Семенова³⁵. Для исследования воеводского управления в Пермском Прикамье представляет интерес вывод автора о том, что наибольшую силу земская организация приобрела в Перми Великой. Она пронизывала все уровни административно-территориальной системы региона, а установленный над ней правительственный контроль оказался довольно слабым. Проблемы взаимодействия «миров» и воеводской власти в Пермском Прикамье можно проследить, опираясь на отдельные выводы О.В. Семенова.

Складывание воеводской формы управления в Сибири изучает в своих исследованиях Н.Н. Симачкова. Автора интересует сходный хронологический период (конец XVI – начало XVII вв.). Выводы автора о том, что становление воеводского управления в Сибири происходит в процессе ее вхождения в состав Российского государства и о принципах подчинения коренного населения позволяют сравнивать историю воеводской власти в Сибири и Пермском Прикамье. По мнению Н.Н. Симачковой, задачи подчинения «инородцев» и хозяйственного освоения обширного края предопределили функциональные особенности деятельности первых сибирских администраторов.

Таким образом, работы, посвященные системе местного управления в Пермском Прикамье либо ограничиваются хронологически узкими рамками, либо освещают только отдельные стороны данной проблемы.

В начале XXI в. историю воеводского управления на территории Европейского Севера, Сибири и Урала изучали Г.Н. Чагин, А.В. Шилов, П.А. Корчагин и другие исследователи. Рассматриваются общие вопросы местного государственного управления, судоустройства и судопроизводства, взаимоотношения государственной власти и общины Российского государства, роль власти в деле христианизации нерусских народов³⁶.

В целом, проблемы воеводского управления в Пермском Прикамье, как показал анализ литературы, были фрагментарно раскрыты в работах ряда авторов

---

³⁵ Семенов О.В. Указ. соч.

³⁶ Чагин Г.Н. Уездные провинции: Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007; Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926): Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001; Чагин Г.Н. Воеводское управление в XVII в. // Материалы научно-практической конференции «Государственные органы власти и местное самоуправление» 26-27 июля 2003 г. Соликамск, 2003. С. 70.

XIX–XXI вв. Однако следует констатировать, что в настоящее время нет специальных исследований, обобщающих историю воеводского управления в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.

В заключение историографического обзора можно сделать вывод, что история воеводского управления в Пермском Прикамье комплексно не изучалась. Полнота и подробность освещения тех или иных сюжетов воеводского управления определяются состоянием изученности различных аспектов, а также уровнем научной обработки архивных фондов. В современной историографии Пермского Прикамья отсутствуют работы, посвященные изучению персонального состава и структуры администрации конца XVI–XVII вв., нет исследований, в которых рассмотрены функционирование и специфика воеводского управления в Пермском Прикамье. Несмотря на наличие работ, посвященных исследователями отдельным сюжетам истории воеводского управления в Пермском Прикамье, специального обобщающего исследования предпринято не было. Данное исследование, в котором представлено комплексное изучение воеводского управления в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв., восполняет данный пробел.

Цель работы – комплексный анализ института воеводства и процесса функционирования воеводского управления в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.

Достижение поставленной цели требует решения нескольких **задач**, среди которых:

1. Рассмотреть проблемы становления и развития воеводского управления Пермского Прикамья в составе Русского государства, определить особенности территории Пермского Прикамья в сравнении с Сибирью и Русским государством;
2. Проанализировать формирование личного состава воеводских канцелярий, особенности деятельности воевод на территории Пермского Прикамья;
3. Изучить функциональные направления уездной воеводской власти, включавшие административно-хозяйственную и полицейскую деятельность, судопроизводство, военные функции;

4. Определить роль мирских организаций в местном управлении, проследить их взаимоотношения с воеводской властью.

Источники. Исследование базируется на широком круге разнообразных материалов, представленных как документами федеральных архивов РГАДА и СПИИРАН, так и материалами, опубликованными в различных изданиях.

Неопубликованные материалы государственных учреждений центрального и местного уровней, использованные в работе, были исследованы в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПИИРАН).

Архив СПИИРАН представляет собой значительное собрание источников документального характера, охватывающих период времени с XIII по первую половину XIX в. В архиве СПИИРАН автором были изучены дела воеводских канцелярий Соликамска, Кунгура, Чердыни, собранных Археографической комиссией (Ф. 122 и Ф. 75 – соответственно «Соликамск» и «Кунгур»). Соответствующие собрания документов в библиотеке и архиве СПИИРАН по объему многократно превосходят все другие вместе взятые.

Материалы судопроизводства (Ф. 122 и Ф. 75 – «Соликамск» и «Кунгур») дают возможность исследовать судебные функции воеводских канцелярий Пермского Прикамья. Финансово-хозяйственная и фискальная деятельность органов местного государственного управления проанализирована благодаря документам о сборах прямых и косвенных налогов.

Автором были изучены документальные письменные материалы, включенные в фонды органов местного управления и хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 137 – «Боярские и городовые книги»). В РГАДА также представлены документы, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность приказных изб, внутренняя переписка воеводских учреждений, материалы судопроизводства.

Все источники делятся на несколько групп. Перечислим основные виды материалов, представив сначала группу неопубликованных источников.

а) документы местного делопроизводства (воеводские памяти, указы, отчеты, отписки, деловая переписка должностных лиц различных уровней). Данный вид материалов содержит распоряжения верховной власти относительно организации местного управления.

Группу материалов договорно-распорядительного характера составили указные грамоты о действиях властей и указы. Значение в сравнительно-историческом плане имеют законодательные акты и положения XVI–XVII вв., царские указы воеводам городов Пермского Прикамья, которые характеризуют политику царского правительства на местах. Официальная переписка дает возможность исследовать взаимоотношения властей различных уровней;

б) документация органов земского самоуправления (приходо-расходные книги). Расходные книги земских властей раскрывают каждодневные отношения мира и местной государственной администрации. Содержание расходных книг подчинено учету денежных средств, выплачиваемых из мирской кассы. Расходные книги уездных мирских властей показывают, по преимуществу, контакты мирской и приказной администраций, а книги волостных должностных лиц рисуют отношения, в основном, на нижней ступени мирской организации Пермского Прикамья.

в) статистические материалы (писцовые, переписные, таможенные книги и т.д.). Данный вид источников дает возможность исследовать ясачные и фискальные функции воеводской администрации Пермского Прикамья, основные статьи дохода. Статистические материалы, содержащиеся в писцовых и переписных книгах, особенно важны для проведения сравнительной характеристики. Хозяйственная статистика представлена в сметных списках.

г) документы учета служилых людей (разрядные книги и боярские списки). Разрядные записи характеризуют отправку на службу наместников и воевод.

д) частные актовые материалы (челобитные, «сказки», поручные). Следующая группа источников – публично-частные акты – не столь многочисленна. Частные акты представлены в основном докладными, отпускными. Значительную группу материалов составили делопроизводственные документы, в основном их

распорядительный (памяти, приказы) и распорядительно-рекомендательный виды (решения).

Частно-публичные документы, которые использовались в ходе исследования – это просительные и просительно-апелляционные акты, в частности, челобитные, прошения, жалобы. Формой письменного обращения частных лиц в государственные учреждения были челобитные.

Судебно-процессуальный вид материалов, которые использовались в исследовании, представлен судными списками, докладными судными списками и правовыми грамотами. Судебная деятельность нашла отражение в правовых и судебных грамотах, судебных приговорах, судных списках, сказках, сыскных, расспросных, пыточных речах. Договорно-распорядительный вид источников составили грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента (в частности, Строгановых).

Основу исследования составили публично-правовые акты (неопубликованные источники Ф. 137 – «Боярские и городовые книги», Ф. 122 – «Соликамск», Ф. 75 – «Кунгур», а также опубликованные в «Актах исторических»³⁷ и «Актах археографической экспедиции»³⁸), в частности, их договорно-законодательный вид (таможенные грамоты, губные грамоты, земские грамоты и др.).

Изучение архивных материалов дополнялось анализом опубликованных документов. Важной составной частью источникового комплекса по истории воеводского управления в Пермском Прикамье являются акты. Из письменных опубликованных материалов были изучены законодательные и нормативные акты Российского государства, в частности, уставные грамоты, содержавшие распоряжения верховной власти относительно организации местного управления (наместничьи, губные, таможенные). Важнейшим законодательным источником XVII в. является Соборное Уложение 1649 г.

Опубликованные документы представлены в основном публично-правовыми и частно-правовыми актами. Многочисленные акты, грамоты, челобитные

---

³⁷ Акты исторические. Т.2. (1598–1613). СПб., 1836; Акты исторические. Т.3. (1613–1645). СПб., 1841; Акты исторические. Т.4. (1645–1676). СПб., 1842; Акты исторические. Т.5. (1676–1700). СПб., 1842.

³⁸ Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598–1613). СПб., 1836.

Соликамской, Чердынской, Кунгурской приказных изб были опубликованы в «Актах исторических» и «Актах археографической экспедиции».

«Акты исторические», «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией» – серия документов по истории России, изданная Археографической комиссией (т. 1–5, СПб, 1841–1843). «Акты исторические...» содержат ценные источники по социально-экономической, политической, дипломатической и военной истории, а также по истории воеводского управления. Акты Кунгурские и Соликамские показывают организацию воеводского управления обширного района Приуралья, преимущественно в XVII в. Они касаются разного рода налогов, падавших на местное население, сбора ясака с местного населения, торговли вином, постройки городских укреплений, снабжения Сибири хлебом.

Нарративные материалы представлены летописями и публикациями В.Н. Берха, А.А. Дмитриева, Г.К. Котошихина. Летописи содержат описание отдельных эпизодов истории Пермского Прикамья, сведения об административно-территориальной структуре, местном аппарате власти. Работа Г.К. Котошихина содержит сведения о порядке назначения воевод в XVII в., вопросы компетенции воевод³⁹.

Следует упомянуть издания В.Н. Шишонко «Пермская летопись» и работу «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей»⁴⁰ В.Н. Берха. В.Н. Шишонко работал с имеющимися у него трудами по истории Прикамья и «при пособии библиотек Императорской публичной и академии наук» и создал «Пермскую летопись», охватывающую период с 1263 по 1881 гг. Автор выделил для описания пять периодов – I (1263–1613 гг.), II (1613–1645 гг.), III (1645–1676 гг.), IV (1676–1682), V (1682–1725)⁴¹. Источниками в издании В.Н. Шишонко являются позднесредневековые документы, связанные с историей Перми Великой. Использование отдельных документов по истории воеводского управления в издании В.Н. Шишонко представляет возможность

³⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. – 260 с.

⁴⁰ Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

⁴¹ Пермская летопись с 1263–1881 г. I–V периоды / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь, 1881–1887.

изучить функционирование воеводской власти и ее взаимодействие с «мирами» в Пермском Прикамье.

Материалы характеризуют практически все стороны функционирования воеводского управления Пермского Прикамья и взаимоотношений воевод с правительством Российского государства. В целом источниковая база помогла воссоздать целостную картину функционирования воеводской власти в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.

Методология и методы. Методологической основой исследования является системный подход. Системный подход дает возможность рассмотреть воеводскую власть в Пермском Прикамье как единую определенную целостность, находящуюся в динамике и развитии, очертить различные стороны деятельности администраторов, определяя принципы взаимоотношений с центральными органами власти и внутри самой местной системы управления.

Изучение функций воеводских учреждений в рамках управления Пермским Прикамьем через анализ их взаимодействия с «мирами» в конце XVI–XVII вв., в сравнении с общероссийским материалом, позволило раскрыть предмет диссертационного исследования.

Системный подход предполагает изучение элементов, образующих систему местного управления в Пермском Прикамье, взаимоотношений между властью и обществом, изменений в ходе эволюции системы местного управления. При проведении исследования автор соблюдал принцип историзма, который позволяет выявлять общие закономерности развития воеводского управления в динамике и взаимосвязи.

Сравнительно-исторический метод позволил провести аналогии в становлении и функционировании воеводской системы управления в Пермском Прикамье и в Русском государстве. Историко-генетический метод применялся при изучении появления и эволюции воеводского управления. Ретроспективный метод позволил, привлекая архивные материалы и исследования по истории воеводского управления, реконструировать историческую картину предшествующего периода. Проблемно-хронологический метод дал возможность обозначить основные проблемы в

процессе становления воеводской власти и управления и проследить их в динамике. Статистические методы (метод группировок, количественный метод анализа данных) использовались для реконструкции и анализа количественных данных о воеводском управлении в Пермском Прикамье. Также следует отметить, что был использован метод контент-анализа при определении частоты возникновения проблем, которые приходилось решать воеводам.

Научная новизна исследования заключается в том, что воеводское управление Пермского Прикамья в XVII в. впервые стало предметом комплексного специального исследования. В ходе изучения воеводского управления были привлечены новые источники, большинство из которых впервые было введено в научный оборот, позволяющие подробно изучить функционирование местной государственной власти и рассмотреть состав воеводских канцелярий. В диссертации впервые сделана попытка специального исследования состояния и развития местного государственного управления в Пермском Прикамье в указанный хронологический период. В работе рассмотрены состояние и эволюция уездного воеводского управления в XVII в.; особенности государственного управления в полиэтничном регионе. Были описаны принципы воеводского управления в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв., проанализированы особенности воеводского управления Пермского Прикамья в сравнении с управлением Сибирью и центральными уездами Российского государства. В работе были определены общие и особенные аспекты воеводской власти Пермского Прикамья по сравнению с общероссийским и сибирским материалом. В историографии не решены вопросы комплексного исследования функционирования воеводской власти как составного элемента местной администрации Пермского Прикамья в конце XVI–XVII вв. Исследования носят фрагментарный характер. В диссертации комплексно изучается воеводское управление на территории Пермского Прикамья в указанный хронологический период.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. С присоединением Перми Великой к Московскому государству на новоприсоединенных территориях постепенно была установлена система

воеводского управления. Апробированное в Чердыни воеводское управление в 1570-х гг. постепенно в XVII в. распространилось и на всю территорию Пермского Прикамья (в Кунгур). При этом специфика воеводского управления в Пермском Прикамье сохранялась.

2. Военные функции прикамских воевод являлись одними из основных в период становления административной власти в Пермском Прикамье в конце XVI – начале XVII в. Во второй половине XVII в. на первое место выходят административные и судебные функции. Первые воеводы выступали в основном как военачальники, призванные осуществлять борьбу с инородцами, участвовать в подавлении сопротивления коренного населения.

3. Деятельность воеводы предполагала тесное сотрудничество с органами мирского самоуправления. Параллелизм в местном управлении проявлялся как в отсутствии слаженности и четкого взаимодействия между воеводами и «миром», так и в наличии разнообразных должностных лиц. Воеводы считались представителями центральной власти, подчинялись напрямую руководству приказов в Москве, а во взаимодействие с представителями «миров» входили преимущественно для решения задач хозяйственного характера. В конце XVII в. из компетенции воевод изымаются некоторые фискальные функции, с целью уменьшения злоупотреблений.

4. Владения Строгановых создавали неудобства для воевод при управлении территорией только при возникновении спорных вопросов, которые решались воеводами по грамоте царя. В целом, воеводы неохотно взаимодействовали со Строгановыми по территориальным вопросам, но часто объединялись, если была возможность взаимовыгодного сотрудничества (решение проблем Строгановыми за взятку).

5. Воеводы Пермского Прикамья сохраняли значительную самостоятельность, ввиду географической отдаленности территории от Центральной России. Отличием начала XVII в. от конца XVII в. являлись жесткая централизация власти на местах, относительно унифицированный подход в управлении на территории расширившейся страны, попытки контролировать воевод с помощью «мира». В Сибири по сравнению с Пермским Прикамьем отчетливее проявилась роль

воеводской администрации, как проводника правительственной политики, так и гаранта территориальной целостности государства.

6. Правительство преследовало цели, с одной стороны, как можно больше централизовать и укрепить воеводскую власть в Пермском Прикамье с целью продвижения в Сибирь, а с другой – использовать уральские территории в качестве форпоста для освоения Сибири.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что представленный материал может способствовать изучению вопросов истории и специфики становления местной власти в Пермском Прикамье. Содержание диссертации может оказать практическую помощь при написании научных работ по истории Пермского края, разработке проблем истории государственного управления в России и Пермском крае, написании учебных пособий по истории России и Пермского края, подготовке семинаров и других форм учебной работы в сфере исторических и политических наук. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании общего курса «История Урала», при разработке спецкурсов и в практике библиотечного дела.

Теоретическая значимость исследования для исторической науки заключается в том, что в оборот были введены новые архивные материалы, что вместе с использованием опубликованных источников помогло создать комплексную картину воеводского управления на территории Пермского Прикамья в XVII в. Прделанная работа не просто продолжает и переосмысливает ранее проведенные исследования различных аспектов управления в Пермском Прикамье, но вскрывает и анализирует новые реалии, процессы и тенденции в трансформации управления Пермским Прикамьем в XVII в. Несмотря на появление исследований, посвященных особенностям управления Пермским Прикамьем в XV–XVIII вв., ряд актуальных научных проблем остался вне поля внимания исследователей.

Апробация исследования. Результаты исследования апробированы в докладах на конференциях международного (Тамбов, 2013, 2014), всероссийского (Новосибирск, 2013) и регионального (Пермь, 2011, 2012, 2014) уровней, а также

представлены 10 статьями в региональных и столичных изданиях (три – в журналах из списка, рекомендованного ВАК), общим объемом 6,5 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя одиннадцать параграфов, заключения, библиографического списка и приложений. Изложение фактического материала и его анализ построены автором диссертации по историческому и системному принципам. Материал внутри глав расположен, в основном, в хронологическом порядке. Такого рода систематизация материала дает возможность проследить основные этапы эволюции воеводского управления в Пермском Прикамье. В заключении подводятся итоги работы и выделяются основные особенности воеводского управления в Пермском Прикамье.

Глава 1. Становление и развитие воеводской власти в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв.

1.1 Появление института воевод на землях Пермского Прикамья

Появление и формирование института воевод – сложная проблема, решение которой возможно только при специальном изучении всей картины форм местного управления второй половины XVI в. Определим основные аспекты формирования института воеводства в Русском государстве и Пермском Прикамье.

Становление воеводской системы как звена местного управления было постепенным. В литературе не отмечается четкой даты установления воеводской власти. Также такую дату трудно обозначить для Пермского Прикамья.

Изначально термин воевода был связан с военной службой, но позже воеводами стали называть должностных лиц, назначаемых для управления определенными территориями. Назначение воевод в Европейской России началось в XVI в., однако в первой половине XVI в. их чаще ставили в пограничных городах. К началу XVII в. практика назначения воевод на окраинные территории становится регулярной. По мнению М.М. Богословского, на взаимоотношения государства и земства «в XVII в. должна была неизбежно отозваться та перемена, которую испытывает в этом веке, в особенности со второй его половины, общий строй государственного управления, становящийся все более бюрократическим»⁴².

Выражением этой бюрократизации было появление на местах воеводской власти с ее вмешательством в деятельность самоуправления, главным образом, в деятельность, направленную на исполнение казенных финансовых и судебных повинностей. М.М. Богословский, как исследователь самоуправления на русском севере, показывает, что казенное тягло, непомерно растущее в XVII в.,

---

⁴² Богословский М.М. Указ. соч. С. 1.

«наибольшею долею своего веса упавшее именно на северные черные миры, давило их самоуправление и создавало усиление воеводской власти»⁴³.

Рассмотрим вехи истории утверждения воеводского управления в Пермском Прикамье в контексте развития приказной системы и воеводского управления в Русском государстве.

Впервые слово «пермь» встречается в «Повести временных лет». Вероятнее всего, первоначально так называли население Вычегодского бассейна, предков коми-зырян. Впоследствии эта территория в русских летописях именовалась Пермью Старой, Пермью Вычегодской.

В 1333 г. новгородцы уступили Вычегду и Печору Москве, и здесь, на территории нынешних коми-зырян, устанавливается московский аппарат управления. В конце XIV в. вхождение Перми Вычегодской в состав Московского государства было закреплено деятельностью православного миссионера Стефана Пермского. В 1364 г. новгородцы предпринимают поход на восточный склон Урала и в Приобье. В это время на территорию верхнего Прикамья начинает проникать русское население, начинается стихийная русская крестьянская колонизация верхнего Прикамья.

В XIV – первой половине XV вв. на земли по Верхней Каме, которые считались волостями Великого Новгорода, посягало Московское княжество. Активная деятельность московских великих князей на северо-востоке являлась частью борьбы за создание единого Русского государства. В Перми Великой в начале XV в. стали возникать новые русские поселения. В XV в. русское население проникает в основном на север современного Пермского края.

Вхождение верхнекамских земель в Русское государство подробно освещается во многих летописях. В Вычегодско-Вымской летописи упоминается, что в 1451 г. князь Василий Васильевич прислал наместника Ермолая править в Вычегодской земле, а его старшего сына Михаила Ермолича – в Перми Великой (Чердынь). В то же время началась христианизация Прикамья. В Чердыни появляется первый на Урале Иоанно-Богословский монастырь.

---

⁴³ Богословский М.М. Указ. соч. С. 1.

Однако назначение наместника и христианизация еще не обеспечивали прочной власти московских князей в Перми Великой. Она не раз подвергалась разорительным набегам со стороны Казанского и Сибирского ханств. Наместник Михаил не всегда стремился выполнять указания московского князя. В 1471 г. он отказался принять участие в объединенном походе русского отряда на Казань. События в Перми Великой стали известны в Москве. Московский князь Иван III организовал в 1472 г. крупный военный поход на Пермь Великую. Руководить походом было поручено опытному военачальнику князю Федору Пестрому Стародубскому и устюжскому воеводе Гавриле Нелидову.

Одна часть отряда во главе с Гаврилой Нелидовым ушла на нижнюю землю, захватила городок Урос, затем саму Чердынь и Покчу. Федор Пестрый отправился на верхнюю, северную землю, где ему пришлось с боем взять укрепленный городок Искор. После взятия основных городков оба отряда встретились в Покче. Весть об успешном завершении похода была получена в Москве 26 июля 1472 г. Территория Перми Великой одной из первых на Урале окончательно вошла в состав Русского государства, что стало важным историческим событием.

Князь Федор Пестрый остался в новой столице – Покче, а наместника Михаила и местных воевод Бурмота, Кочу, Исура и Зырну вместе с товарами отправил в Москву к Ивану III, но «князь великий отпустил Михаила на Пермь ж княжити». Великопермский князь Михаил правил до 1481 г. После его гибели в бою с пелымскими вогуличами (манси), напавшими на Чердынь и Покчу, в Перми Великой стал править его сын Матвей. В 1505 г. великий князь Василий III присылает из Москвы нового наместника – Василия Андреевича Ковра, порядок правления которого определяла специальная уставная грамота⁴⁴.

По словам А.А. Дмитриева, «расширение Московского Великого княжества посредством присоединения к Москве княжеств и областей вызвало заботы московского правительства устроить в присоединяемых землях управление, которое могло бы соответствовать желаниям правительства и быть органом центральных

---

⁴⁴ Чагин Г.Н. Власть и управление в Перми Великой XV – XVI вв. // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 217.

установлений Москвы»⁴⁵. Позднее в Чердыни наместников заменили воеводами, которые подчинялись Новгородскому приказу. Для управления городом и уездом воевода имел приказную избу.

В центральной части Российского государства в середине XVI в. была проведена земская реформа для развития ремесла и торговли в государстве, а также в интересах промышленников, купечества и зажиточных крестьян. Вводилась новая система обложения. Основной ее единицей стала «соха» – мера земельной площади в зависимости от качества земли в сельской местности и определенного количества дворов в городах. Введение поземельного обложения было связано с ростом земледельческого освоения края.

А.А. Зимин отмечал, что во второй половине XVI в. «власть наместников-кормленщиков постепенно заменилась воеводским управлением» и «что ход этого процесса должен послужить предметом специального исследования»⁴⁶.

По мнению А.А. Дмитриева, первоначально «царь Иван IV решился уничтожить наместников»⁴⁷, чтобы развивать управление выборными лицами от общин. Стремясь таким образом построить местное управление на системе общинного выборного начала (речь идет о губной реформе), Иван IV «конечно не вдруг уничтожил везде наместников», напротив, он посылает на дальние места, требовавшие особого «военного обережения» военных служилых людей с правами прежних наместников, «называвшихся иногда наместниками, но чаще, по причине их постоянной военной деятельности – воеводами»⁴⁸.

Начальный этап складывания системы воеводского управления А.П. Павлов относит к последней четверти XVI – началу XVII в. (до 1605 г.)⁴⁹. На взгляд автора, это верно и по отношению к Пермскому Прикамью. На землях, которые ранее вошли в состав Русского государства, воеводское управление возникло раньше. Во второй половине XVI в. происходит укрепление Русского централизованного

---

⁴⁵ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 346.

⁴⁶ Зимин А.А. Указ. соч. С.435.

⁴⁷ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 350.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992.

государства. На уровне управления оно выразилось в возрастании значения носителя верховной власти (реформа 1547 г. Ивана Грозного, который установил самодержавную форму правления). Во время событий Смуты воеводская власть конституировалась в центре и на севере страны, что лишь завершило оформление воеводской системы в общерусском масштабе.

По мнению О.В. Семенова, появление института городских воевод «происходило на беспокойных окраинах государства, имеющих, к тому же, значительное инородческое население»⁵⁰.

Таким образом, по мнению большинства исследователей, появление института воевод в Российском государстве являлось процессом эволюционным, обусловленным всем ходом социально-политического развития страны во второй половине XVI в.

По мнению современного исследователя И.Н. Иваненко, «важной вехой в истории развития местного самоуправления на Руси явились реформы XVI в., когда старинная система «кормлений» сменилась специальными органами самоуправления – губными и земскими учреждениями, более «демократичными» и учитывающими интересы местного населения»⁵¹.

Органы земского самоуправления фактически находились под контролем воевод и наместников, а в зауральских городах их на первых порах не было. Выборные должности таможенных и других «голов» и целовальников стали нелегкой формой повинности посадских людей и крестьян, целиком находившихся под контролем воеводского управления. Особое положение занимали владения Строгановых.

В Пермском Прикамье устанавливался порядок, когда «сами наместники, и тиуны, и доводчики по погостам луков писати и корм брати не ездят, а разметывают пермяки меж себя корм по сохам, по дани». Выборные земские люди принимали участие в суде, «а наместнику... без целовальников и без старосты и без лучших

---

⁵⁰ Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV-первой половине XVII в. : Автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Екатеринбург, 2005. С. 19.

⁵¹ Иваненко И. Н. Этапы становления и развития законодательства о местном самоуправлении в России : историко-правовой и теоретический аспекты : Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Иваненко Игорь Николаевич; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т].- Краснодар, 2008. С. 9.

людей суда не судить, а целовальников пермяки выбирают у себя сами, кто им люб»⁵². Местом работы выборного органа стала земская изба.

Ранее существовавшие, юридически не оформленные и развивавшиеся исключительно на основе правового обычая формы общественного устройства были возведены в ранг признанных законом общественных институтов и приспособлены к общему механизму государственного управления. При этом губные органы вводились в действие не общим указом, а отдельными грамотами, определявшими в общих чертах состав, структуру и компетенцию новых учреждений. Фактический объем полномочий губных органов был намного шире официально определенного. В то же время наряду с ними существовала приказно-воеводская система, стремившаяся подчинить себе эти самоуправляющиеся начала.

Видя неспособность наместников вести борьбу с «лихими» людьми, правительство, начиная с 80-х годов XVI в., для поимки преступников и суда над ними стало создавать специальные органы – губные избы, являвшиеся судебными органами губы, нового территориального округа. Избы эти состояли из губных старост и целовальников, выбираемых местным населением губных дьяков из состоятельных жителей.

Опыт создания этих учреждений себя оправдал. Поэтому дальше появляются и другие выборные: земские старосты, земские судейки, земские дьяки. Потом выборным лицам стали передаваться и новые функции: административные, финансовые.

Основной функцией наместников и воевод Пермского Прикамья в XVI в. была организация обороны от внешних врагов. А.А. Дмитриев подчеркивает изначально военные функции воевод. Он отмечает, что вследствие обстоятельств [вероятнее всего, речь идет о Смутном времени – А.К.], воеводское управление стало общей системой местного управления, а выборное начало, хотя не исчезло с развитием воеводского управления, но получило другое значение – «служилое, правительственное»⁵³. Эту точку зрения проводит и М.М. Богословский.

---

⁵² Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884. С. 31.

⁵³ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск V. Пермь, 1884. С. 351.

В Пермском Прикамье в 1572 г. еще существовал институт наместников. 6 августа 1572 г. в качестве наместника упоминается князь Иван Юрьевич Булгаков-Голицын. В сентябре 1570 г. Булгаков являлся первым воеводой полка Левой руки «на берегу», а в сентябре 1573 г. возглавлял Большой полк, сосредоточенный в Муроме, для похода на казанскую черемису (см.: приложение 1). По мнению О.В. Семенова, он мог наместничать в Перми в промежуток между осенью 1570 г. и осенью 1573 г.⁵⁴

А.А. Дмитриев отмечает, что воеводское управление в присоединенных к Русскому государству землях в XVI в., должно было быть «различным при той политике московского правительства, которая высказалась уже при великом князе Иване III и неуклонно преследовалась его преемниками до самого конца XVII в.»⁵⁵. На землях территориальных образований центральной части Российского государства, которые не имели значительных особенностей в системе управления (Ярославское, Дмитровское княжества), были раньше введены унифицированные формы управления. В Новгородских и Псковских землях, по мнению А.А. Дмитриева, «следовало сначала сломить те общинные формы, которые резко отличали управление этих местностей»⁵⁶.

6 ноября 1581 г. в качестве наместника Перми Великой упомянут князь Иван Михайлович Елецкий, а с 30 декабря 1581 г. по 16 ноября 1582 г. наместником являлся Василий Иванович Пелепелицын. Список воевод Перми Великой начинается с имен Салтана Чаплина (август 1592 г.) и Никифора Васильевича Троханиотова (1592 г.). Годы воеводства Сарыча Шестакова у О.В. Семенова обозначены датам с 1593 г. – 2 сентябрь 1598 гг., а у А.А. Дмитриева он упоминается в 1594-1596 гг.⁵⁷

---

⁵⁴ Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 384-386.

⁵⁵ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск V. С. 347.

⁵⁶ Там же. С. 347.

⁵⁷ Список воевод приводится по: Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.118-125; Соликамские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.126-127; Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. С.170-181.

Таким образом, можно считать, что воеводское управление Пермского Прикамья окончательно сформировалось в конце XVI в. Административный аппарат Перми Великой в XVI в. был невелик. Он состоял из наместника, тиунов, доводчиков и приставов. По уставной грамоте 1553 г. в Перми Великой права наместников были ограничены, размеры «корма» четко фиксировались, сбор дани и корма был возложен на выборные органы самоуправления. Земские старосты и целовальники избирались «от всех градских людей и сельских» из числа «добрых» или «лучших».

Рассмотрим далее основные аспекты расширения границ русского государства и формирования приказной системы управления. Территория Пермского Прикамья в XVII в. принадлежала к разным приказам.

Во второй половине XVI в., в связи с расширением границ русского государства, начинается активная колонизация его окраин. Как отмечает В.А. Оборин, колонизация Урала – это частное проявление общерусского колонизационного процесса, имеющее кроме общих черт и свои специфические особенности. В этот период наблюдается два основных колонизационных потока. Закрепощаемое крестьянство центральных районов государства переселяется в южные районы страны и в Поволжье, а черносошное крестьянство северных уездов Поморья – в Приуралье, а затем в Сибирь»⁵⁸.

Со второй половины XVI в. стихийная народная колонизация становится ведущей среди других форм колонизации, причем главную роль играет крестьянское переселение и освоение новых территорий, придающие постепенно всему процессу перемещения крестьян значение массового явления. Крестьян привлекало в Пермское Прикамье не только обилие свободных земель, но и возможность занятий традиционными для северного крестьянства промыслами (охота, рыболовство, солеварение, лесоразработки, металлургия), льготы и преобладание на Урале исчисления государственных налогов в денежной форме.

Заведование некоторыми государственными делами или отдельными областями государства начинают осуществлять приказы – органы центрального

---

⁵⁸ Оборин, В. А. Указ. соч. С. 96.

управления в Москве. Приказы назывались иначе палатами, избами, дворами, дворцами, третями или четвертями. Воеводы подчинялись центральным приказам.

Система приказов начала формироваться с конца XV в. Центральными органами исполнительной власти (осуществлявшими и ряд судебных функций) с конца XV до конца XVII вв. были московские приказы. Изначально они строились по функциональному признаку (внешние сношения, военное дело, финансы, кадровые вопросы, пресечение преступности, распоряжение земельным фондом и т.д.); «в этом смысле приказы приблизительно соответствовали петровским коллегиям и александровским министерствам»⁵⁹. В XVI в., наряду с функциональными приказами, в Москве стали возникать центральные ведомства, управлявшие некоторыми регионами.

Первая половина XVII в. – время расцвета приказной системы и постепенного ее внедрения во все отрасли управления. Она сложилась в области центральных дворцовых и государственных учреждений еще в XVI в., и в первые десятилетия XVII в. все более проникала в среду местного управления. Этот процесс шел одновременно с расцветом деятельности земских соборов и усилением Боярской думы.

Ненадолго процесс формирования прерывался Смутой. Как отмечает Н.Ф. Демидова, в 10-е и 20-е годы XVII в. происходит восстановление всех звеньев системы государственного управления, разрушенного бурными событиями начала века. Уже в первые годы правления династии Романовых начали функционировать примерно двадцать прежних центральных учреждений⁶⁰.

Территориальный характер имели московские приказы. Главные приказы, «ведая государственные дела на всем пространстве, ведали еще специальные дела в известных областях его. Это совмещение общегосударственного характера с территориальным – любопытнейшая черта в устройстве московских приказов...»⁶¹.

---

⁵⁹ Покровский Н.Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 18.09.2013.

⁶⁰ Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. / Н. Ф. Демидова – М., 1987. С. 20.

⁶¹ Ключевский В.О. Терминология русской истории // Сочинения в девяти томах. Том 6. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 140.

Одним из главных приказов был Посольский – ведомство иностранных дел. Но Посольский приказ, занимаясь иностранными сношениями, управлял еще пятью городами с их уездами, и эти уезды не имели между собой никакой территориальной связи. Как упоминает В.О. Ключевский, к ним принадлежали города с уездами: Балахна, Соликамск, Чердынь, вся Великая Пермь.

Личным составом служилых людей из дворян ведал Разрядный приказ, имевший сложную структуру: он подразделялся на пять территориальных столов (Московский, Владимирский, Новгородский, Севский, Белгородский), и столы специального назначения: денежный и приказный. Территориальные столы вели учет рядового состава армии в пределах определенного военного округа («разряда»). Здесь составлялись списки служилых – десятин, смотренные списки служилых людей в «естях» (наличности) и «шлях» (отсутствии), акты приема и передачи городов воеводами (рописные списки)⁶².

К приказам особенным, связанным с разными делами управления в известных частях Российского государства, принадлежали четверти. «В числе других, известна Нижегородская четверть, название которой заменяется Новгородской и с 1618 г. это последнее название окончательно устанавливается. Именно к Новгородской четверти и принадлежало Пермское Прикамье»⁶³.

Территория Новгородской четверти (1601 г.) представляла собой более или менее оплошной массив бывших новгородских земель.

«В начале XVII в. часть Пермской губернии состояла в ведении Казанского Дворца или Приказа Казанского Дворца. В царствование Бориса Годунова в Казанском Приказе сосредоточивались дела царств Казанского, Астраханского и Сибирского»⁶⁴. Таким образом, воеводы, дьяки, приказные, головы татарские, стрелецкие и казачьи, сотники, татары служилые, черемисы и башкиры состояли в ведении Приказа Казанского Дворца. Когда был учрежден Сибирский Приказ, то его дела были переданы в ведение последнего.

---

⁶² Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 52.

⁶³ Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884. С.43.

⁶⁴ Там же. С.43.

С 1657 г. Новгородская четверть зависит от Посольского Приказа, а затем в 1670 г. переименовывается в Новгородский Приказ, под которым состояла Пермь с городами Чердынь и Соликамск.

В качестве центрального органа сословного представительства с 1549 г. до конца XVII в. действовали Земские Соборы, на которых отдельными куриями были представлены боярство, духовенство, территориальные землячества дворян, а с 1566 г. и верхушка торгово-промышленного населения русских городов. По мнению Н.Н. Покровского, органы администрации «находились в сложном взаимодействии и одновременно противостоянии с сословно-представительными учреждениями в центре и на местах»⁶⁵.

Итак, к концу XVI в. Московское государство имело уже сложившуюся систему органов центральной и местной правительственной администрации. Воеводы являлись представителями административной властной вертикали в городах России. Их назначение реально зависело от царя с Боярской Думой, Разрядного приказа, ведавшего кадровыми назначениями и территориальных приказов.

Заботой центрального правительства в XVI–XVII вв. становится обеспечение эффективного управления на местах и обеспечение территориального расширения государства. Чтобы нерусское население Сибири «содержать в послушании, а других присоединять в подданство московского царя и наконец пермские земли заселять русскими – необходимо было в Сибири умножать города и учреждать в них гарнизоны и заботиться о снабжении городов хлебными запасами»⁶⁶. Подобные планы правительства стали приводиться в исполнение с 1592 г., а именно, при заложении трех новых городов: Пелыма, Березова и Сургута. Ввиду этого, чердынскому воеводе Никите Васильевичу Троханиотову было велено «с некоторым числом воинских людей, идти в Сибирь», для отвращения

---

⁶⁵ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 18.09.2013.

⁶⁶ Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1881. С.114-115.

происходивших от татар набегов, а потом указано ему «быть с командою для прикрытия строения г. Пелыма и оттуда, для городского строения идти в Березов»⁶⁷.

В первое время завоевания Сибири, туда везли из центральной части Российского государства хлеб, соль, холст, выделанные кожи, оружие и военные снаряды. Московские знатные «гости» или купцы, зимой закупали в большом количестве хлеб, складывали его на месте покупки в Казани и «поморских городах» – Устюге, Вятке, Перми Великой (Чердыни), Кайгороде, и отправляли его в сибирские новопостроенные города. С течением времени подвоз хлеба постепенно сокращался, но Сибирь долго нуждалась в деньгах на жалованье служилым людям. «Та же Казань и «поморские города», взамен хлеба, стали доставлять Сибири деньги, что составляло для них своего рода повинность»⁶⁸.

Прикамье в то время представляло собой важную стратегическую территорию. Активное заселение русскими Пермского Прикамья хронологически совпало с постепенным утверждением воеводского управления по всей стране. По мере присоединения прикамских территорий на них частично переносилась система управления, существовавшая в городах и уездах европейской части Русского государства.

По сравнению с освоением Пермского Прикамья, включение Сибири в состав Русского государства отличалось от ситуации вокруг Перми Великой в начале XVI в. В крае существовали враждебные государственные образования, проживали слабо подверженные влиянию со стороны православия и славянской культуры коренные народы.

Русское государство при освоении Пермского Прикамья и в дальнейшем Сибири придерживалась четко продуманного плана и с самого начала пошло на установление здесь жесткой, военизированной власти. Однако при всей специфике местных условий, воеводская система управления формировалась на тех же принципах и имела аналогичные основные функции, что и в европейской части страны. Фактически синхронно (в промежутке между 1582 и 1592 г.), в силу схожих

---

⁶⁷ Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1881. С.114-115.

⁶⁸ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск VIII. Пермь, 1900.

условий, становление новых административных порядков происходило и в Пермском Прикамье.

Д.А. Ананьев отмечает, что «универсальный характер власти местных управителей был продолжением и олицетворением верховной (великокняжеской или царской) власти, при этом не существовало четкого представления о разнице между центральным и местным управлением, о самостоятельном значении и особенностях последнего»⁶⁹.

По замечанию Н.Ф. Демидовой, для правительства в первой половине XVII в. зачастую была характерна «большая осторожность и готовность удовлетворить местные требования, выдвигавшиеся в плане развития сословно-представительных начал снизу, хотя они и противоречили последовательно усиливающемуся на местах приказному началу, как выражению централизации управления сверху»⁷⁰. Подобные тенденции трудно было заметить в Пермском Прикамье.

По мнению автора, именно воеводы были опорой для сменяющихся правительств, а также приняли деятельное участие в устранении последствий Смутного времени. Между воеводами окраинных территорий была налажена переписка, в которой обсуждались вопросы присылки войск и набора. Данный вопрос подробно рассмотрен автором во второй главе диссертации.

Воеводы стали органом местного управления, общим для российских уездов по обе стороны Урала. Под руководством прикамских воевод и их «товарищей» действовали приказные (съезжие) избы, аппарат которых мог включать в себя дьяка или подьячего «с приписью» и приказных служителей (подьячих).

Преследуя цели собирания и объединения разрозненных земель, Москва стремилась уничтожить крупные областные единицы и тем самым до конца изгладить из памяти местного населения прежнее самостоятельное политическое существование этих земель, бывших когда-то царствами, княжениями, землями. Основной единицей становится уезд. Уездом стали называть земли, прилегавшие к городу.

---

⁶⁹ Ананьев Д.А. Указ. соч. С.56.

⁷⁰ Демидова, Н. Ф. Указ. соч. С. 29.

Уже в XVI в. на Пермской земле обозначились три уезда: Чердынский, Соликамский, или Усольский, и Кайгородский. Последний располагался по самому верхнему течению Камы. Ниже лежал Чердынский уезд в области камских притоков Вишеры с Колвой и Косы с Уролкой. Еще ниже – Соликамский – в районе Яйвы, Косьвы, Иньвы и Обвы. Владения Строгановых продолжали быть особым округом.

По мере продвижения русской колонизации по среднему Прикамью на юг и заселения его русскими людьми, к концу XVI в. к югу от владений Строгановых образуется новый уезд, который был передан в ведение Казани. Центром уезда являлась созданная тогда же Ново-Никольская слобода, которой отводилась роль опорного пункта на восточной окраине русского государства (впоследствии это Осинский уезд с г. Осой).

В территориальном отношении в XVI в. прикамские уезды стали делиться на станы. В Чердынском уезде имелось, например, четыре стана: окологородный, верхний, нижний и малозаселенный отхожий. Станы делились на погосты, появление которых в Пермском Прикамье можно объяснить новгородским влиянием. Слово «погост» обозначало то место, где стояла церковь. К этому месту и тянулись жители деревень, починков и других общин, чтобы выплатить налоги или найти защиту у суда⁷¹.

На первых порах Чердынь, как столица, заселялась более высокими темпами. Но в начале XVII в. активнее стал развиваться Соликамск. В 1613 г. в Соликамске учреждается воеводство, которому в 1636 г. передается и Чердынский уезд. Из северных районов раннего русского заселения Перми Великой начался отток населения на другие территории Среднего Урала, во вновь образованные Кунгурский и Верхотурский уезды.

Что касается Кунгурского уезда, воеводское управление в нем было установлено позже. Нижнее течение Сылвы вошло в 1568 г. в состав вотчины Строгановых. Освоение русскими Сылвы и Ирени началось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения. Владелец Соликамских солеварен Ф. Елисеев с братьями и племянником И. Суровцевым образовал в 1620–1640-е гг.

---

⁷¹ Ушаков А.А. Указ. соч. С.16.

вотчину с местным и пришлым русским населением. Угодьями завладели монастыри – Соликамский Вознесенский и Пыскорский Спасо-Преображенский.

«Быстрым заселением этих мест и наличием большого резерва плодородных земель воспользовалось правительство Русского государства. В 1648 г. оно создает в Среднем Приуралье новый уезд – Кунгурский. Центром его явился острожек, построенный недалеко от впадения р. Кунгур в р. Ирень. Все это – основание уезда и острожка, поощрение переселения беглых людей на сылвенские и иренские земли – было очень важно для укрепления восточных границ Русского государства»⁷².

Благодаря выгодному географическому положению и природным условиям Кунгурский уезд имел немало преимуществ для заселения крестьянством. Сылвенско-Иренское поречье (Кунгурский уезд) стало частью Русского государства после присоединения Казанского ханства к Москве.

Итак, в данном параграфе автором изучены на основе историко-нормативного материала структура местного самоуправления времен царствования Ивана IV и начала XVII в., полномочия приказов, губных и земских органов самоуправления, результаты их деятельности.

Автор отмечает тот факт, что земская реформа проводилась на основе и в соответствии с земскими грамотами как правовыми актами, и внедрение земских институтов происходило параллельно с губными учреждениями самоуправления. Несмотря на это, и губная, и земская реформы шли «снизу».

Именно во времена правления Ивана Грозного была создана единая система управления, введен общегосударственный налог. В Пермском Прикамье система органов управления дублировала общероссийскую систему. В общих чертах ее можно считать эффективным институтом управления окраинной территорией в тот период времени.

В Пермском Прикамье, как и в других пограничных районах страны, полного уничтожения наместнической власти не произошло. Наместническая власть, ограниченная органами самоуправления, стала постепенно перерастать в

---

⁷² Чагин Г.Н., Шилов А.В. Указ. соч. С. 10.

воеводскую. Уже в грамоте, данной Строгановым в 1572 г., князь Иван Юрьевич Булгаков именуется воеводой, а не наместником.

Таким образом, по мнению автора, начало формирования в Пермском Прикамье института воеводского управления относится к концу XVI в. К середине XVII в. институт воевод был введен во всех исследуемых уездах, Чердынском, Кунгурском, Соликамском. Воеводское управление утверждалось как институт управления окраинной территорией.

1.2 Воеводы в Пермском Прикамье в конце XVI – начале XVII вв.: порядок назначения, штрихи к портрету прикамских воевод

Внедрение самого приказного начала в местное управление опережало распространение понятия «воевода» со значением царского администратора, назначенного из Москвы. По мнению А.А. Дмитриева, самые главные обязанности воевод заключались «в управлении военными и хозяйственными царскими делами»⁷³. В последней четверти XVI в. и в годы Смуты в Пермском Прикамье такие администраторы известны под терминами «воеводы». Так, в 1608–1609 гг. тремя уездами Перми Великой управляли Ф.П. Акинфов и подьячий Н. Романов. Земские власти Кайгородка и Соликамска официально обращались к ним как к «государевым приказным», а царские грамоты адресовались «воеводе» Акинфону⁷⁴.

Как отмечает Н.П. Ерошкин, «во второй четверти XIII в. с усилением власти князей междуречья Оки и Волги, а также с ослаблением городов после монголо-татарского нашествия вече теряет какую-либо силу. Большое значение при князе приобретает феодальный совет, состоявший из нескольких (10–15) наиболее знатных бояр. В первую половину XV в. из среды боярства выделялась особая категория «бояр введенных» – постоянных советников великого князя и исполнителей его поручений по всем вопросам государственного управления»⁷⁵.

⁷³ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск V. Пермь, 1884. С. 352.

⁷⁴ Царская грамота в Пермь Великую, подьячему Науму Романову, о прекращении ссор его с Федором Акинфовым и о невершении им никаких дел без общего согласия, 21 августа 1608 г., №86 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.178-179.

⁷⁵ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 27-28.

Большой вес в совете имели такие лица, как тысяцкий, окольный и казначей. Чины окольного и казначея были тесно связаны с ростом власти и единодержавия великого князя московского. Окольный являлся ближайшим советником и исполнителем поручений великого князя, особенно в области дворцового управления.

Проявлением личного начала стал принцип назначения в наиболее крупные и стратегически важные города лиц, приближенных к великому князю или царю. Если город по каким-нибудь обстоятельствам вызывал особый интерес правительства, то наместником туда посылался чиновник, приближенный к князю, например, окольный. В XVII в. обладатели думных чинов, бояре и окольные, назначались преимущественно в крупные или пограничные города. «В Сибири представители титулованной знати оказывались на воеводских должностях в Верхотурье, Томске, Березове, Тюмени, Таре, Енисейске»⁷⁶.

В сочинении Г.К. Котошихина упоминается, что в Великий Новгород, царства Казанское, Астараханское, Сибирское, а также «в первые города» посылаются воеводы, бояре и окольные, а с ними товарищи, «з боярами окольные и столники и дьяки, а с окольными столники и дьяки; и ведают те государства, с пригороды и с уезды»⁷⁷. Также в большие и средние города отправлялись на воеводство стольники, дьяки, подьячие вместо дьяков.

В таком принципе подбора кандидатов на замещение главных должностей в местном управлении Сибири и Пермского Прикамья можно усматривать проявление старинного лично-правового взгляда, когда представлять интересы верховной власти в наиболее важных сферах управления поручалось ее самым доверенным лицам.

В течение XVII в. постепенно увеличивается численность служилого сословия (таблица 1.1). Необходимость учета специфики районов Поволжья и Сибири при проведении в них общегосударственных мероприятий требовала учреждений, приказной состав которых был бы компетентен в местных условиях.

---

⁷⁶ Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 58.

⁷⁷ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. С. 102.

Таблица 1.1. Число приказных изб в XVII в.⁷⁸

Район	1626 г.	1633 г.	1645 г.	1656 г.	1664 г.	1677 г	1682 г.	1698 г.
I. Города западного района: псковские и новгородские	12	12	12	13	13	13	13	13
«от литовской Украины»	9	9	10	11	12	12	12	12
смоленские	-	1	-	8	8	7	5	5
северские	4	4	5	9	10	10	10	10
малороссийские	-	-	-	5	5	5	5	5
Итого:	25	26	27	46	48	47	45	45
II. Города центрального района (замосковные): западные	22	22	22	22	22	22	22	22
восточные	32	32	32	32	32	32	32	32
Итого:	54	54	54	54	54	54	54	54
III. Города южного района: рязанские и окские	22	22	22	22	22	22	22	22
украинные	13	13	13	13	13	13	13	13
польские	9	9	-	-	-	-	-	-
внутри Белгородской черты	-	-	8	13	15	18	18	18
по черте	-	-	15	23	24	24	24	25
за чертой	-	-	2	4	10	14	17	17
Итого:	44	44	60	75	84	91	94	95
IV. Города северного района: вятские	5	5	5	5	5	5	5	5
пермские	3	3	3	3	4	4	4	4
поморские	12	12	12	12	12	12	12	12
Итого:	20	20	20	20	21	21	21	21
V. Города юго-восточного района: понизовые	28	29	33	33	33	34	35	36
по Симбирской и Сызранской чертам	-	-	-	8	9	10	10	11
– по Корсунской черте	-	-	-	5	6	6	6	7
– по Саранской черте	-	-	-	4	4	4	4	4
– по Закамской черте	-	-	-	3	3	5	5	5
сибирские	14	17	18	21	22	23	25	24
Итого:	42	46	51	74	77	82	85	87
Всего:	185	190	212	269	284	295	299	302

⁷⁸ Демидова, Н. Ф. Указ. соч. С. 31.

По данным Н.Ф. Демидовой, в составе приказной группы к середине 40-х годов происходит значительное изменение, так как отрицательная реакция сословных представителей на деятельность и привилегии приказных людей привела к необходимости правового оформления этого рода службы. Большинство изб в середине XVII в. представляли собой небольшие учреждения. Только в некоторых были сравнительно крупные штаты приказных людей. «В 40-х годах в Новгородской съезжей избе работало 25 человек, в Псковской – 21, в Астраханской – 20, в Нижегородской и Тобольской – по 16. Более чем в 40 избах сидело только по одному подьячему. Наиболее типичными для этого времени были избы со штатами от двух до пяти человек»⁷⁹.

Личный состав съезжих, или приказных, изб разделялся на временную и постоянную части. Первая была представлена воеводами, дьяками, реже подьячими с приписью, присылавшимися в город на 2–3 года в Сибири и преимущественно на 1-2 года в Пермском Прикамье. Вторая состояла из местных подьячих, постоянно работавших в приказных избах. Это касалось и Пермского Прикамья. Количество городских дьяков было невелико (см. табл. 1.1). В 1626 г. их было 16 человек, в 1633 г. – 24, в 1646 г. – 21. Еще меньшим было количество подьячих с приписью (от 5 до 14 человек)⁸⁰. И те и другие являлись товарищами воевод, что оговаривалось в грамотах и наказах.

В первой половине XVII в. верхушка дьячества – думные дьяки – в города не посылались. Службу на местах прошло большинство приказных дьяков, особенно часты были направления в города молодых дьяков, недавно пожалованных в чин. Таким образом, в Пермском Прикамье число приказных изб было сравнительно невелико (3 в начале XVII в. и 4 в конце XVII в.).

В некоторых городах наличие двух дьяков бывало эпизодическим и связанным с временными причинами. Даже в такие крупные центры, как Псков и Новгород, в отдельные годы направлялось по одному дьяку.

---

⁷⁹ Демидова, Н. Ф. Указ. соч. С. 31.

⁸⁰ Там же.

Обычно дьяки и подьячие с приписью сменялись одновременно с воеводами, т. е. через 2–3 года, но бывали случаи и более длительной работы в городах этой приказной категории.

В Пермском Прикамье (конкретнее применительно к данному временному периоду – в Перми Великой) в 1613 – начале 1614 гг. был воеводой Петр Степанович Нащокин. С ним был дьяк Иван Тимофеевич Митусов. В конце 1613 г. Нащокина «в Перми не стало» (см. приложение 1).

27 марта 1614 – 1616 гг. в качестве воеводы упоминается Лев Ильич Волков, а с ним тот же дьяк Иван Тимофеевич Митусов, а после него – дьяк Степан Леонтьевич Пустошкин.

30 апреля 1614 г. вместе с Л. Волковым и И. Митусовым упомянут воевода Третьяк Никифорович Ивашев. Царская грамота от 9 ноября 1615 г. сообщала о назначении «товарищем» Волкова С. Пустошкина. Митусова же предписывалось немедленно отпустить в Москву. У А.А. Дмитриева воеводство Волкова окончилось в середине 1616 г.⁸¹

25 декабря 1617 г. – в начале декабря 1620 г. в той же Перми Великой воеводой был Гаврила Васильевич Лодыгин с дьяком Степаном Леонтьевичем Пустошкиным, затем упоминается подьячий с приписью Макар Внуков

Макар Внуков фигурирует в источниках уже 7 февраля 1619 г. В 1620 г. – июне 1622 г. воеводой является Василий Федорович Бутурлин, упоминается подьячий с приписью Макарий Внуков, затем – подьячий с приписью Неустрой Алимпиев. Последний раз Макарий Внуков упоминается в качестве дьяка в Чердыни в конце августа 1621 г.

Подьячие с приписью назначались обычно из подьяческого состава того приказа, в котором ведался данный город.

Значительно реже было назначение подьячих с приписью из состава местных подьячих. Главным образом это практиковалось в районах, подведомственных Казанскому и Сибирскому приказам. Количество подьячих с приписью в первой половине века было невелико и непостоянно.

---

⁸¹ Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1895. Вып. 6. С. 72.

По данным Н.Ф. Демидовой, всего городов, в которые на протяжении XVII в. посылались дьяки и подьячие с приписью, было не более 45. В большинстве приказных изб не было ни дьяков, ни подьячих с приписью. «Количество приказных изб, которые возглавлялись теми или другими, в первой половине века составляло примерно 1/7 от их общего числа»⁸².

В конце XVII в. резко возрастает численность штата приказов. «Для конца века в приказных избах учтено 1303 подьячих, с поправкой же для городов, сведений о которых не имеется, их число достигло примерно 1873 человек, а всей группы 1918 человек. Таким образом, с 40-х годов увеличение произошло в 2,4 раза. Так же, как и в приказах, самые большие изменения в составе приказных изб коснулись главным образом рядовых подьячих, число которых к 90-м годам XVII в. составляло примерно 1873 человека, т. е. в среднем по 6 человек на избу»⁸³.

Распределение подьячих между приказными избами городов было далеко не равномерным. Появление местных учреждений нового типа – приказных палат и разрядных изб, по размерам и внутреннему устройству приближавшихся к приказам, способствовало выделению из общего числа изб учреждений особо крупного масштаба.

Хотя в это время число приказных изб с небольшим количеством подьячих было еще велико, но это объяснялось не сохранением прежних размеров изб старых городов. Напротив, в большинстве из них подьяческие штаты увеличились. «В 1646 году в избах Соликамска и Чердыни было по одному подьячему, а в 1696 году соответственно 7 и 4»⁸⁴. Особенно четко прослеживается равномерный рост подьяческих штатов на примере приказных изб Сибири. С 6 до 10 человек увеличился за это время штат Томской приказной избы, а Кузнецкой с 2 до 4. Только в некоторых старых городах приказные штаты оставались стабильными на протяжении всего века.

Мелкие приказные избы были представлены, главным образом, учреждениями в новых городах-крепостях по оборонительным чертам. Пермское Прикамье и

---

⁸² Демидова, Н. Ф. Указ. соч. С. 33.

⁸³ Там же. С. 46.

⁸⁴ Там же. С. 47.

Сибирь, не являясь центральными территориями в составе Российского государства, были наглядным примером данной тенденции. Возросшее в целом число подьячих не удовлетворяло потребности в них на местах. Имеется много документов с жалобами городских воевод на увеличение объема приказных дел и несоответствие ему числа подьячих в избах. К жалобам воевод присоединялось иногда и местное население. Проблема иногда решалась путем назначения на должность умершего подьячего родственника.

Например, 26 июня 1693 г. была отправлена царская грамота в Кунгур стольнику и воеводе Федору Ивановичу Сухотину об утверждении сына бывшего подьячего кунгурской приказной избы Федора Медведевского в должности, которую занимал его отец. В грамоте указывалось, что «сидел на Кунгуре в съезжей избе в подьячих отец его Никитка Медведевской, а после смерти отца сидит он Федор в съезжей избе в подьячих... А грамоты ему не дано и нам... пожаловать б его, велеть ему быть на Кунгуре в съезжей избе в подьячих по-прежнему...»⁸⁵. После получения грамоты, к всеобщему удовлетворению, подьячий на законных основаниях утвердился в должности отца.

Следует выделить два периода в формировании штата приказных изб в Пермском Прикамье: время становления и оформления приказного начала (10-50 гг. XVII в.), и расцвет функционирования приказных изб во главе с воеводами (вторая половина XVII в.). Во втором периоде сформировалась категория людей, занятых вопросами управления.

В конце XVII в. в отношении Боярской думы и поселемestнического устройства служебной системы был создан такой документ как «Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням»⁸⁶. Изначально царь Федор Алексеевич и его ближайшее окружение составили проект, предполагавший введение в стране системы наместничеств, который не получил одобрения патриарха Иоакима. После отклонения документа была составлена его вторая редакция, существенно трансформировавшая суть

⁸⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, д. 152. Л. 1.

⁸⁶ Проект Устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням. Предисловие. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41803.php>. Проверено 10.03.2013.

основных предложений. Она и выразилась в «Проекте устава о служебном старшинстве».

Одно из центральных мест в документе заняли статьи, посвященные новому порядку формирования и работы Боярской думы. Документ предполагал создание четкой иерархии всех думцев через присвоение им наместнических титулов и степеней. Система наместнических титулов позволяла определять те нюансы в служебном старшинстве, которые были не подвластны местничеству.

«Проект устава...» давал возможность соотнести почетность занятия того или иного места в Думе с почетностью воеводских и придворных должностей. В «Проекте» выделялись 12 индивидуальных и 3 коллективных степени для заседателей Боярской думы. В «Проекте» предполагалось отвести в Боярской думе 61 место разной степени почетности. Между тем, наличный состав Боярской думы конца 70-х гг. насчитывал 97 человек. Великопермский боярин имел 24 степень из 34, но 9 место в Боярской Думе (из 61). В тексте документа подчеркивалось: «Болярин и наместник Великопермской имеет в наших царских полатах меж наместники девятое место». Авторы «Проекта» попытались уйти от устаревшей системы, при которой представители высшего общества, оставаясь членами Думы, исполняли должностные обязанности послов и воевод, что приводило к ставшей постоянной практике сбора Боярской думы в заведомо неполном составе. Заседание в Боярской думе должно было превратиться в единственную и постоянную работу, а статус думского заседателя фактически преобразоваться в должность. «При выведении половины бояр из состава Думы на иные службы, с одной стороны, функции членов Думы конкретизировались, ограничиваясь законотворческой и судебной работой, с другой стороны, создавались условия для реального контроля со стороны Думы над боярами, занимавшими «недумские» должности»⁸⁷.

Статус данных чинов представляет интерес в разрезе назначения воевод в Пермское Прикамье. Разумеется, чины некоторых воевод не упомянуты, поэтому статистика будет весьма приблизительной (см. таблицу 1.2).

---

⁸⁷ Проект Устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням. Предисловие. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41803.php>. Проверено 10.03.2013.

Таблица 1.2. Чины воевод, назначаемых в Пермское Прикамье (XVI – начало XVIII вв.)

Чин и статус	Количество	В % к общему числу
Окольничий	1	1
Стольник	19	17
С подьячим или дьяком	25	23
Стряпчий с ключом	1	1
Без упоминания чина и статуса в источнике	63	58
Общая численность	84	100

Рис. 1.1. Чины воевод Пермского Прикамья

Рис. 1.2. Упоминание прочих лиц с воеводами в Пермском Прикамье

Часто назначаются стольники, часто их сопровождают дьяки и подьячие. Таким образом, следует отметить значительный интерес правительства к Пермскому Прикамью.

В XVII в. из более чем 500 городских воевод в Сибири обладателей чинов боярина и окольного было только 22 человека. Подавляющее большинство составляли представители служилого дворянства, к которому можно отнести и довольно многочисленную (150 чел.) группу стольников, состав которых демократизировался в XVII в.⁸⁸ В этом случае ситуация Пермского Прикамья и Сибири почти идентична.

В то же время, следует отметить, что в большие города назначали несколько воевод; один из них считался главным. В небольших городах был один воевода. В слободах и волостях воевода осуществлял свою власть с помощью приказчиков. В Пермском Прикамье назначался в основном один воевода (см. список воевод в Приложении 1).

Для XVII в. историки насчитывают десятки примеров, когда после смерти городского воеводы его должность наследовалась сыном, что подтверждалось официально царской грамотой⁸⁹.

В Пермском Прикамье также были подобные прецеденты. Воевода Чердыни и Соликамска князь стольник Михаил Федорович Шейдяков скончался 4 мая 1687 г. Дослуживал за него его сын князь Афанасий Михайлович до 1688 г.

1692–1694 гг. в Чердыни и Соликамске был воеводой ближний стольник Семен Федорович Нарышкин. Он умер в Соликамске 2 июля 1694 г. Племянник покойного Семена Федоровича Андрей Андреевич Нарышкин дослуживал на воеводстве (с тем же подьячим Лукой Волковым) три месяца, по указу государя от 6 ноября 1694 г. до 1695 г. (см. приложение 1).

Такая позиция препятствовала выделению гражданской службы как самостоятельной отрасли управления, задерживала формирование слоя профессиональных администраторов.

---

⁸⁸ Данные: Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 59.

⁸⁹ Там же. С. 58.

Рассмотрим коротко систему оплаты и назначения воевод. По мнению В.Н. Глазьева, в зависимости от того, как вел себя воевода, различалось и окончание воеводства. Обычный порядок – воевода переменялся преемником после истечения срока – 2 лет⁹⁰.

В Пермском Прикамье воеводы оставались на должности примерно на год – полтора, хотя бывали и исключения. Повторные назначения не зафиксированы в документах. Это связано было не с тем, что воеводы особенно не устраивали местное население, а со стремлением центрального правительства обеспечить сменяемость своих чиновников. Хотя можно признать, что местное население также часто было недоволено деятельностью воевод. Прецедент восстания против воеводы был зафиксирован в Кунгуре в конце существования системы воеводского управления в Пермском Прикамье⁹¹.

В 1555–1556 гг. была проведена реформа местного управления, которую иногда называют отменой кормлений. Это название неточно. Корм наместников и волостелей возродился в воеводском кормлении.

Появление воевод на местах было вызвано тем, что наместники и органы губного и земского самоуправления оказались неспособными справиться с передвижением населения, принявшим в XVII в. значительные размеры.

Представлялось необходимым иметь на местах такие органы, которые сосредоточили бы в своих руках все бразды правления и в любую минуту могли расправиться с «крамолой», что было особенно актуально в период Смутного времени. Самоуправление перешло в подчинение воеводам. Органы самоуправления обязаны были выполнять воеводские и государевы указы. Так, например, в 1642 г. соликамских старост и целовальников, не подчинившихся государеву указу, велено было бить батогами и посадить на неделю в тюрьму. В 1679 г. в Великопермской земле отменяются губные сыщики и старосты, а их дела передаются воеводам.

---

⁹⁰ Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVII в. // *Commentarii de Historia*. 2000. № 5. Номер абзаца (<http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/05-01a.htm>).

⁹¹ Шилов А. В. Восстание крестьян Кунгурского уезда // *Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии*. Пермь, 1998. Вып. 2. С. 11-12.

Воеводы получали «въезжий корм» (то, что приносилось к приезду воеводы), праздничное кормление на Рождество, Пасху, Петров день, ежедневное кормление. Население кормило родственников и слуг воеводы.

В общественном сознании XVII в. подношения различались как легальные «почести» и незаконные «посулы», «поминки». «Почести» – добровольные подношения в знак уважения. «Посулы и поминки» – взятки за незаконные действия. «Посулы и поминки» обычно вымогались. В наказах воеводам постоянно прописывалось, чтобы посулов и поминок они не брали под страхом расследования и наказания. Несмотря на это, и в Пермском Прикамье население жаловалось на притеснения воевод.

Личная нажива на государевой службе была и у воевод, как и у наместников, далеко не на последнем плане. Кунгурский воевода Сухотин за два года взял из земской избы 600 рублей, разорил многих крестьян, забрав «пожитков» крестьянских на 300 рублей. Взятничество другого воеводы – Калитина – послужило толчком к вооруженному восстанию крестьян Кунгурского уезда в 1703 г.

Московское правительство пыталось ограничить произвол воевод. В 1677 г. воеводе Д. Наумову пришла царская грамота о том, чтобы воеводы и подьячие не брали с чердынских посадских и уездных людей месячных кормов, не вмешивались бы в их денежные сборы.

В новых условиях различные элементы воеводского управления проходили проверку на жизнеспособность, а их соотношение менялось по мере упрочения контроля над новыми территориями и их хозяйственного освоения. Военизированный характер администрации с достаточно жестким порядком иерархического подчинения с самого начала способствовал усилению бюрократических элементов местного управления.

Вообще, центральная власть стремилась усилить отчетность местной воеводской администрации не только путем отсылки соответствующей документации в Москву, но и путем проведения «счетов» при смене воевод.

Усиление отчетности также свидетельствовало о развитии бюрократических тенденций в административной системе.

Новым воеводам надлежало старых «считать, а прежним воеводам давать отчет... буде по счету никакого начету на них не явится, и тем новым воеводам давать прежним воеводам для проезду по городам проезжие памяти... и как те воеводы к Москве приедут, и им явиться в Сибирском приказе, и те проезжие памяти объявлять впредь для всякого спору»⁹².

Иногда назначенного воеводу меняли другим по различным обстоятельствам. 26 ноября 1689 г. в грамоте кунгурскому воеводе Ивану Никифоровичу Кологривову указывалось, что на его место назначался стольник Дмитрий Бахметев вместо уфимца Александра Аничкова, ранее определенного воеводой на Кунгур. Сначала в 1688 г. был назначен Александр Аничков «воеводой на твое иваново место. Переменить ему было тебя велено, как тебе два года минет»⁹³. Потом ситуация изменилась и назначен был Дмитрий Бахметев, о чем воеводе сообщалось в грамоте: «Уфимцу Александру Аничкову на Кунгуре воеводой быть не указали»⁹⁴. Неизвестно, что послужило причиной смены воеводы, утвержденного заранее, но грамота свидетельствует о возможности подобных ситуаций.

Наказы, выдававшиеся прикамским воеводам, составлялись по общему образцу и ставили задачи расширения российских владений, обеспечения сбора ясака, увеличения десятинной пашни, руководства многочисленным служилым населением. Принцип специализации отчетливо проявился и в функциях воеводского управления в Пермском Прикамье.

Документы в основном характеризуют отношения воевод с населением уездов и свидетельствуют о произволе власти, особенно в отношении нерусского населения. Отсутствие восстаний по примеру Томского восстания 1647–1649 гг. не может быть явным свидетельством более сносного обращения воевод с подвластным населением по сравнению с Сибирью. Здесь ситуация может быть двоякой – с одной стороны, относительная близость к Москве (по сравнению с

---

⁹² Цит. по: Ананьев Д.А. Указ. соч. С.74.

⁹³ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 132, л. 1.

⁹⁴ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 132, л. 2.

сибирскими городами) обеспечивала некоторую возможность контроля воеводского самоуправления. С другой стороны, население Пермского Прикамья не было моноэтничным и монолитным. Шло активное заселение Прикамья. Многочисленные коренные жители, не выдерживая конкуренции и подвергаясь давлению со стороны русских, часто были угнетаемой частью населения.

Представим далее портрет отдельных воевод Пермского Прикамья. О большинстве соликамских, чердынских и кунгурских воеводах, кроме имен, почти ничего не известно. Титулы и чины воевод представляют интерес для исследования роли Пермского Прикамья в русском государстве. Личность воевод в историографии почти не становилась предметом специального исследования на общероссийском уровне. Сам характер документов XVII в. не подразумевает характеристику личностей и характеров воевод. Безличные указы и отписки оставляют «за кадром» межличностные отношения воевод, подвластного населения, Строгановых.

Применительно к соликамским воеводам было проведено исследование Н.М. Савенковой «Исторические личности Соликамского воеводства: воеводы И.Н. Лачинов, П.С. Прозоровский, Г.И. Овцын», в котором автор характеризует личность трех соликамских воевод, основываясь на широком круге источников. Рассмотрим сначала жизнь и деятельность воевод Соликамска.

На воеводство в Соликамск Иов Нестерович Лачинов прибыл в 1613 г. Н.М. Савенкова отмечает, что И.Н. Лачинов был соликамским воеводой не один, а три года. Лев Ильич Волков, который также упоминается в качестве соликамского воеводы, сидел на чердынском воеводстве. Иов Нестерович Лачинов также был замечателен тем, что на его сестре был женат Семен Аникиевич Строганов.

Иов Нестерович Лачинов был представителем дворянского рода, его предки приехали из Польского государства ко двору великого князя Василия Васильевича в середине XV в.⁹⁵. В разрядных документах конца XVI в. и Смутного времени фигурирует Иев Добычин сын Лачинов (наряду с другими Лачиновыми –

---

⁹⁵ Савенкова Н.М. Исторические личности Соликамского воеводства: воеводы И.Н. Лачинов, П.С. Прозоровский, Г.И. Овцын [Электронный документ] // Режим доступа: <http://vke59.ru/wp-content/uploads/2012/06/Voevodyi1.doc>. Проверено 10.05.2014.

Протасием, Тимофеем, Елисеем, Исаем и прочими). Очевидно, что Иов и Иев – одно и то же имя. В Разрядной книге 1475–1598 гг. упоминается Нестер Добыча Лачинов, арзамасский воевода. Н.М. Савенкова заключает, что Иов Нестерович Лачинов и Иев Добычин сын Лачинов – одно и то же лицо.

«Иев Добычин начал службу задолго до 1590 г., так как в десятне по Мещере за этот год он записан на 6 месте и верстан поместным окладом в 400 четей, а денежным – 9 рублей. В то время это достаточно большой оклад первой статьи. К 1606 г. он заслужил еще 200 четей поместного оклада, и боярский список 1606-1607 гг. показывает Лачинова на 3 месте по Мещере – с окладом в 600 четей»⁹⁶. В Смутное время Иев Лачинов выступал на стороне царя Василия Шуйского. В составе полка князя И.М. Барятинского, занимая должность одного из полковых голов, «Иев Лачинов сопровождал царя Шуйского из Касимова в Суздаль и фактически обеспечивал охрану государя»⁹⁷.

В 1615 г. Иев Лачинов значится на первом месте, рядом с его именем стоит надпись «выбор», что открывало пути не только для боевой походной, но и для воеводской городской службы. После трех лет на воеводстве в Соликамске, И.Н. Лачинов вновь оказался на полковой службе. Он отличился при осаде Москвы 1618 г., когда войска польского царевича Владислава, претендовавшего на русский престол, осаждали Москву. Список участников, куда входил и И.Н. Лачинов, составлялся для поощрения участников обороны Москвы. «Помимо обычного денежного вознаграждения они получили право перевести часть своих поместий в вотчины. Так, Иову Нестеровичу Лачинову за московское осадное сидение пожалованы в вотчину земли в Старорязанском стане Рязанского уезда»⁹⁸.

После этого И.Н. Лачинов покинул ратную службу: в боярском списке 1622 г. его уже нет. И.Н. Лачинов к концу жизни постригся в иноки под именем Иоанна.

Следующим воеводой, о котором исследователи собрали сведения, был Петр Семенович Прозоровский. До назначения на Соликамское воеводство П.С. Прозоровский успел не единожды отличиться как в государственной, так и в

---

⁹⁶ Савенкова Н.М.. Указ. соч.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

походной службе. Он начал служить в 1630-х гг., перемежая дворцовую и походную службу, а воеводой в Соликамске стал в 1649 г. «В 1636 г. был вписан в Боярскую книгу стольником (с поместным окладом с 1643 г. – 600 четей и денежным – 40 рублей), и в этой должности участвовал в посольских приемах»⁹⁹.

Походную службу П.С. Прозоровский начал с 1641 г. в Тульском полку боярина и воеводы князя Я.К. Черкасского. Прослужил недолго и был отозван ко двору. Через несколько лет вернулся в полк и служил еще год. Петр Семенович Прозоровский стоял близ царя рындой, был одним из чашников, часто служил у царского стола. В 1654–1655 гг. П.С. Прозоровский был назначен головой дворян в Литовском походе и, затем, воеводой разведывательного конного полка. Петр Семенович Прозоровский был при дворе и после воеводства и воинских походов. В 1662 г. он возглавил посольство царя Алексея Михайловича к английскому королю Карлу II.

Главная причина посольства скрывалась в тайном наказе, данном послам: им поручено было просить короля возратить долг, взятый им во время изгнания у царя Алексея Михайловича, и, кроме того, попросить у короля займы. Король велел выплатить свой долг, но в займе отказал.

К концу пребывания московского посольства в Англии отношения охладели, чему причиной стал отказ от возвращения привилегий английским купцам в торговле с Россией. В связи с этим отпуск князя Прозоровского был не столь радужным и пышным.

Англичане писали о Н.С. Прозоровском, что «король и думные люди хвалят его за учтивость; что он у короля и вельмож в славе и чести высокой; что весь двор говорит про него все доброе». Интересную деталь в облике П.С. Прозоровского отметила английский историк Лайза Пикард: московский посол постоянно носил на запястье сокола¹⁰⁰.

В посольстве сохранился его портрет – единственное пока известное изображение соликамского воеводы (см. приложение 2). По возвращении из

---

⁹⁹ Савенкова Н.М.. Указ. соч.

¹⁰⁰ Там же.

Лондона П.С. Прозоровский некоторое время служил при дворе и был судьей Московского судного приказа, в котором разбирались дела столичной элиты. В 1665 году он получил назначение на воеводство в Смоленск, где прослужил три года¹⁰¹.

Последнее крупное поручение царя П.С. Прозоровский исполнил во время Большого Московского собора, осудившего патриарха Никона. Князь был назначен приставом к Александрийскому патриарху. Скончался П.С. Прозоровский в 1670 г.

Перейдем далее к характеристике личности одного из кунгурских воевод, Алексея Калитина. Стольник Алексей Иванович Калитин происходил из дворянского рода. Он был воеводой в Кунгуре в 1697–1698 гг. Прославился он тем, что не понравился ни населению Кунгура, ни населению Верхотурья, ни заводчику Демидову, с которым он впоследствии, будучи воеводой в Верхотурье в 1703 г., вступил в открытый конфликт. В 1703 г. Алексей Иванович Калитин был участником Кунгурского восстания, в разгар которого он вынужден был спасаться бегством в вотчины Строгановых.

Стольник Алексей Иванович Калитин был не последним человеком в столице. Известны «птенцы гнезда Петрова» и их вклад в развитие Российского государства. Одним из таких «птенцов» был Андрей Андреевич Виниус (1641–1717), политический деятель и дипломат, крупный администратор, внесший вклад в изучение и промышленное освоение Сибири, первый русский почтмейстер, писатель, поэт, переводчик, собиратель художественных коллекций.

А.А. Виниус – сын голландского купца Андрея Денисовича Виниуса, основателя первых в России железоделательных вододействующих заводов на реке Тулице (Городищенских), строительство которых было начато после получения им в 1632 г. жалованной грамоты. В наибольшей степени имя А.А. Виниуса связано с географическим изучением Сибири. Андрей Андреевич Виниус является создателем оригинальной карты Сибири и европейской части Московского государства (предположительно 1689 г.). Последние годы жизни А.А. Виниуса (1715–1717) проходят в Петербурге в доме его зятя, стольника А.И. Калитина. В Петербурге Андрей Андреевич Виниус и умирает.

---

¹⁰¹ Савенкова Н.М.. Указ. соч.

Являясь зятем А.А. Виниуса, А.И. Калитин вел себя довольно свободно, если не сказать, пренебрежительно, по отношению к местному населению. Крестьянам и местному податному населению в Кунгуре он мог не угодить хотя бы тем, что в 1697 г. Алексей Иванович Калитин имел указание из Москвы «беглых крестьян, которые... явятца, принимать и дворами селить не велеть... а буде... явятца... высылать на старые их жеребьи, откуда они пришли»¹⁰². На рубеже XVII–XVIII вв. кунгурские бурмистры отказались сыскивать беглых осинцев без послушной грамоты из Сибирского приказа, оговорив свою позицию тем, что «опасны» поступить иначе¹⁰³. Жалобы местного населения на воеводу Калитина также зафиксированы в конце XVII в., но для последнего воеводство в Кунгуре на тот момент закончилось мирно.

Новая глава деятельности воеводы открылась с назначением его в Верхотурье в 1703 г.

В начале XVII в. на Урал приезжает Никита Демидов, которому Петр отдает невьянские заводы с тем, чтобы тот наладил на них металлургическое производство. Никита сразу решил стать полным хозяином на заводах. Как только верхотурский воевода, ближайшее к Невьянску должностное лицо, пытался вникнуть в дела заводчика, как Никита попросил главу Сибирского приказа А.А. Виниуса оградить его от всякого вмешательства. Воеводу убрали. На его место прислали Алексея Калитина с наказом во всем помогать Демидовым. Воевода Калитин заводчику также не угодил. В результате Демидовы (Никита с сыном) из Невьянска уехали. Заводы встали. Воеводе пришел царский указ с угрозой доправить убытки на Калитине, если тот решится вмешиваться в дела Демидовых. В комментариях к документам о Кунгурском восстании А.А. Преображенский отмечает также, что в 1703 г. верхотурская администрация и Акинфий Демидов находились в неприязненных отношениях, причиной которых был отказ Демидовых принять от верхотурского воеводы «отдаточные» книги крестьян, приписанных к заводам.

---

¹⁰² Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 75-76.

¹⁰³ Шишонко В.Н. Пермская летопись, период пятый, ч. 3. Пермь, 1889. С. 342.

Тем не менее, осуществление правительственной политики создания крупных металлургических предприятий продолжалось, и воевода Алексей Калитин сыграл в этом не последнюю роль. Для кунгурцев 1703 г. оказался исключительно неблагоприятным. Именным указом Петра I от 9 января 1703 г. население Кунгурского уезда было привлечено к обслуживанию перевозок металла и готовой продукции Каменских и Невьянских заводов, а сам уезд был передан в ведение Сибирского приказа и подчинен верхотурскому воеводе-стольнику Калитину¹⁰⁴.

Правительство распорядилось провести разведку рудных месторождений в Кунгурском уезде и немедленно начать их разработку силами и средствами местного «мира». Воеводе было дано указание составить новые переписные книги Кунгурского уезда, чтобы полнее учесть тяглое население. Весной 1703 г. на рудокопных медных промыслах в Кунгурском уезде работало около 200 местных крестьян. Алексей Калитин энергично принялся за выполнение полученных указов. В начале июля он прибыл в Кунгур со значительным отрядом служилых людей. А.А. Преображенский на основе анализа документов о Кунгурском восстании отмечает, что Алексей Калитин был хорошо известен местному населению своими жестокостями и злоупотреблениями в бытность кунгурским воеводой (1696–1697 гг.)¹⁰⁵.

Недовольство местных жителей воеводой Калитиным могло быть вызвано еще и выполнением им его прямых обязанностей. 14 июня 1698 г. А. Калитин получил грамоту, в которой предписывалось оказывать содействие лицам, посланным от головы Московской табачной таможни Мартына Богданова, при выемке тайно продаваемого табака и взимания за это пени и об изъятии тех посланцев из ведения воевод. Воеводе предлагалось «...табак осматривать, неявлено у кого явится, вынимать, проискывать и пенные деньги править им в табачных таможнях и на ослушников ... и приказным людям чинить им всякое вспоможение»¹⁰⁶.

Так или иначе, воевода Алексей Калитин покинул свой пост раньше на несколько месяцев по разрешению правительства. Официальная причина —

---

¹⁰⁴ Преображенский А.А. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив, № 4. 1955. С. 153.

¹⁰⁵ Там же. С. 153.

¹⁰⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 208, л. 1.

сложности с проездом в Москву по весне. Об истинных причинах, ввиду описанных эпизодов взаимодействия с местным населением, можно только догадываться.

31 октября 1698 г. была послана царская грамота на Кунгур воеводе Алексею Ивановичу Калитину о назначении на его место Ивана Михайловича Коробьина и о сдаче временно, до его приезда, казны и дел старому подьячему приказной избы. В ней отмечалось, что «велено на твое место на Кунгуре воеводой Ивану Михайловичу Коробьину, а переменить ему тебя по сроку марта нынешнего года»¹⁰⁷. Поскольку с того числа «за дальностью пути и за трудностью проезда реки... к Москве ехать невозможно», воеводе разрешалось уехать «не дожидаясь приезда нового воеводы»¹⁰⁸. Алексей Калитин возможностью уехать пораньше воспользовался.

Введение новых повинностей по добыче руд и транспортировке металла, проведение переписи населения, приезд воеводы значительно усилили недовольство кунгурцев в начале века, когда Алексей Калитин был воеводой на Верхотурье. В 1703 г. недовольство вылилось в крестьянское восстание, быстро охватившее весь уезд. В движении принимало участие до тысячи человек. Восставшие подступили к Кунгуру, чтобы, взяв город, расправиться с воеводой и его приспешниками. Судя по документам, А.И. Калитин не угодил и ясачному населению. Нерусское население Кунгурского уезда в основной своей массе не поддержало воеводу во время крестьянского восстания, несмотря на то, что А.И. Калитин разослал «памяти» ясачным сотникам и старостам, чтобы они шли со своими людьми на помощь осажденным. В Кунгурском уезде в то время были четыре ясачные волости («четверти»): Верхнеиренская, Верхнесылвенская, Карьевская и Шаквенская. Лишь семь человек ясачных во главе с «лучшим человеком» явились к Калитину. По мнению А.А. Преображенского, есть основания полагать, что в крестьянском выступлении принимали участие нерусские жители уезда. В лагере восставших

---

¹⁰⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 210, л. 1.

¹⁰⁸ Там же, л. 2.

были жители дер. Черемисской, населенной оброчными марийцами. Кроме того, из крестьянского стана под городом кричали «разными иноземческими ясаками»¹⁰⁹.

С 17 по 23 июля 1703 г. А.И. Калитин, лишь благодаря случайности ускользнувший из рук восставших, вынужден был с гарнизоном, насчитывавшим около 120 человек, скрываться за стенами осажденного Кунгура. Далее Калитину пришлось бежать с позором «окольными дорогами» в Строгановские вотчины, а затем в Верхотурье¹¹⁰. Подводя итоги описанию бурной деятельности воеводы Алексея Калитина, можно прийти к выводу, что он запомнился местному населению как взяточник и любитель притеснять «мир». Информация о восстаниях в Пермском Прикамье связана только с именем А.И. Калитина.

Итак, подводя итоги параграфа, можно сделать вывод, что в Пермском Прикамье был обычный порядок назначения воевод. Грамоты Пермским воеводам не отличаются особой спецификой, в них прописаны стандартные требования к должности. По сравнению с Сибирью, воеводы Пермского Прикамья быстрее сменялись (1-2 года). Общим для Сибири и Пермского Прикамья было то, что воеводы в основном являлись стольниками. Штат учреждений был невелик.

Рассмотрев основные черты воеводского управления в Пермском Прикамье в XVII в., можно отметить, что оно сочетало в себе бюрократические и сословно-правовые элементы, что соответствовало переходному этапу в развитии российской государственности. Принцип бюрократического централизма проявился в подчинении воевод единому центральному органу – приказу в Москве.

Проявлением личного начала был принцип назначения лиц, приближенных к великому князю или царю. Внимание правительства к Пермскому Прикамью можно отметить в таком аспекте, как назначение достаточно именитых и статусных воевод в небольшие города Чердынь и Соликамск.

С другой стороны, штат приказных изб и их количество, по сравнению с центральной Россией, были незначительны. Управление в Пермском Прикамье

---

¹⁰⁹ Отписка верхотурского воеводы Алексея Калитина в Сибирский приказ о волнениях крестьян Кунгурского уезда летом 1703 г. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив, № 4. 1955 С. 161.

¹¹⁰ Преображенский А. А. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив, № 4. 1955. С. 154.

соотносится больше с сибирскими городами. Об этом же свидетельствует численность приказных изб и объем их штата.

1.3 Специфика Пермского Прикамья как сферы деятельности воевод в конце XVI–XVII вв.

В 1613 г. в Пермской земле появились три самостоятельных воеводства: в Чердыни, Соликамске и Кайгороде. Для воеводы в Соликамске была построена деревянная крепость с башнями и бойницами. Соликамск раньше был пригородом Чердыни, а с этого времени он начал быстро расти, несмотря на неоднократные пожары. В один из них в 1672 г. деревянная крепость сгорела, но вскоре был построен каменный воеводский дом, который стал служить одновременно и жильем, и крепостью, и управой. Быстрый рост Соликамску обеспечили, прежде всего, солеваренные промыслы, которые постоянно притягивали пришлое население¹¹¹.

Способствовала возвышению Соликамска и появившаяся более короткая дорога через каменный пояс Уральских гор в Сибирь (так называемая Бабиновская дорога, названная в честь жителя соликамской деревни Усть-Уролка А.С. Бабинова, которую он разведаль в 1597 г.). Путь из Соликамска до Верхотурья оказался всего лишь 250 верст, тогда как старая «чердынская дорога» тянулась в две тысячи верст. Благодаря этому Соликамск приобрел еще и славу крупного транзитного торгового пути.

Бабиновская дорога, проходившая через Соликамск, оказалась удобнее старой дороги, которая вскоре была заброшена, отчего стала хиреть Чердынь, утратив значение главного города края. Первенство перешло к Соликамску. В 1636 г. Чердынское воеводство было упразднено. Соликамский и Чердынский уезды объединяются под властью одного воеводы, сидевшего в Соликамске¹¹² (см. приложение 1).

Но и Бабиновская дорога была неудобна для сообщения с Сибирью. Поэтому купеческие обозы все чаще и чаще стали ходить из центральной России в Сибирь и

---

¹¹¹ Шилов В.В. История и культура Северного Прикамья. Березники, 1995. С.24.

¹¹² Ушаков А.А. Указ. соч. С.18.

обратно по пути, проходившему южнее Бабиновской дороги. Когда беспошлинный провоз товаров через северо-западную границу Сибири стал затруднителен, торговые люди нашли обходной путь в Сибирь через юг Пермского Прикамья¹¹³.

В 1648 г. на этом новом пути был заложен город Кунгур. Он быстро рос как торговый пункт. Одновременно шло и быстрое заселение ранее почти пустынного Кунгурского края, входившего в состав тогдашней Башкирии. Сюда устремились беглые русские крестьяне¹¹⁴.

«На пути заселения и освоения русскими Кунгурского уезда стояла постоянная угроза нападения татарских и башкирских земельных собственников. Возникновение Кунгурского острожка они восприняли как осуществление замысла царской администрации окончательно завладеть их землями»¹¹⁵.

Татары вместе с уфимскими башкирами в 1662–1664 гг. предприняли несколько разрушительных набегов на монастырские вотчины и русские деревни. Значительным было башкирское восстание 1662–1664 гг., охватившее весь башкирский край, прикамскую и зауральскую его части. В 1662 г. башкиры, соединившись с сылвенскими и иренскими татарами, напали на русские поселения по р. Сылве. Ими были взяты и разорены Кунгур, многие села и деревни. Были сожжены дома, люди перебиты или уведены в плен. С весны того же года в восстании приняли участие тулвинские башкиры.

В документах сообщается, что первые оборонительные сооружения Кунгура строились наспех, потому быстро разрушались, и их приходилось часто возводить заново. «В завершенном виде деревянная крепость, которую некоторые письменные источники называют городом, появилась в 1673 г.»¹¹⁶.

По указу царя Алексея Михайловича, в 1663 г. острог (крепость) заложили в междуречье Ирени и Сылвы, недалеко от устья Ирени. Согласно преданию, здесь находилось русское село Мысовское, потому первое время и острог назывался

---

¹¹³ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900. С.8.

¹¹⁴ Золотов Е.Д. Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уездов. Первые русские поселения и начало г. Кунгура // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск II / Под ред. А.А. Дмитриева. Пермь: Типография наследников П.Ф. Каменского, 1893. С.41-47.

¹¹⁵ Чагин Г.Н., Шилов А.В. Указ. соч. С. 11.

¹¹⁶ Там же. С. 11.

Мысовским. Однако затем острог (крепость) и возникший возле него посад назвали Кунгуром. Поэтому 1663 г. стали считать началом существования Кунгура как города.

«Новое место являло собою уникальное сочетание природных условий и переплетение важных обстоятельств. Здесь были три реки: Сылва, Ирень (левый приток Сылвы), Шаква (правый приток Сылвы). Гора между изгибами Ирени и Сылвы прекрасно подходила для постройки крепости. Она возвышалась над поймами рек, и отсюда просматривалось все окружающее пространство»¹¹⁷.

С 1664 г. Кунгур становится центром большого Кунгурского уезда, в который, помимо земель, прилегавших к городу, вошли и земли Красноуфимска и частично Осы. Тогда же в Кунгуре было учреждено самостоятельное воеводство.

Опасность со стороны башкир на протяжении XVII в. сохранялась, поэтому в крепости был сосредоточен гарнизон и находилось вооружение. «В конце XVII в. здесь насчитывалось «9 пушек чугунных, да 11 пищалей, да 8 фузей»¹¹⁸. Кунгур оказался в центре хорошо заселенной местности с важными сырьевыми богатствами, что «наравне с выгодным географическим положением вело к быстрому развитию города и формированию устойчивой основы русского старожильческого населения»¹¹⁹.

Спецификой Пермского Прикамья являлось существование многочисленных ясачных народов. Во второй главе автор подробно останавливается на характере взаимодействия с ясачным населением. Здесь упомянем о некоторых особенностях.

«В княжение Ивана подчинено было много народов и племен Севера... На Вычегде и Печоре Иван присоединил «новгородских данников» – коми-зырян, у берегов Ледовитого океана – «самоядь» (ненцев). В землях коми-пермяков московские войска появлялись и ранее. Здесь еще во времена княжения Дмитрия Донского действовал Стефан Пермский, крестивший коми-пермяков»¹²⁰.

---

¹¹⁷ Чагин Г.Н., Шилов А.В. Указ. соч. С. 11.

¹¹⁸ Там же. С. 12.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Издание второе. – Л.: Огиз госполитиздат, 1941. С. 165.

Пермский край привлекает все более пристальное внимание московских великих князей, проводивших политику централизации. До 1472 г. Великопермское княжество со столицей в Чердыни оставалось данником новгородцев. В 1472 г., как уже упоминалось, Иван III послал в Пермский край с войском князя Федора Пестрого, подчинившего княжество и весь край московскому владычеству.

Иван III до конца своего правления оставил номинальным правителем края князя Михаила Пермского, истинными же правителями и устроителями данных территорий как в духовном, так и в гражданском отношении были пермские епископы.

При Иване все население Перми Великой было обложено ясаком, но управлялось не только московскими воеводами, но и туземными князьями. Последним местным князем из пермяков был Матвей Михайлович, которого в 1505 г. Иван «свел» и вместо него послал в Пермь первого русского наместника Василия Ковра.

Московские воеводы проникают и в древнюю Югру, куда ходили по дань новгородские бояре и ушкуйники. «Югра» – это вогулы (ханты) и остяки (манси). Остяки и вогулы жили родовым строем, во главе со своими многочисленными «князцами»¹²¹. «Ясно, что Югра упоминается здесь [в Царской грамоте на имя Строгановых от 30 мая 1574 года] как особый народ, живший на Ляпиной и Сосьве, рядом с более северными Самоедами, более южными вогулами и наконец с Остяками...»¹²².

«Обилие мелких «княжеств», по мнению В.В. Мавродина, облегчало русским покорение «югры». В 1465 г. по приказу Ивана устюжанин Сряба «повоевал» Югорскую землю, обложил ее данью и отправил пленных «князцов» в Москву, откуда Иван отпустил их обратно. В 1467 г. вятчане «воевали» вогуличей и взяли в плен князька Асыку. В ответ в 1481 г. вогуличи напали на Пермь. Через два года большая московская рать князя Федора Курбского разбила в устье Пелыма вогуличей, вторглась в Сибирь, откуда пошла Иртышем в Югорскую землю, причем

---

¹²¹ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 165-166.

¹²² Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 30-31.

взят был в плен «большой» кодский князь Молдан. Побежденные вогуличи обязались не нападать на Пермь.

В 1499–1500 гг. был предпринят новый поход. Во главе пятитысячной русской рати шел князь Семен Курбский. На Печоре Курбский построил крепость и двинулся дальше, за Уральские горы. Он «повоевал» 40 городков и взял в плен 58 князьков. Югра была подчинена, хотя самостоятельные «князьки» у вогулов и остяков оставались еще долго. Только теперь, они были обязаны платить ясак и не нападать на подданных Московского князя»¹²³.

Народы должны были регулярно уплачивать дань мехами – ясак. В их землях появлялись княжеские наместники. Распространялось христианство, притом часто насильственно. Так, «постепенно завоевывались земли нерусских племен и народов, и складывающееся русское национальное государство несло уже в себе черты многонационального государства во главе с правящими классами великорусской национальности»¹²⁴.

Несмотря на то, что ясачное население притеснять было запрещено, и часто власти придерживались правительственных распоряжений на этот счет, далеко не всегда воеводы соблюдали все правила. А.А. Дмитриев рисует картину притеснений ясачного населения¹²⁵.

До 1599 г. местные народы платили ясак в Чердынь, но с основанием Верхотурья и его уезда они оказались в черте нового уезда, почему и были приписаны к Верхотурью. «Верхотурские сборщики ясака стали доправлять с инородцев значительно больше куниц, нежели прежние чердынские ясатчики, что вызвало в 1605 г. челобитную Сылвенских и Иренских Остяков Акилдейка Ондреева с товарищи... В челобитной обиженные просили царя о дозволении платить ясак по-прежнему в Пермь Великую...»¹²⁶.

Не лучше обращались верхотурские сборщики ясака и с вишерскими вогуличами, которые раньше платили ясак также в Чердыни, а с 1599 г. были приписаны к новому городу на Туре и потому вошли в состав Верхотурского уезда.

¹²³ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 166.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск VII. Пермь, 1897. С. 14-19.

¹²⁶ Дмитриев А.А. Указ. соч.

В 1607 г. они отправили в Москву, к царю Василию Ивановичу, челобитную со своим десятником Бурундуком Авиным с жалобой на верхотурских ясачников. В результате им было позволено платить ясак в Пермь Великую. Уступка, сделанная царем Василием Шуйским вишерским вогуличам в 1607 г., привела к тому, что на следующий год ее пришлось распространить и на сылвенских и иренских вогуличей, остяков и татар.

Последние не удовлетвоались дозволением Лжедмитрия самим привозить ясак на Верхотурье, так как это не ограждало их от «насильства и обид», и подали новую челобитную царю Василию Шуйскому о приписке их к Перми Великой. Теперь они привозили ясак не в Чердынь, а в Соль Камскую, как ближайший к Сылве и Ирени город.

Местные народы могли чувствовать себя в безопасности до 1613 г., до тех пор, пока в Соликамске не было учреждено отдельное от Чердыни воеводство. Чердынские воеводы, не желая уступать соликамским сбор ясака с сылвенских и иренских остяков, вогулов и татар, стали посылать к ним целовальников из Чердыни. Чердынским воеводой в 1614–1616 гг. был Лев Ильич Волков, «и с ним дьяк Иван Тимофеевич Митусов». Очевидно, воевода смотрел на сбор ясака с местных народов, как на выгодное для себя дело, а не глазами своих предшественников, которыми «инородцы» были довольны. Отняв сбор ясака у соликамских воевод, он старался оградить себя от притязаний на него верхотурских воевод. «Воевода Волков не стеснялся для этого прибегать к клевете на них, чтобы только удержать в своих руках выгодную статью дохода...»¹²⁷.

Как бы то ни было, но сылвенские и иренские остяки и татары сделались предметом недобросовестной эксплуатации чердынских воевод на целое десятилетие. В 1622 г. сылвенские и иренские остяки и татары вынуждены были обратиться к царю с новой челобитной через соликамского воеводу Василия Сьянова по особому доверию к прежним соликамским сборщикам дани. В ответ на его отписку царь Михаил Феодорович послал в Чердынь к воеводе Гаврилу Михайловичу Веревкину и подьячему Савве Лухневу грамоту от 27 октября 1623 г.

---

¹²⁷ Дмитриев А.А. Указ. соч. С. 18.

Царь строго повелевал: «тем Сылвинским и Иренским ясачным Татаром наш ясак платить по прежнему в Чердыни, а будет учнут целовалники их ясачных Татар судить и ясак собирать не по правду и посулы и поминки себе учнут имати – и им быти от нас за то в великой опале и в смертной казни»¹²⁸. За Чердыню сылвенские и иренские остяки и татары оставались уже до основания нового города Кунгура в 1648 г.

Во второй половине XVII в. расширяется круг проблем, которые вынуждены были решать воеводы.

С расширением территории во второй половине XVII в. национальный состав плательщиков дани стал еще более неоднородным. Если в конце XVI в. решались проблемы с вогулами и манси, во второй половине XVII в. типичной проблемой становится сбор дани с татар, которые жили в южной части Пермского Прикамья.

В грамоте князя Федора Алексеевича в Кунгур воеводе Семену Ивановичу Толстово написано, что «в Кунгурском уезде [с] Сылвенских, Иренских, Шахвинских, Бабинских татар» нужно собрать недостающие деньги и «...доправя... денги послать к нам великого государя к Москве»¹²⁹.

Значение Кунгура и уездов можно отметить, анализируя количество грамот воеводам в конце XVII в. Центральная власть заботилась о недоборах и о том, чтобы недавно вошедшие в состав Российского государства народы исправно платили всю дань. С татар собирали также ясак.

Тому же воеводе Семену Ивановичу Толстово предписывалось, что он должен «с Кунгура и Степанова городища... на нынешней год данные пооброчные и полонянные и убрусные и венешные денги и сметной список выслал денги с целовальником сметной список с подьячим с татар кунишной ясак по оброчные денги»¹³⁰. Воевода должен был собрать и выслать к Москве ясак «тотчас», а также недобор, появившийся в прошлые годы.

Спорные вопросы решались воеводой по грамоте великого государя. Интересно, что для решения проблемы воевода должен был привлечь максимальное

¹²⁸ Дмитриев А.А. Указ. соч. С.19.

¹²⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 47. Л. 9.

¹³⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 55. Л. 10.

число людей, которые были знакомы с проблемой. Например, в грамоте о спорных землях Строгановых воеводе предлагалось выяснить, «где ... сошлись спорные места пашенные и непашенные земли и сенные покосы, и леса, и рыбные ловли... и, не доезжая тех даниловых вотчин, по обвинских, инвенских и косвинских погостов крестьян волостей спорных месте велено ему взять с собою и игуменов и строителей тех монастырей, которые монастыри к тем ево данилова вотчинам по обвинских и инвенских и косвинских погостов крестьян к спорным землям подошли, и попов, и дьякону, и старост, и целовальников, и крестьян, сколько человек пригоже да с теми людьми велено ему про те спорные места сыскать накрепко...»¹³¹.

15 апреля 1695 г. была отправлена царская грамота в Кунгур воеводе Степану Осиповичу Сухотину о высылке в Москву к ответу с приставом Новгородского приказа Федотом Башариным кунгурского татарина Клыска Иванаева по иску Ивана Григорьева о 20 рублях, за которые Клыск обязался уплатить ему куницами.

Садовник Иван Григорьев жаловался на то, что в 1694 г. ясачный татарин Клыско Иванаев занял у него на мирской доход двадцать рублей, «и в том дал он Клыско ему Ивану заемную кабалу с порукой»¹³². Расплатиться Клыск собирался куницами. Татарин Клыск не заплатил Ивану Григорьеву в срок и «убытки учинил...»¹³³. Для высылки в Москву Клыска был послан в Кунгур пристав Федот Башарин. За долги ясачный татарин должен был быть выслан воеводой в Москву.

Действия того же Клыска разбирал и следующий воевода Алексей Иванович Калитин. Алексей Калитин по грамоте 26 июля 1697 г. должен был найти Клыска Иванаева и отправить в Москву¹³⁴. «И ты б того татарина Клыска Иванаева велел сыскать в том его иске да на поруку и записку выслать его ... к Москве да о том и нам Великому государю, писать»¹³⁵.

При оценке эффективности воеводской власти необходимо вкратце упомянуть о том, на что же была заменена система воеводского управления. Вопрос не

¹³¹ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 832. Л. 1.

¹³² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 175, л. 1.

¹³³ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 175, л. 2.

¹³⁴ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 190, л. 1.

¹³⁵ Там же, л. 1.

праздный, потому что часто реформы касались именно тех институтов, которые работали неэффективно.

По мнению А.А. Дмитриева, Петр хотел достигнуть трех целей: «1) отнять у местного управления произвол, которым оно до тех пор пользовалось, поставлением его под совершенно новый надзор и контроль создавшихся тогда высших государственных установлений; 2) отделить от деятельности административной судебную, а 3) поручить местному управлению совершенно новые заботы – полицейския в обширном смысле этого слова»¹³⁶. Перечисленные недостатки действительно были присущи воеводскому управлению.

Итак, автор приходит к следующим выводам.

Воеводы утвердились во главе прикамской уездной администрации в России с конца XVI в., унаследовав многие черты, характерные для средневековой системы местного управления.

Воеводская власть, формируясь как инструмент обеспечения порядка на территории Пермского Прикамья, была недостаточно сильна для реализации твердой политической линии, поэтому, как и в европейской части Российского государства, была упразднена. В Сибири, как известно, воеводское управление существовало и в XVIII в. На взгляд автора, Пермское Прикамье управлялось как европейская часть России:

- воеводы менялись чаще, чем в сибирских городах;
- основные функции воевод совпадали с общероссийскими;
- одной из главных задач было обеспечение русской колонизации Сибири.

1.4 Воеводы и Строгановы в конце XVI–XVII вв.

Строгановы занимают особое место в истории и культуре России. Солепромышленники и крупные вотчинники, получившие в Прикамье владения, государственные деятели, меценаты и коллекционеры, Строгановы пользовались

---

¹³⁶ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск V. Пермь, 1884. С. 357.

особой поддержкой государства из-за их значительной роли в колонизации окраинных территорий.

В данном случае небезынтересным представляется рассмотрение вопроса об отношениях Строгановых и воевод в конце XVI–XVII вв.

Во второй половине XVI в. государство не имело средств и сил для освоения и защиты всех уральских территорий; и хотя уже существовали и Чердынь, и Соликамск, московский царь готов был пожертвовать частью доходов от возможных промыслов, переложив долю забот по освоению края на плечи проявивших инициативу частных лиц. Слабая освоенность и защищенность земель от Соли Камской до устья р. Чусовой создавала для центров Перми Великой постоянную угрозу от набегов ногайских, сибирских татар и вогульского населения.

Первая царская жалованная грамота на уральские земли была получена Строгановыми 4 апреля 1558 г. Жалованная грамота сольвычегодским промышленникам и землевладельцам Строгановым была выдана на земли по Каме от Соликамска до реки Чусовой. Григорий Аникиевич Строганов «бил челом» Ивану Васильевичу с просьбой дать разрешение «на том месте городок поставити, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроить для береженья от ногайских людей... и около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи, и пашню... пахати, и дворы ставити, а также искать рассол и, если таковой окажется, приступить к варке соли»¹³⁷.

В последующие годы к этой вотчине были добавлены земли и по притокам Камы. Центром вотчины стал построенный в устье реки Яйвы (левый приток Камы) Орел-городок. Строгановская вотчина по существу была «государством в государстве»¹³⁸. Строгановы сами вершили суд, селили крестьян, сеяли пшеницу, добывали железо, строили укрепленные городки.

Перепоручив Строгановым охрану и освоение уральских территорий, занятых их новой вотчиной, Иван Грозный устанавливает им льготы на двадцать лет. Строгановы могли беспрепятственно добывать соль и торговать ею, а государство

---

¹³⁷ 4 апреля 1558 г. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на пустые места по реке Каме // Миллер Г.Ф. История Сибири, Том I. М.-Л. АН СССР. 1937. С. 332.

¹³⁸ Шилов В.В. История и культура Северного Прикамья. Березники, 1995. С.24.

получало еще и возможность разрабатывать рудные месторождения. Несмотря на то, что именно во времена Ивана Васильевича идет борьба с крупными родовыми вотчинными землевладениями князей и бояр, Строгановы попадают в особую категорию населения Русского государства, начинают выделяться среди прочих вотчинников. «Более того: они не только освобождались на десять лет от выплаты прямых налогов, но и могли не оказывать помощи «государевым людям», проезжавшим через их вотчину»¹³⁹.

Строгановы быстро богатеют и расширяют пушную торговлю, сооружая склады мехов не только в Сольвычегодске, но и во всех городах и острожках, становятся поставщиками царя.

Строгановы выполняют важную функцию для государства, как и воеводы – приведение к вере местных жителей. В 1560 г. строится Пыскорский монастырь. Как и все строгановские вотчины, Пыскорский монастырь также обладал феодальным иммунитетом. «Монастырю даровано было право беспошлинной торговли солью, которая вываривалась на монастырских варницах, монастырь вершил в своих владениях суд и расправу без вмешательства воевод»¹⁴⁰.

К «угожим местам» по Сылве и Ирени тянулись Соликамский Вознесенский и Пыскорский Спасо-Преображенский монастыри. Первый в 1632 г., а второй в 1636 г. получили большие вотчины в оброк, затем всяческими средствами их расширяли. На этой почве непрерывно «возникали земельные тяжбы с окрестным населением, с русскими и татарами»¹⁴¹.

В Пермском Прикамье воеводы также отчитывались перед центром за приведенных к вере коми-пермяков. Такой вид документов, как крестоприводные книги, показывает нам ситуацию с крещением неправославного населения. «По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа... стольник воевода князь Феодор Юрьевич Борятинской у Соликамской в соборной церкви Пыскорского монастыря при архимандрите Пафнотие да Соликамской Вознесенского монастыря при игумене Ермиле да

---

¹³⁹ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. – Пермь: Книжный мир, 2005. С. 25.

¹⁴⁰ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 39.

¹⁴¹ Николаев С.Ф. Кунгур. – Пермь, 1958. С. 5.

Соборной церкви при протопопе Зотине и при попах привел к вере ... Соликамском приказных и посадских и уездных всяких чинов жилацких людей... А в Усольском уезде ... людей в Строгановы вотчины посылал от себя приводить к вере...»¹⁴².

Владения Строгановых по состоянию на 1579 г. значительно увеличиваются. На Урале Строгановы имели: «Орел-городок, Нижний Чусовской городок, слободы Сылва и Яйва, в которых было размещено административное управление вотчинами, 11 деревень, 28 починков, 352 двора, 406 человек мужского пола (женщины и дети в то время не учитывались). Владения были разделены на четыре округа: Орловский, Чусовской, Сылвенский и Яйвинский»¹⁴³.

Следующая важная функция Строгановых в ходе их взаимодействия с воеводами – оборона Пермского Прикамья. 6 ноября 1581 г. приходит грамота царя Ивана IV Васильевича пермскому воеводе князю И.М. Елецкому по челобитью Семена и Максима Строгановых о даче им ратных людей для обороны от набегов вогуличей. 20 декабря 1581 г. – грамота царя Ивана IV Васильевича Грозного Семену Аникину и Максиму Яковлеву Строгановым о разрешении прибирать воинских людей и ходить войной против вогуличей. Грамоты Строгановым и воеводе приходят почти одновременно.

Воеводы вели учет отдельным ресурсам Строгановых, которые представляли стратегический интерес для правительства. По рекам доставлялись войско, товары, соль. 28 апреля 1685 г. подьячий чердынской приказной избы Федор Задорин отписывал воеводе Назарию Петровичу Мельницкому о том, что «речка Весляная в Чердынском уезде никому на оброк не отдана»¹⁴⁴, ясачные люди привезли соболиный ясак, а список строгановских лодий, которые были в наличии на 1685 г., прилагал к отписке. Воевода сам требовал предоставить сведения о лодках с «человеком своим» Афанасием Яковлевым, просил «роспись строгановским лодьям». Подьячий составил список и отправил к воеводе, а «сколько лодей делано в той росписи написано подлинно»¹⁴⁵.

¹⁴² РГАДА. Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. 2. Д.120 (1). Л. 3.

¹⁴³ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 30.

¹⁴⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1395, л. 1.

¹⁴⁵ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1395, л. 3.

Вся логика событий и политика администрации Ивана Грозного подвели Строгановых к задаче овладения землями сибирского хана Кучума, поэтому поход Ермака в Сибирь трудно считать единоличной инициативой самих Строгановых или казаков во главе с Ермаком. Семен Аникеевич Строганов вместе с племянниками Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем призвал с Волги Ермака с дружиной и организовал в 1581 г. поход в Сибирь¹⁴⁶.

Если Строгановы и проявили инициативу в деле непосредственной отправки дружины Ермака в Сибирь, то этот шаг соответствовал смыслу общих указаний из Москвы. Основное бремя организации сибирского похода Ермака пало на Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых.

Царское правительство предписывало Строгановым участвовать в освоении Сибири. Седьмым января 1584 г. датируется грамота царя Ивана IV Васильевича Грозного Семену Аникину, Максиму Яковлеву и Никите Григорьеву Строгановым о приготовлении 15 стругов для отправки князю С.Д. Болховского с ратью в Сибирь¹⁴⁷.

За отказ присылать войско в грамотах угрожали опалой. 5 июля 1592 г. в грамоте царя Федора Ивановича на Орел и Чусовую Максиму и Никите Строгановым была запрошена посылка 50 человек для защиты Перми от нападений сибирских татар. «По нашему указу велели есмя взяти с вашего с соленого промыслу с Орла и с Чюсовой в Пермь Великую, для сибирских татар приходу, 100 человек ратных людей с рушницами, и с луки, с кремли и с рогатинами и со всяким ратным боем; и для тех ратных людей послан к вам Михаил Шокуров, а ведено ему тех ратных людей, взяв у вас, отвести в Пермь Великую и отдать воеводе Микифору Траханиотову. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б со своего соленого промыслу с Орла и Чюсовой ратных людей 50 человек с пищальми и с рогатинами и со всяким ратным боем дали Михаилу тотчас, добрых молотцов и просужих, которые б стрелять были горазди и ратное дело знали... А не отпустите тех 50

---

¹⁴⁶ Купцов И. В. Род Строгановых. — Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 21.

¹⁴⁷ Там же. С. 21.

человек вскоре тотчас и замешкаете, и вам от нас быти в великой опале и в продаже. Писан на Москве лета 7100-го июля в 5 день»¹⁴⁸.

В руках Строгановых концентрировались варничные угодья и дворы с хозяйственными постройками, в которых разместились их огромная семья и дворовые люди. Во второй половине XVI в. они стали полновластными хозяевами в Соли Вычегодской. В 1586 г. произошло восстание против притеснений Строгановых. В ночь на 22 октября 1586 г. во время вооруженного восстания посадских и ночного штурма ими дворов, принадлежавших Строгановым, был убит Семен Аникиевич.

После смерти Семена Аникиевича остались его малолетние сыновья: шестилетний Андрей Семенович, пятилетний Петр Семенович, а также дочь Марфа. Управление вотчинами их отца перешло к его вдове, матери малолетних наследников Евдокии (Стефаниде) Нестеровне Лачиновой, боярской дочери, сестре Соликамского воеводы. Во главе других строгановских вотчин стояли Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы. Таким образом, существовали и родственные связи между Строгановыми и воеводами.

Смута в начале XVII в. не затронула сколько-нибудь Строгановские вотчины в Пермском крае. В обстановке кризиса власти пермские вотчины продолжали хозяйственно крепнуть и территориально расти. Строгановы спонсировали правительство новой династии.

В XVII в. Строгановы приобретают огромное влияние и исключительное положение не только в торговом мире, но и в высших кругах государства.

23 февраля 1610 г. Никита Строганов в грамоте, писанной Василием Шуйским, впервые проименован с «вичем»: Григорьевич.

Присоединение к имени отчества в такой форме в XVII в. было редкостью: форма «вич» в окончании отчества обычно фигурировала только в том случае, если отчество принадлежало удельному князю, боярину или воеводе, то есть представителю родовой аристократии. «Исключения из этого правила были редки, и

---

¹⁴⁸ 5 июля 1592 г. Грамота царя Федора Ивановича на Орел и Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке ими 50 человек для защиты Перми от нападений сибирских татар // Дополнение к Актам историческим (ДАИ). Т. I. СПб., 1846. С. 230-231.

человек не княжеского, неболярского, недворянского происхождения получал приставку «вич» к отчеству только за большие заслуги перед государством. До получения грамоты от Шуйского Никита Григорьевич именовался так: Никита Григорьев сын Строганов»¹⁴⁹.

Спустя несколько месяцев, 29 мая 1610 г., царскими грамотами Андрей и Петр Строгановы также получили право именоваться с «вичем»: Семеновичи. В той же грамоте по отношению к Строгановым впервые употребляется термин «именитые люди».

В грамоте на имя Андрея Семеновича Строганова упомянуто о том, что за «бесчестье» с неправильным упоминанием имени платился штраф вдвое больше, чем за «бесчестье» московского купца. «Великий Государь ево Андрея Семеновича Строганова велел в грамотах, и в наказах, так же боярам, и воеводам, и дворецким, и казначеям, и наместникам, и дьякам, и по городам приказным людям всего Московского Государства, во всяких делах писать к нему Андрею Семеновичу и к детям ево с вичем. А кто ево Андрея обесчестит, и ему указано за бесчестье против Московского лучшего гостя вдвое сто рублей»¹⁵⁰.

30 июня 1614 г. царь Михаил Федорович подтвердил Строгановым все ранее выданные жалованные грамоты на земли и привилегии. Царь подтверждает исключительные права, дарованные им еще Иваном Васильевичем: «И посадских людей и деревенских крестьян судити ему (Дмитрию и Федору) самому, или кому прикажет, по прежнему, а наши Пермские и Сибирские воеводы и приказные люди и наши Пермские наместники и их тиуны его. Дмитрия (и Федора), и людей его, и посадских людей, и крестьян не судят ни в чем, и в его вотчину не въезжают и не посылают ни по что, опричь разбоя и татьбы с поличным; и Сибирских хлебных запасов, и посольских людей, и плотников, и подвод, и проводников никому не давать, опричь ратного вестового дела; коли мимо поедут Городок Чусовую и Сылву – и нашим пермским наместником и их людям, и Сибирским послом и гонцом всяким кормов никаких не давати, и с пермичи некоторого счету ни в чем не

---

¹⁴⁹ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 79.

¹⁵⁰ Купцов И. В. Род Строгановых. — Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 186.

держат; а судом и всякими нашими податями ведают их на Москве в Приказе Новгородской Чети дьяки наши; а наши подати Дмитрию (и Федору) с своей половины вотчины с городка с Чусовой, и с острогу, и с варниц, и с слобод, и с деревень, и с рек, и с лесов, и с озер, и с звериных и рыбных ловель и со всяких угодий дань и оброк платить по прежнему окладу Ивана Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова 87 году в Казанском дворце»¹⁵¹.

Строгановы достигли такого могущества, что превратили Западный Урал в свою вотчину, хотя не были ни боярами, ни дворянами.

Строгановы самостоятельно управляли своими вотчинами, но воеводы должны были доправлять деньги на крестьянах Строгановых. «...Воеводе нашему Василью Федоровичу Бутурлину да Макарью Внукову. В нынешнем во 129 году Июля в 18 день писал к нам, от Соли Камской, воевода Воин Карсаков: по нашему де указу посылал он к вам, в Чердынь, Усолского целовалника Михалка Серебреника, а велел де ему, по Никитинским кабалам Строгонова, на Чердынских крестьянех денги и хлеб, что они займовали у Никиты Строгонова, доправити и привезти к Соли Камской; а к вам де писал он Воин, чтоб вы тому целовалнику, для правезу, дали приставов; и вы де дали тому целовалнику пристава одного человека, и тот де Усолской целовалник Чердынских крестьян передавал на поруки с записми и велел им стать у Соли Камской на срок, на Сборное воскресенье нынешняго 129 году; и Чердынские де крестьяне к Соли Камской, по поручным записям, для платежу, на тот срок не приехали... Вы де, тому Усолскому целовалнику Михалку, приставов не дали и Чердынских крестьян к нему Воину, к Соли, Мая по 12 число, не присылавали, и его Воиновым отпискам не поверили, и на Чердынских крестьянех, по Никитинским кабалам Строгонова, денег и хлеба ничего не доправлено...»¹⁵².

Далее в грамоте описывается интересная ситуация. Чердынский воевода Василий Бутурлин, по мнению властей, не собирал деньги с крестьян, потому что получал от них за это вознаграждение. Центру это явно не понравилось, поэтому

¹⁵¹ Цит. по: Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 81.

¹⁵² Царская грамота Чердынскому воеводе Василью Бутурлину, о взыскании с Чердынцев заемных денег и хлеба, по кабалам Никиты Строганова, 20 июня 1621 г., №287 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.458.

последовала грамота: «И вы то делаете неведомо какими обычеи: Чердынским посадским и уездным крестьяном, на которых довелось взяти из долгу по Никитинским кабалам Строганова, норовите, для своих поминков, сами на них правити не велите, а Усолскому целовалнику, которого присылал к вам от Соли Воин Карсаков, править не дадите же к Соли Камской не отошлете...».

Воеводе было велено выполнять предписание грамоты и более не «ослушаться»: «И как к вам ныне, от Соли Камской, Воин Карсаков, для тех заемных денег и хлеба, от Соли пришлет, и вы б на Чердынцах на посадских людех и на уездных крестьянех, которые у Никиты Строгонова денги и хлеб займовали, велели доправити тотчас, а доправя отослали к Соли Камской с Усолским целовалником...»¹⁵³.

Строгановы захватывали земли у местного населения, заселяли их беглыми людьми. Ясачные крестьяне лишались угодий, где промышляли зверя, занимались бортничеством, ловили рыбу. В поисках защиты они писали царю: «От Сылвенского острогу по реке по Сылве вверх и по берегу в гору им, Строгановым, владети по 5 верст. А ныне, государь, деревни их стоят в наших вотчинах вверх по реке в 15 верстах, а в гору больше 10 верст. А рыбу ловят и бобры бьют верстах во сте и больши¹⁵⁴.

В Москву шла челобитная, а Строгановы безнаказанно продолжали захватывать «порожные» земли ясачных крестьян.

Много грамот было отправлено в связи с челобитными татар по поводу дележа территорий и защиты от крестьян, которые покушались на их промыслы.

Например, 10 февраля 1619 г. была отправлена челобитная сылвенских и иренских ясачных татар о защите их от строгановских крестьян, отнимающих у них «бортные ужожи, рыбные ловли и бобровые промыслы»¹⁵⁵.

Нелишним, как можно видеть из документов, было создание памятей приказчикам, которые должны были защищать татар от покушений крестьян. Характерна в этом отношении память от 1 марта 1620 г. сылвенским приказчикам

¹⁵³ Царская грамота Чердынскому воеводе Василью Бутурлину, о взыскании с Чердынцев заемных денег и хлеба, по кабалам Никиты Строганова, 20 июня 1621 г., №287 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С. 459.

¹⁵⁴ Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 5.

¹⁵⁵ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 454. Л. 1.

Андрея и Петра Строгановых о защите татарина Чеклубайка Байбарина от насилия сылвенского жильца Романа Гилева¹⁵⁶.

Еще одной возможностью для взаимодействия Строгановых и воевод был сыск беглых крестьян.

30 декабря 1581 г. была отправлена грамота в Пермь Великую В. Пелепелицыну по челобитью Семена и Максима Строгановых о возвращении убежавших из слобод их в Пермь Великую их людей¹⁵⁷.

Зимой 1647–1648 гг. Новгородский приказ обязал соликамского воеводу Прокопия Елизарова провести сыск беглых крестьян во владениях монастырей и вотчинников Соликамского уезда и вывести их на Ирень. В бумаге говорилось: «Государевых прихожих крестьян: вятчан и кайгородцов, Соли Вычегодской и Устюга Великого и иных городов из-за вотчинников и монастырей вывести за государя на Кунгур и на Степаново городище в урочищах на той земле и межах, что были на оброке Соли Камской за Вознесенским монастырем, и порушные записи по ним в житье и в государеве тягле (взять), чтоб им за государем жить и никуда не збежать»¹⁵⁸.

Воевода отрядил специальных людей на поиски беглых крестьян во владениях Соликамского и Пыскорского монастырей, а также на землях Строгановых и других вотчинников. И уже в 1648 г. было «вывезено» на Ирень 385 семей беглых крестьян, бобылей и посадских людей, насчитывавших 1222 души мужского пола. На правом берегу Ирени, двумя верстами выше устья речки Кунгурки, возник город. Каждая семья получила 7,5 десятины земли (4,5 десятины пашни и 3 десятины сенокоса) и на три года была освобождена от уплаты тягла. Это все, что сделало правительство для новопоселенцев»¹⁵⁹.

В середине века исключительное положение Строгановых было закреплено Уложением 1649 г. В нем было определено «за бесчестие Строгановым» наложение двойного денежного штрафа в 100 рублей против обычного размера за «бесчестие

¹⁵⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 481. Л. 1.

¹⁵⁷ Купцов И. В. Род Строгановых. — Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 21.

¹⁵⁸ Цит. по: Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 7.

¹⁵⁹ Там же.

гостей» в 50 рублей. Но самым главным были новые громадные пожалования земель.

Подтвержденные жалованные царские грамоты были выданы Строгановым 31 января 1641 г., 27 июня 1688 г., 25 июля 1692 г.

В грамоте 7200 (1692) г. сказано: «...именитым людям... Строгановым написано: Велено им старинными вотчинами владеть по тем выше объясненным грамотам, и ни в чем тех грамот судить не велено, и быть так как в тех грамотах написано. А Казанским, и Пермским, и Сибирским, и иных городов наместникам, и боярам, и воеводам, и всяким приказным людям, их именитых людей, и их крестьян, и посадских людей, и работников судить ни в чем, и в вотчины их въезжать и посылать ни почто никого, опричь разбою и татьбы, с поличным не велено...»¹⁶⁰.

Спорные территориальные вопросы могли решать воеводы, и часто в пользу Строгановых. 31 декабря 1673 г. была отправлена грамота царя Алексея Михайловича соликамскому воеводе И.С. Головнину о разводе земель и сенных покосов Агафьи Строгановой с косьвинскими казенными крестьянами¹⁶¹.

В 1677 г. была прислана царская грамота на Кунгур Семену Ивановичу Толстово о высылке к Пермскому воеводе кунгурцев для отмежевания земель вдовы Агафьи Строгановой по реке Косье от земель, принадлежащих Чердынцам и Кунгурцам¹⁶².

Такие привилегии были связаны с финансовой поддержкой царской династии. Например, в грамоте от 28 мая 1682 г. к Григорию Дмитриевичу Строганову обращались, чтоб он дал воеводе князю Ф.Ю. Барятинскому на жалованье московским стрельцам денег, «сколько может, с тем, что оные возвращены будут, как царская казна будет в сборе»¹⁶³.

Рассмотрим, например, эпизод со сбором денег на жалованье ратным людям с пермских, чердынских и усольских посадских людей. В конце июля 1679 г. соликамскому воеводе Дмитрию Никитичу Наумову была выслана грамота о сборе полтинных денег с посадских людей и волостных крестьян, которые не платят сбора

¹⁶⁰ Купцов И. В. Род Строгановых.— Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 187.

¹⁶¹ Там же. С. 58.

¹⁶² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 38. Л. 6.

¹⁶³ Купцов И. В. Указ. соч. С. 61.

десятой деньги. Воеводе было велено «на нынешний год собрать по полтине с двора с великим поспешением, а собрав те деньги сполна и тем деньгам учинить книги с подлинною отпискою прислать ... к Москве...»¹⁶⁴. В то же время воеводе нельзя было вмешиваться в дела Строгановых. Единственное, что предлагалось сделать Дмитрию Никитичу Наумову, это «в монастырские и имянитых людей Строгановых в вотчины о сборе тех полтинных денег для того сбору разослать памяти...»¹⁶⁵.

Строгановы меж тем активно осваивали новые территории, в том числе увеличивали свое влияние в городах, где управляли воеводы.

31 марта 1698 г. была отправлена грамота кунгурскому воеводе «об отведении именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову в Кунгуре места для построения осадного двора»¹⁶⁶.

В случае возникновения территориальных споров, приходила царская грамота воеводе, который должен был решить проблему. «Где ... сошлись спорные места пашенные и непашенные земли и сенные покосы и леса и рыбные ловли и всякие...»¹⁶⁷.

Конечно, существование владений Строгановых создавало свои неудобства при управлении территорией. Возникали спорные вопросы, которые решались воеводами по грамоте царя. Например, по грамоте Феодора Алексеевича «велено стольнику нашему и воеводе Дмитрию Наумову на Косве реке спорные земли даниловской жены Строганова вдовы Агафьи с Косьвинскими крестьяны роздать кроме ... с чердынцы и с кунгурцы в правде... Как к тебе наша Великого государя воеводе Дмитрею Наумова грамота для кунгурцов пришла и ты б для того земляного межеванья роздав послал кунгурцов добрых ... людех сколько человек надобно тотчас, чтоб за кунгурцы то земляное межеванье не стало»¹⁶⁸.

В этом же вопросе прослеживаются взаимоотношения воеводы и «мира». Для решения проблем с межеванием спорных земель выбирались «добрые люди» из

---

¹⁶⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1102, л. 1.

¹⁶⁵ Там же, л. 2.

¹⁶⁶ Купцов И. В. Указ. соч. С. 62.

¹⁶⁷ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 832. Л. 1.

¹⁶⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 38. Л. 6.

Кунгура. Территория вокруг реки Косьвы была относительно далеко от Кунгура. Но выборные люди были из главного на тот момент города управляемой территории.

В XVII в. Строгановы приобретают огромное влияние и исключительное положение не только в торговом мире, но и в высших кругах государства. «Значение имело и то обстоятельство, что царица Евдокия Лукьяновна Стрешнева, жена Михаила Федоровича Романова, оказалась дальней родственницей Строгановых. Братья Андрей, Петр, Семен и Иван Максимовичи Строгановы поднесли новорожденному царевичу, будущему царю Алексею Михайловичу, четыре серебряных кубка весом полпуда, ценою в 100 рублей, четыре «сорока» соболей на 225 рублей. Всего же ими было преподнесено даров на крупную по тем временам сумму в 520 рублей и сверх того 100 золотых, о чем говорится в книге дворцовых разрядов»¹⁶⁹.

Как можно судить по содержанию грамот второй половины XVII в., воеводы могли неохотно взаимодействовать со Строгановыми, особенно по части розыска крестьян. Воеводам также было выгодно увеличивать население за счет бежавших крестьян.

Результатом скрытого конфликта были подобные грамоты. «На Кунгур воеводе нашему Ивану Ивановичу Черникову бил челом... имянитой человек Григорей Строганов. Бежали от него многие во крестьяне и бобыли, а в бегах живут на Кунгуре и в Кунгурском уезде, а ты де ему Григорью тех ево вотчинных беглых крестьян и бобылей не отдаешь, и нам пожаловать бы ево велеть тех ево беглых крестьян и бобылей которые люди ево Григорей опознают, брать людем ево Григоревых на Кунгуре дать ему ... грамоту и как к тебе ... грамота придет и ты бы против челобитья имянитого человека Григорей Строганова на беглых ево крестьян и бобылей, которых люди ево Григорьевы на Кунгуре и на Кунгурском уезде опознают крестьян велел дать с посаду... учинил по уложению»¹⁷⁰.

3 июня 1672 г. была послана грамота на Кунгур воеводе Дмитрию Артемьевичу Гладышеву о сыске беглых кунгурских селебных крестьян, живущих

---

¹⁶⁹ Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. М.: Дрофа, 2005.

¹⁷⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 90. Л. 1.

за монастырями и в Строгановских вотчинах и о водворении их на прежние места жительства¹⁷¹.

Обычно правительство вставало на сторону Строгановых. 24 октября 1693 г. в царской грамоте на Кунгур воеводе Федору Ивановичу Сухотину было велено выслать в Соликамск к воеводе стольнику Семену Федоровичу Нарышкину кунгурских крестьян, обвиняемых в грабеже и насилии над людьми Григория Дмитриевича Строганова в вотчине его Огрызковом поле. «По челобитью ... Григория Дмитриевича Строганова... велено про приезде Кунгурского уезда Петровского сельца Курманаевы, Кильделины, Баранчины и Гольшевы деревни крестьян Маршушки Шайдурова... Ивашки Гольшева с племянниками и товарищами, которые приезжали в вотчину его на Огрызковом поле к большому озеру ... его Якушку Костарева, Любимка Зыкова ... били насмерть, грабили... дворы их»¹⁷². Также по грамоте следовало отправить пострадавших и дело для следствия и разбора. Подобные проблемы воеводы двух уездов решали совместно со Строгановыми под контролем Москвы.

В октябре 1694 г. другой кунгурский воевода Степан Осипович Сухотин расследовал дело об убийстве крестьянина князя Якова Никитича Одоевского Гришки Васильева. Проблема заключалась в том, что крестьянин Строгановых Федор Титов содержался по поводу этого дела под стражей. Строгановы попросили его освободить под расписку. В грамоте отмечалось, что «в прошлом году ... по словесному извету Воздвиженской пустыни служебника Никишки Иванова приведен на Кунгур в приказную избу из той пустыни крестьянин его Федка Титов. А с ним с Федкой привезен был боярина нашего князя Якова Никитича за единого крестьянин его Гришка Васильев мертв, а по расспросным речам в прошлом явилось, что тот Гришка Васильев убится пьяным сам. И того де крестьянина Федку в том деле ... в убийстве держат за караулом в приказной избе безвинно...»¹⁷³. В Москве решили, что дело следует прислать в приказ, а крестьянина отдать под расписку Строгановым.

¹⁷¹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 3, л. 1.

¹⁷² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 156, л. 1.

¹⁷³ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 170, л. 1.

Опасность для русского населения территории Пермского Прикамья представляли восстания башкир, принявшие тогда широкий и массовый характер. Причин для недовольства было более чем достаточно. Башкиры жаловались на ущемление их вотчинных прав и привилегий, захват башкирских земель русскими, возрастание налогов и повинностей, известны факты «принесения жалоб» башкирами на самовольное «присвоение» земель Строгановыми, осинскими служилыми людьми, на произвол властей¹⁷⁴.

Воеводы должны были обеспечивать поступление денег в государственную казну. Часто интересы государства и вотчинников пересекались. Например, после разорения Кунгура крестьяне переселились в Строгановские вотчины (ситуация, обратная описанной выше). За них пришлось платить другим крестьянам. Власть отреагировала, послав грамоту «воеводе нашему Дмитрию Артеньевичу Гладышеву. Писал к нам Кунгура сыщик Иван Талызин в прошлых годах до башкирския того разорения по башкирские войны бежали кунгурские многие селебные крестьяне из Кунгурского уезду, а в бегах и до ноннего живут в уезде Соли Камской и в Чердыни в наших волостях и Пыскорского монастыря и Вознесенного монастыря у Соли Камской в слободах и в Кунгурском уезде рожденные ... и в Строгановских вотчинах ... данные пооброчные и полонянничные денги и всякие доходы за тех крестьян платят остальные кунгурские крестьяне ... и как грамота придет ты б кунгурских крестьян которые живут за монастыри и в строгановских вотчинах сыскал и, сыскав, сажал на Кунгур на прежние их тяглые жеребья»¹⁷⁵.

Конец XVII в. ознаменовался новыми земельными приобретениями Строгановых. В состав их пермской вотчины вошли Ленвенские и Зырянские промыслы.

История приобретения Ленвенских промыслов демонстрирует деловую хватку Строгановых. В данном эпизоде проявляются возможности сотрудничества с воеводами для Строгановых.

---

¹⁷⁴ Чагин Г.Н., Шилов А.В. Указ. соч. С. 241.

¹⁷⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 3.

В 1610 г. купцы Шустовы и Филатьевы купили у некоего Ивана Соколова рассолоподъемные трубы и установили их на р. Ленве. Промысел успешно развивался и, в конце концов, стал явно мешать Строгановым. Шустовские и Филатьевские промыслы давали до 2 млн. пудов соли в год. На Ленвенские промыслы обратил свой взор Григорий Дмитриевич Строганов.

В ночь на 10 мая 1695 г. в ходе пожара в Соликамске огнем было уничтожено 40 варниц, 22 амбара, более 150 тысяч сажен заготовленных варничных дров, деревянные части рассолоподъемных труб и приспособлений к ним, 11 кузниц и 16 работничьих изб при соляных промыслах¹⁷⁶. Он послужил одной из причин полного разорения большинства мелких и средних посадских солеваров.

В затруднениях, которые испытывали солевары, не последнюю роль играли злоупотребления местных воевод. Так в 1696 г. посадский мир жаловался на воеводу Ю.Я. Хилкова. Весной и летом он поставил караулы при устье реки Усолки, которые требовали с владельцев соляных судов по 2 рубля за каждую тысячу сапец (6 тысяч пудов) соли, и только при получении денег пропускали.

Незаконные поборы с торговых людей взимали почти все, только не ставили караулы, а действовали через таможенных голов и целовальников.

В 1696 г. Григорий Дмитриевич Строганов направил в Новгородский приказ челобитную, в которой говорилось, что земли по речке Ленве, принадлежавшие Строгановым, насильственно захвачены гостями Шустовыми и Филатьевыми.

«Судебные разбирательства продолжались полтора года. Г.Д. Строганов не стал ожидать решения суда и, чтобы окончательно сломить конкурентов, начал настоящие насильственные действия против Ленвенских промыслов. Его люди совершают нападения на ленвенских солеваров, избивают их самих и их родных, грабят имущество. Ленвенские промыслы начинают испытывать настоящую блокаду»¹⁷⁷.

Василий и Алексей Филатьевы с Василием Шустовым стали терпеть огромные убытки. Они вынуждены были обратиться за защитой к соликамскому воеводе

---

¹⁷⁶ Богданов М. В. Соль Соликамска – Соликамск, 2010. С. 47.

¹⁷⁷ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 118.

князю Хилкову. Однако царскому воеводе Г.Д. Строганов был неподсуден, и тот мог только отправить в Москву донесение о конфликте. Жалобу в Новгородский приказ послали и ленвенские солепромышленники. В челобитной они прямо сообщали, что из-за разорения их варниц «вашей государственной казне в пошлинном сборе от того будет недобор большой и цена (соли) на всякий пуд прибавитца»¹⁷⁸. Однако подкупленные Строгановыми дьяки Новгородского приказа не радели о государственной пользе. Для решения межевого спора из Москвы прибыли стольник князь Григорий Тюфякин и подьячий Поместного приказа Григорий Бирилев, была создана межевая комиссия, куда вошли 60 местных старожилов из числа зажиточных посадских людей и крестьян.

Представители московского чиновничества только делали видимость объективного рассмотрения конфликта. В это время вооруженные строгановские люди, числом около 2000 человек, расположились на спорных землях. Подкупленный Г.Д. Строгановым князь Тюфякин оказал силовое давление на членов межевой комиссии, чтобы получить выгодные ему показания. «Один из членов комиссии был бит батогами, другим пригрозили наказанием кнутом. Несогласные члены межевой комиссии отказались работать в ней, и ушли в посад Соли Камской, подав на действия князя Тюфякина жалобу воеводе»¹⁷⁹.

По мнению А.Ф. Мельничука и Г.П. Головчанского, соликамский воевода князь Хилков, получив денежную мзду от Г.Д. Строганова, твердо встал на сторону Строгановых. Тогда посадские жители Соликамска послали в Москву челобитную на своего воеводу с просьбой снять его и назначить нового. В это время Тюфякин и Бирилев провели границу спорных владений, используя показания строгановских и монастырских крестьян. Попытка насильно вывести соликамских посадских людей для утверждения незаконной границы не удалась. Однако московские чиновники внесли в свои межевые книги новые границы, по которым Ленвенские промыслы, находившиеся на государственной тягловой земле Соликамского уезда, вошли в состав частного владения Г.Д. Строганова.

---

¹⁷⁸ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 119.

¹⁷⁹ Там же.

«Результатом стал указ Петра I о передаче спорных земель вместе с соляными промыслами во владение Г.Д. Строганову. Филатьевы и Шустов вынуждены были отдать Строгановым свои промыслы со всеми постройками, да еще и уплатить крупную сумму штрафа «за пользование их землей» в течение 15 лет»¹⁸⁰.

15 лучших посадских людей с женами и детьми были отправлены в ссылку в Азов в наказание за сопротивление при межевании земли князем Тюфякиным в 1696 г. при захвате Ленвенского промысла Г.Д. Строгановым¹⁸¹.

По пути в ссылку умерли Никифор Колохматов и Михаил Ксенофонтов. По челобитью их жен, их семьи не были высланы в Азов и остались в Соликамске. «1 Генваря в 11 день Божим праведным судом по неправой отписке воеводы Хилкова под суд за караулом взяты к Москве Соликамские лучшие люди: Иван Суровцев большой, земский староста Никола Сапожников, Якова Самойлова взяли и сына его Ивана да племянника его Ивана ж и Филиппа Холмогорова, Ивана Петрова, Степана Мортюшова, Михайла Ксенофонтова, Филимона Сапожникова, Бориса Холкина, Ивана Харитонова, Никифора Колохматова, Ивана Свалова, Ивана Туронтаева, Герасима Фомина, Данила Шестакова. А наказание им учинено в Семеновском, пытаны оприч Ивана Суровцева, из них сослано 15 человек в Азов»¹⁸².

Лишь Ивану Суровцеву каким-то образом удалось избежать пытки. Возможно, сказалось, что, когда воеводами в Соликамске были Нарышкины, родственники Петра I по матери, у братьев Суровцевых сложились с ними довольно дружеские отношения, подкрепленные богатыми дарами и денежными ссудами. И хотя оба воеводы Нарышкины умерли в Соликамске, жены, дети, племянники, полные приятных впечатлений о Суровцевых, уехали в Москву. Возможно, кто-то из них принял участие в судьбе Ивана. Как бы то ни было, спустя некоторое время он невредимый вернулся в Соликамск, хотя принимал активное участие в протесте.

В 1697 г. казенные Зырянские усолья переданы во владение, точнее – в арендное содержание Г.Д. Строганову. Через три года они отданы ему «в вечное владение» с рассолоподъемными трубами, варницами, землями, рекой Зырянкой и

¹⁸⁰ Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Указ. соч. С. 120.

¹⁸¹ Богданов М. В. Соль Соликамска – Соликамск, 2010. С. 49.

¹⁸² Дмитриев А. А. Соликамские летописи. – Пермь, 1884. – С. 22.

другими речками, «которые в нее впали от устья и до вершины, с озерами, с рыбными и звериными промыслами, мельницами и со всеми угожьями»¹⁸³, – что к тем промыслам исстари принадлежало. Соликамцы на этот раз смирились.

Он устранил на своем пути еще одного конкурента, и притом очень сильного. Таким образом, Григорий Дмитриевич Строганов, самый энергичный и беззастенчивый из всех Строгановых, прибрал к рукам Ленвенский солеваренный промысел и казенные Зырянские усолья в Соликамском уезде. Получив в свое распоряжение 162 варницы из 233, имевшихся в конце XVII века в Соликамском уезде, Г.Д. Строганов стал самым крупным солепромышленником Прикамья.

В данном эпизоде конца XVII в. представлен пример взаимовыгодного сотрудничества воеводы и Строгановых.

Интересны следующие факты. В 1698 г. возникло дело о злоупотреблениях воеводы князя Ф.И. Дашкова. Верный своей ненависти к Строгановым, он приказал посадить в приказную избу А.В. Ростовщикова (солепромышленника) за провинности и приостановить работу его солеваренного промысла. Александр Ростовщиков послал жалобу в Москву, что воевода причинил ему убытков на 300 рублей 5 алтын и 2 деньги. За него похлопотал Г.Д. Строганов и поддержал обвинение. После сыска, который проводил один из сторонников Строганова – стряпчий Кузьма Цызарев, воеводу Федора Дашкова отозвали с воеводства.

В 1700 г. возникло дело о захвате А.В. Ростовщиковым дворового места на посаде Соликамска. В дело вмешался Г.Д. Строганов. В своей челобитной он писал, что тот «работает у соляных моих варничных Орловских промыслов издавна» и поручился за него. Возможно, что после возвращения из Сибири он и работал в качестве варничного приказчика. Но когда возникло это дело, Александр Ростовщиков был уже крупным солепромышленником.

Соликамские воеводы, получавшие подарки от Г.Д. Строганова, содействовали и ему. Он постоянно враждовал с посадскими людьми¹⁸⁴.

---

¹⁸³ Харитонов Е. Д. Солеваренная промышленность Прикамья в XVIII веке. – Пермь, 1971. С. 10.

¹⁸⁴ Богданов М. В. Соль Соликамска – Соликамск, 2010. С. 47.

В стремлении захватить как можно больше, он сталкивался с такими же интересами других солеваров. Происходили неизбежные конфликты с Суровцевыми, Ксенофоновыми и другими солеварями.

А.В. Ростовщиков в 1694–1695 гг. избирался земским старостой. К концу 1700 г. А.В. Ростовщиков становится одним из крупнейших солепромышленников в Соликамске.

Взаимовыгодные отношения Строгановых и воевод ярко иллюстрирует и такой эпизод. В 1703 г. во время Кунгурского восстания уже упомянутый воевода Алексей Калитин тайком бежал из Кунгура в строгановскую вотчину Серьгу¹⁸⁵. Возможно, местное население он обидел и в ходе межевания в 1698 г.

26 мая 1698 г. была послана царская грамота на Кунгур Алексею Ивановичу Калитину о посылке межевщика Кузьмы Цызарева для отмежевания Пермских вотчин Григория Дмитриевича Строганова от Кунгурских посадских и уездных земель. Воеводе было велено в Кунгуре посторонних и уездов отмежевать ... кругом Кунгурского уезда межи»¹⁸⁶.

Проблема заключалась в том, что у Григория Строганова «пермские его вотчины, села и деревни к Кунгурскому уезду в близости: к смежными кунгурскими и посадскими, к уездным людям землям, а о землях по межам многие споры и челобитные»¹⁸⁷. В Пермское Прикамье был послан для межеванья Орловского городка Строгановым уезда межевальщик Кузьма Цызарев. В грамоте предписывалось заодно межевать и кунгурские земли. Воевода должен был съехать с «тем межевальщиком Кузьмой Цызаревым на спорные земли: которые кунгурские земли смежны с вотчинными землями имянитого нашего человека размежевали вправду, чтоб в том вашем межеванье челобитья... не было и учинили в тех спорных землях межи...»¹⁸⁸. Суд состоялся явно не в пользу населения Кунгурского уезда, а в пользу Строгановых.

---

¹⁸⁵ Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 20.

¹⁸⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, оп. 1, д. 204, л. 1.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Ф. 75, оп. 1, д. 204, л. 1.

Итак, царские грамоты заложили основу для существования уральской вотчины Строгановых, своеобразного государства в государстве, неподсудного воеводам, имеющего свои вооруженные силы.

С началом каждого последующего царствования не только подтверждались все прежде дарованные Строгановым грамоты на владение землями и на разные привилегии, но ко всем прежним пожалованиям прибавлялись новые.

Финансовые льготы в середине XVI в. позволили Строгановым преумножить свое экономическое могущество. Вотчины Строгановых, занимавшие добрую половину Перми Великой, представляли самостоятельное неподвластное царским наместникам и воеводам государство со своими законами, установлениями, распорядком и управлением. Именитые владельцы имели исключительное право сношения непосредственно с Москвой, минуя местную администрацию. Они имели практически неограниченную возможность распоряжаться судьбами подчиненных им людей, бесконтрольное право творить над ними суд и расправу.

Итак, в заключение главы можно сделать следующие выводы.

По мнению автора, важнейшей чертой средневекового «управителя» был универсальный характер власти воеводы, сущность которого состояла в распространении на все виды компетенции местных органов: предметную, территориальную, иерархическую.

Главное должностное лицо местного управления (воевода) ведало самым широким кругом дел – от командования войсками и до надзора за хозяйственным развитием подведомственной территории и отправлением гражданского и уголовного суда.

Рассмотрев воеводское звено управления с точки зрения принципов комплектования его штата, государственного содержания, структуры подчиненности местных органов власти, автор пришел к выводу, что служба в воеводском аппарате носила еще преимущественно личностный характер.

Существование двух принципов назначения на должность – по инициативе центральных учреждений и вследствие личного желания претендента – отражало переходный этап в формировании гражданской службы как особой отрасли

государственного управления. Пытаясь законодательно бороться против взгляда на воеводское управление как на службу «у корыстовых дел»¹⁸⁹, правительство фактически мало что могло сделать для искоренения кормленческой практики местного аппарата.

В первой четверти XVIII в., когда потребовалось быстро и решительно бороться с различными проявлениями недовольства (отметим тот факт, что восстания в Сибири и Пермском Прикамье приходится именно на вторую половину XVII в. и начало XVIII в.), взysкивать налоги (денег на военные нужды Петра I не хватало), осуществлять наборы в армию, проводить предписанные из центра преобразования, была проведена губернская реформа: приказные избы ликвидировали, их функции были распределены между губернскими и воеводскими канцеляриями, магистратами, судами и другими вновь созданными учреждениями.

Правительство контролировало деятельность уездных воевод, направляя непосредственно им грамоты.

На взгляд автора, воеводы Пермского Прикамья сохраняли значительную самостоятельность, ввиду географической отдаленности территории от Центральной России.

С созданием налаженных путей сообщения, а также в силу необходимости оперативных решений по вопросам, связанным и с сохранявшейся опасностью нападений нерусского населения на города, воеводы попадали под большой контроль правительства Российского государства.

Правительство преследовало цели, с одной стороны, как можно больше централизовать и укрепить воеводскую власть с целью продвижения в Сибирь, а с другой – использовать уральские территории в качестве форпоста для освоения Сибири (о чем свидетельствуют многочисленные грамоты о поставках в Сибирь).

Спецификой Пермского Прикамья было наличие имений Строгановых. На протяжении всей истории своего рода Строгановы являлись опорой государственной власти, участниками освоения Сибири.

---

¹⁸⁹ Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 63.

Воеводы искали свою выгоду во взаимоотношениях со Строгановыми. Они помогали искать им беглых крестьян, выигрывать территориальные споры. Известен случай брачной связи между сестрой Соликамского воеводой Евдокии Нестеровне Лачиновой и Семеном Аникиевичем Строгановым. Таким образом, деятельность Строгановым и воевод была скорее взаимовыгодной, их функции по освоению территорий, их охране, христианизации населения зачастую совпадали.

Далее автор рассматривает функционирование уездной воеводской власти в Пермском Прикамье, а также подробно исследует основные функции воевод.

Глава 2. Функционирование уездной воеводской власти в Пермском Прикамье в XVII в.

2.1 Управленческий аппарат и условия его функционирования в XVII в.

Принципы и порядок назначения воевод, оплаты их труда, взаимодействия с другими местными органами, всеобъемлющий характер их компетенции и конкретный набор функций свидетельствовали о переплетении бюрократического, личного и сословного начал в управлении¹⁹⁰. Рассматривать воеводские функции необходимо в целом, потому что многие функции воевод смешивались, при выполнении одной функции затрагивались другие сферы деятельности местной власти.

В условиях недостаточного контроля, как со стороны административных органов разного уровня, так и со стороны населения, сословно-правовой взгляд на гражданскую службу открывал перед воеводами путь к различным злоупотреблениям.

Для местного управления преддверием петровских преобразований стали 90-е гг. XVII в., когда центральная власть предприняла попытку ограничения сословного начала, заметно усилившегося в деятельности уездных администраторов, особенно в Сибири. Задачей петровских реформ было ограничение власти воевод путем усиления контроля сверху и расширения компетенции других органов местного управления (выборных должностных лиц).

В крупные города, к которым в конце XVI в. относилась Чердынь, периодически – Соликамск, а во второй половине XVII в. – Кунгур, – управители посылались парами, один из них назывался воеводой, а другой – его товарищем или дьяком. Были еще служители, называвшиеся «подьячие с приписью» – грамоты в Москву отправлялись с их подписью.

---

¹⁹⁰ Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 90.

Как уже упоминалось, воеводам помогал в исполнении их обязанностей аппарат приказных (съезжих) изб, который мог включать в себя дьяка или подьячего «с приписью» и приказных служителей (подьячих). В приложении приведен список воевод с указанием их статуса. Как было отмечено автором в первой главе, в Пермском Прикамье было значительное количество стольников, князей, в состав приказных (съезжих) изб часто включались дьяки, но численность штата приказных изб была невелика.

Наместники и органы губного и земского самоуправления оказались неспособными справиться с большим количеством обязанностей, к тому же необходимо было контролировать порядок на вверенных территориях. С одного управляющего проще было спросить за плохое исполнение обязанностей. Воевода для улучшения централизации был подчинен единому центральному органу – приказу в Москве.

Широта полномочий воевод была связана с необходимостью осуществлять все функции управления комплексно на местах. Тем не менее, принцип специализации отчетливо проявился и в функциях воеводского управления в Пермском Прикамье. Хотя функции воевод и переплетались, можно четко выделить основные, которые воеводы исполняли на протяжении XVII в.

Деятельность воеводы в Пермском Прикамье была разнообразна и охватывала почти все стороны местного управления.

В наказах воеводам предлагалось исполнять такие виды функций как:

- военные (например, набор войска – как в местную команду стрельцов, так и для отправки в центр, охрана вверенных крепостей);
- судебные (вершить суд, искать преступников);
- административные (управлять территориями, осуществлять межевание);
- хозяйственные (следить за сбором налогов и пошлин, проверять отчетные книги «голов», преследовать контрабанду и тайную продажу вина);
- прочие функции (постройка дорог, доведение до населения содержания грамот).

Изучим подробно состав функций воевод по документам СПИИ РАН (Таблица 2.1).

Таблица 2.1. Функции воевод по документам СПИИ РАН

Собрание документов	Хронологические рамки документов	Военные функции воевод (в том числе дела о заложниках и пленных)	Административно-хозяйственные функции воевод	Административно-полицейские функции воеводы	Судные дела в воеводской канцелярии	Итого
СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда	17 апреля 1672 года – 19 июня 1701 года	10	170	30	19	229
СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские	4 февраля 1605 года - 13 октября 1613 года	234	120	21	14	389
СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские	14 января 1614 года – после 27 апреля 1625 года	4	139	22	16	181
СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские	29 октября 1627 года – 1646 г.	6	227	37	9	279
СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские	30 августа 1651 года – 28 ноября 1668 года	7	83	2	3	95
СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские	17 августа 1676 года – 11 сентября 1700 года	6	515	37	26	584

Многое из того, что предлагалось постоянно делать воеводе, не могло быть исполнено по независящим от воеводы причинам.

По мнению Н. Савенковой, «почти вся деятельность воеводы, чтобы ненароком не ошибиться, сводилась, кроме обеспечения казенных сборов, к тому, что он получал указы и распоряжения из столицы и объявлял их во вверенном ему воеводстве. По населенным пунктам рассылались копии указов, которые

приказывалось «публиковать», а именно: вывешивать на площадях на видных местах»¹⁹¹.

Рассмотрим статистику (рис. 2.1) по документам СПИИ РАН, фонд 75, опись 1 «Акты Кунгурского уездного суда» (17 апреля 1672 г. – 19 июня 1701 г., 229 документов) и фонд 122, опись 1 «Акты Соликамские», с 4 февраля 1605 года (4 февраля 1605 г. – 11 сентября 1700 г., 1528 документов).

Проанализируем сначала статистику документов фонда 75, «Акты Кунгурского уездного суда». Хронологические рамки документов (вторая половина XVII в.) обусловлены датой организации воеводства в Кунгуре.

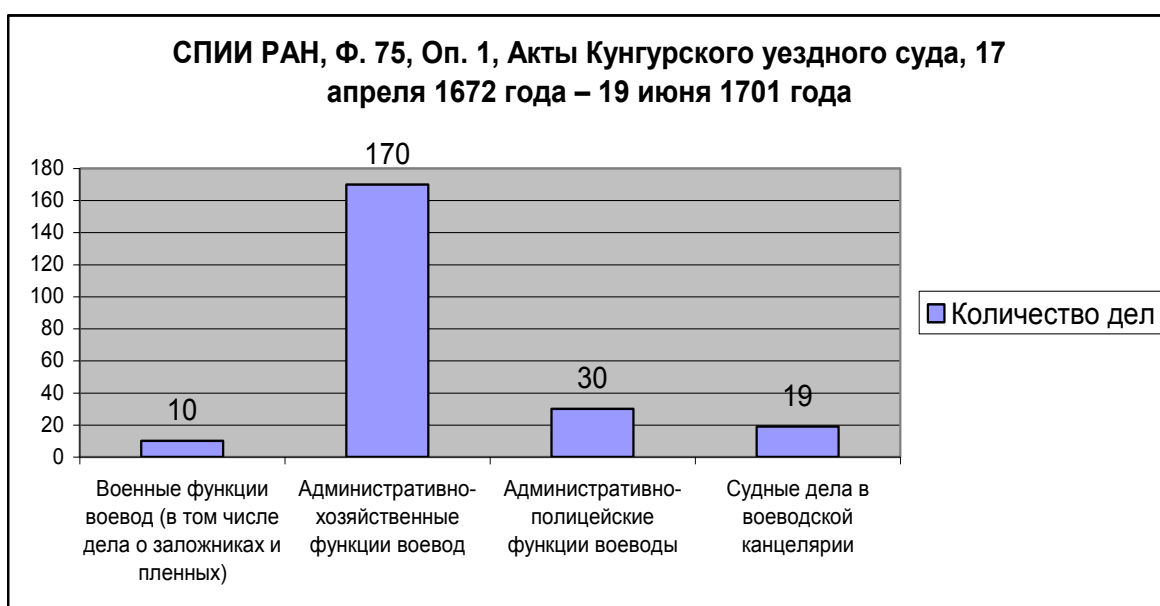

Рис. 2.1. Количество дел Кунгурского уездного суда

Преобладают административно-хозяйственные функции воевод (75%). Следом идут административно-полицейские функции воевод (13%) и судные дела (8% дел). Военные функции воевод находятся на последнем месте (4%). Несмотря на постоянную угрозу со стороны башкир, в канцелярии не так часты упоминания о военных проблемах и необходимости защиты. Отметим, что даже эти 4% дел в большинстве составили дела о заложниках (аманатах).

¹⁹¹ Савенкова Н. Указ. соч.

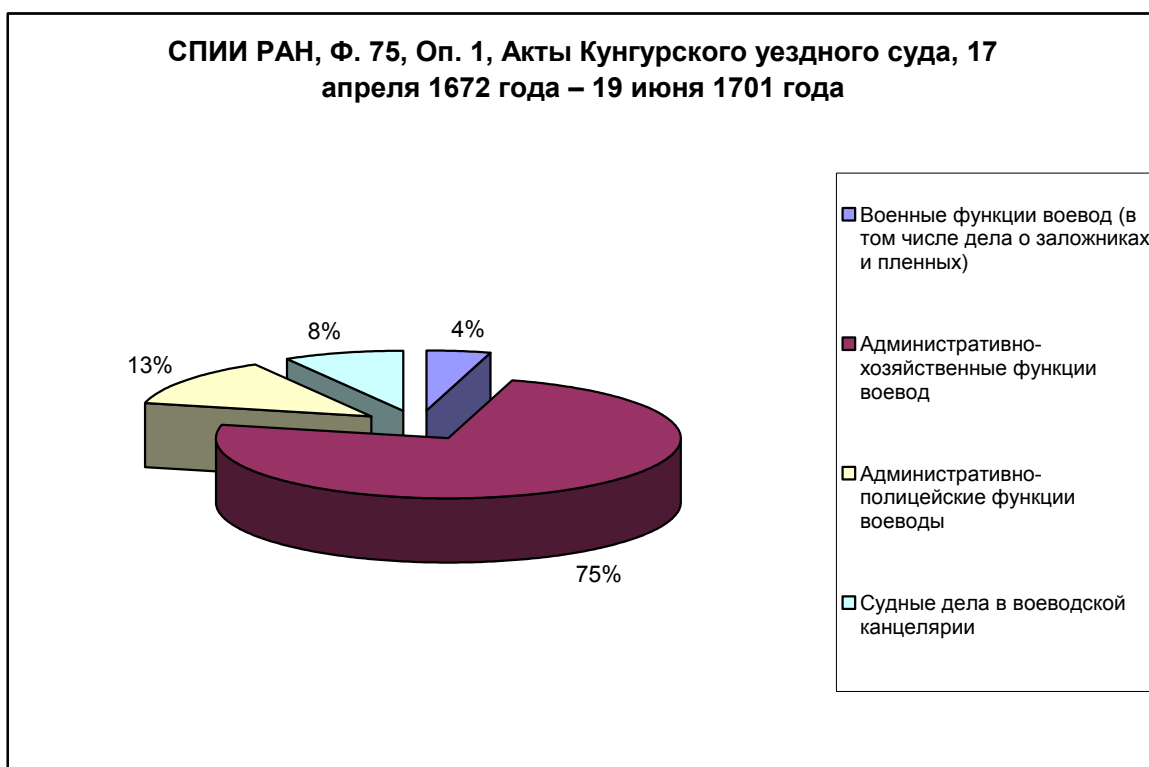

Рис. 2.2. Процентное соотношение дел Кунгурского уездного суда

Интересна статистика по Соликамскому и Чердынскому воеводству (которые, как рассматривалось выше, были в определенные исторические периоды объединены). Представляется логичным разделить дела в канцелярии за весь XVII в. на четыре хронологических периода по четверти века, чтобы составить примерное представление об изменениях функций воевод в течение столетия.

В свою очередь, первая четверть XVII в. разделена на два периода (4 февраля 1605 г. – 13 октября 1613 г. и 14 января 1614 г. – после 27 апреля 1625 г.) по объективной причине: в период Смуты акцент был сделан на военные функции воевод. Итак, проанализируем статистику дел, составив следующий график (см. приложение 3).

Рис. 2.3. Статистика дел в воеводской канцелярии Пермского Прикамья
(общее количество дел)

Статистика дает наглядное представление о преобладании тех или иных функций воевод в разные хронологические периоды. Мы видим, что военные функции воевод были актуальны в Пермском Прикамье только в период Смуты. Дальше их значение снижается до незначительного в общей массе дел количества.

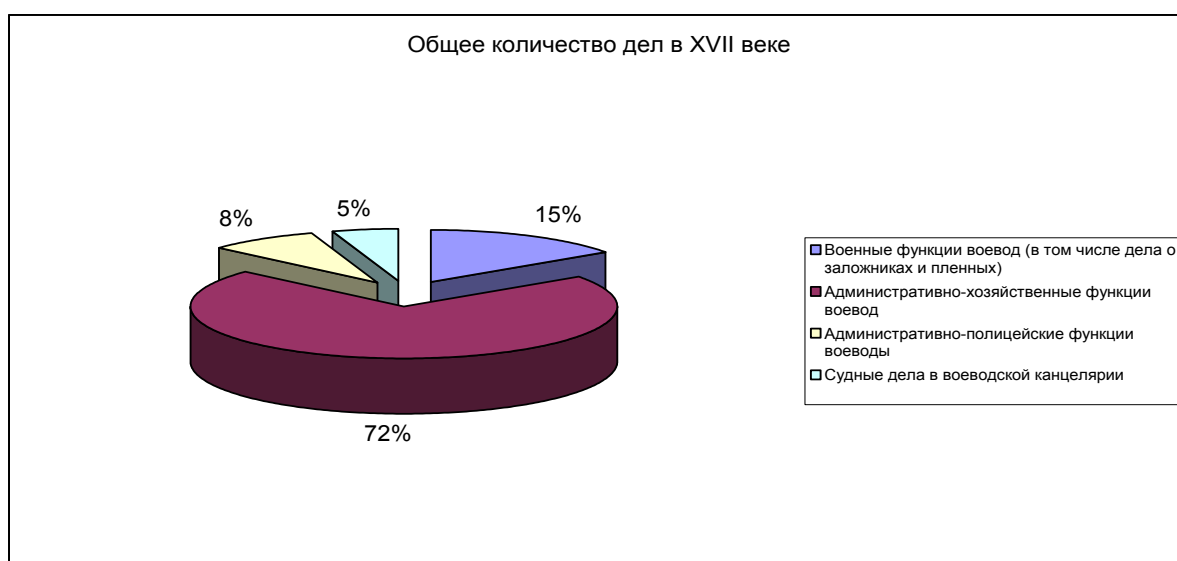

Рис. 2.4. Процентное соотношение дел в воеводской канцелярии Пермского Прикамья (с учетом военных функций до 1614 г.)

Следует отметить, что во все хронологические периоды преобладают административно-хозяйственные дела воевод, а судные и административно-полицейские функции воевод находятся на одном уровне. Рассмотрим общую статистику в процентном соотношении применительно к XVII столетию. Если исключить датировки до 1614 г. (выборка по военным функциям представляется нерелевантной до конца XVII столетия), то мы получим объективную картину функциональной системы работы воеводской канцелярии в XVII в.

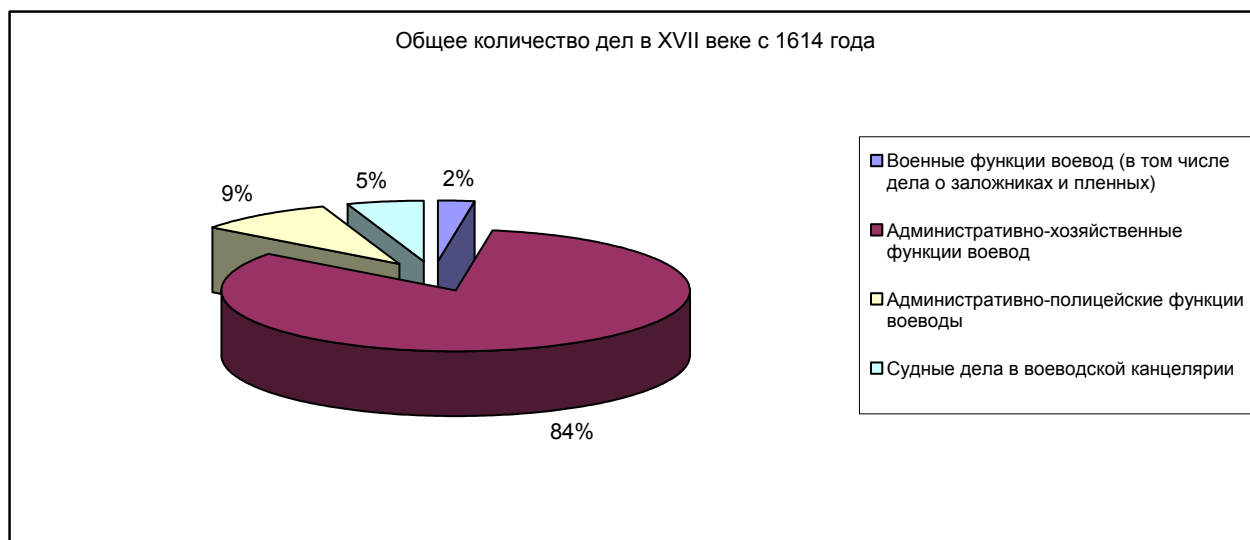

Рис. 2.5. Процентное соотношение дел в воеводской канцелярии Пермского Прикамья (без учета военных функций до 1614 г.)

Итак, преобладают административно-хозяйственные функции воеводской канцелярии (84%). На втором месте административно-полицейские функции (9%). Судные дела (5%) и военные функции воевод, по сравнению с административно-хозяйственными функциями воеводской канцелярии, незначительны в общей структуре дел воевод.

По мнению автора, в Пермском Прикамье основной «работой» воеводы было административно-хозяйственное обеспечение управления.

В разной степени подчинения у воеводы находился ряд должностных лиц: осадный голова (комендант крепости), засечные, острожные, стрелецкие, казачьи, пушкарские, объезжие, житничьи и ямские головы.

В начале XVIII в. воеводская власть уже не отвечала требованиям времени. Но в течение XVII в. воеводы исправно выполняли свои функции на местах,

обеспечивая жизнь населения в Пермском Прикамье. Особенно проявилось значение параллелизма функций воевод и «мира» в течение Смуты.

Воеводская власть доказала свою жизнеспособность именно в Смутное время: система воеводского управления успешно функционировала на местах, велась активная переписка для сбора войска.

Далее в данной главе автор рассматривает, какие из функций воевод в Пермском Прикамье были самыми значительными по объему, как менялось содержание функций воевод в Пермском Прикамье в течение XVII в.

Интерес также представляет региональная специфика функционирования воеводского управления. Насколько отличалась система функций воевод Пермского Прикамья от функций воевод Сибири и центральной России?

Автор исследует данные вопросы в следующих параграфах диссертационного исследования. Важное место в исследовании будет отведено деятельности воевод, которые играли главную роль в проведении правительственного курса на местах, а также проблемам управления территориями Соликамского, Кунгурского и Чердынского уездов.

2.2 Военные функции воевод

Среди историков «государственной» школы была распространена следующая точка зрения: воеводы оформились сначала как военные правители подчиненных территорий, для управления «инородными» племенами, где сбор податей не мог обойтись без военной руки¹⁹², и существовала необходимость контролировать только что подчиненные территории.

В пользу этой точки зрения говорит вроде бы и тот факт, что воевода – это военная должность, а воевода как администратор – примета как раз XVII–XVIII вв. Существуют и другие мнения на этот счет, в рамках уже современных исследований.

Малоизученными представляются на региональном уровне такие вопросы:

---

¹⁹² Вершинин Е.В. Указ. соч. С.5.

- характер военных функций воевод;
- эволюция военных функций воевод в XVII в.;
- особенности управления регионального воеводского аппарата и его взаимоотношений с «миром» в ходе выполнения военных функций.

Как уже отмечалось, прикамский историк А.А. Дмитриев также указывает на тот факт, что главной функцией воевод была военная¹⁹³. Не останавливаясь на аспектах формирования воеводского управления и изменения сущности термина «воевода», остановимся на такой функции воеводы, как военная. Каким бы ни было происхождение воеводского управления, военная функция четко прослеживается на протяжении всего XVII в., особенно в Смутное время.

В Пермском Прикамье ситуация не отличалась от описанной историками государственной школы применительно к Сибири и всему Российскому государству. Местная администрация в условиях противостояния врагам государства наделялась военной компетенцией.

Рассмотрим деятельность воеводской администрации в качестве защитников вверенных им территорий.

В понятие военные функции воевод в данной части включены не только непосредственно охрана уездов, но и сбор ратных людей и взаимоотношения с целью обороны с другими воеводскими канцеляриями. В дни Смуты, 16 июня 1609 г., была отправлена челобитная царю чердынских ратных казаков Спиридона Васильева с товарищами, находящимися на государевой службе в Ярославле, о замене их другими ратными людьми. Они жаловались, что «...стало ратным людишкам пить и есть нечего, сами задолжали и пообнищали... прикажи, государь, в Пермь Великую по ратных людей в наши места на перемену и прикажи, государь, своим приставам послать нашего ратного человека...»¹⁹⁴.

При освоении новых территорий на воевод возлагались организация строительства городов, а также их обустройство. Воевода должен был следить за

¹⁹³ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 351.

¹⁹⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 220, л. 1.

состоянием вверенных ему форпостов. Военные функции воеводы выполняли, исходя из действительной и потенциальной угрозы населению Пермского Прикамья.

Исторически первым врагом было коренное население Пермского Прикамья и более северных территорий. Вслед за торговцами за Урал двинулись военные экспедиции, снаряжаемые Новгородской республикой для сбора дани с местного населения. В летописях рассказывается о походах 1187, 1193, 1264, 1323, 1325, 1329, 1364 гг.

На протяжении XVI в. земли по верхней Каме, Печоре и Вычегде подвергались систематическим набегам мансийских князей из-за Урала. На этой территории русская колонизация встречала сопротивление местного населения. Центром и основной базой вражеских набегов было Пелымское княжество в Западной Сибири. Оно объединяло многочисленные племена манси. Возглавлялось Пелымское княжество родовой аристократией. Мансийские князья не только сопротивлялись проникновению русского населения в Сибирь, но и вместе с отрядами татар Сибирского ханства совершали грабительские набеги на Пермское Прикамье.

Н. Миненко пишет о том, что в XV в. «инициатива в продвижении за «Камень» переходит к Москве, сумевшей подчинить себе Великий Новгород. В 1465 г. московские ратники во главе с воеводой Василием Скрябой «Югорскую землю воевали и полону много вывели, и землю за великого князя привели»¹⁹⁵.

В конце XVI в. политический союз югорских князей ограничивался шестью югорскими городами¹⁹⁶ (Югра – устаревшее обобщающее название некоторых финно-угорских народов, живших на Севере России. В «Повести временных лет» (XII в.) «югрой» названы предки современных хантов и манси; позже название «югра» употреблялось в основном по отношению к хантам).

Прибирая к своим рукам северные «волости» Великого Новгорода, Иван III решил послать в Югру отряд ратных людей¹⁹⁷. В 1472 г. в Югру направился крупный отряд во главе с князем Федором Пестрым. В результате приуральские

¹⁹⁵ Миненко Н. Хождение за «Камень» [Электронный документ] // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=270&n=15. Проверено 16.04.2010.

¹⁹⁶ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 93.

¹⁹⁷ Ципоруха М.И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга.— М.: Вече, 2004. С. 12.

районы рек Колвы и верхнего течения Вишеры, населенные угорскими племенами, были окончательно включены в состав Московского государства. Таким образом, в руках московских властей оказались новые, более удобные пути за «Камень»¹⁹⁸.

Местные князья, тем не менее, продолжали вести себя независимо, и дань не платили. В 1499 г. против неверных «вассалов» направляется большое войско (более четырех тысяч человек), возглавляемое князьями С.Ф. Курбским и П.Ф. Ушатым и воеводой В.И. Гавриловым-Бражником. Ратники заняли 42 югорских укрепленных городка, взяли в плен 58 местных «князьков» и более тысячи «лучших людей». На этот раз не только югорская знать, но и рядовые остяки и вогулы в присутствии представителей Москвы принесли присягу правившему тогда на Руси Ивану III. Видимо, именно Курбским и его сподвижниками были возведены за Уралом первые русские крепости.

В 1555 г. в титуле Ивана IV появляется: «И всеа Сибирския земли повелитель». По мнению Н. Миненко, «Ивану IV выход виделся в мирном «завоевании» Сибири: строительство здесь русских крепостей, деревень, перевод сюда крестьян, заведение ими пашни и промыслов.

Именно поэтому в 1574 г. он дает Строгановым «открытый лист» на земли по Туре, Тоболу, Оби и Иртышу, которые считал своей «отчиной» (основываясь, в частности, на давних сюзеренных правах России и договоренностях с последними кашлыкскими «салтанами» – Едигером и Кучумом). Одновременно Строгановым поручалось обеспечить защиту тех «остяков и вогулич, и югрич», которые захотят «отстать» от Кучума и платить дань русскому царю.

В XVI в. набеги в район Прикамья были частыми. В них участвовали манси. В 1580 г. мансийский мурза Агтаев разорил русские поселения по берегам р. Чусовой, а в 1581 г. князек Кихек сжег Соликамск. Вотчины Строгановых сильно пострадали.

Однако реализация полученных от царя полномочий затягивалась, поэтому Строгановы решили проблему покорения территорий с помощью Ермака. Свой

---

¹⁹⁸ Каманин Л.Г. Сибирь и Дальний Восток // Сб. История открытия и исследования Советской Азии. М.: Мысль, 1969. С 248.

выбор пермские вотчинники остановили на казачьем отряде во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем»¹⁹⁹.

В 1592 г. чердынский воевода Никифор Васильевич Троханиотов покорил Пелымское княжество. Но не все «княжества» Югорской земли перешли в московское подданство. Часть предводителей югорских племенных объединений совершали набеги на селения коми и русских в Приуральском районе. Племена коми, в свою очередь, вторгались в Зауралье, разоряли селения мансийского «княжества»²⁰⁰.

Тем не менее, на протяжении первой половины XVI в. русское присутствие в Зауралье продолжало расширяться и укрепляться. Царь Иван IV в грамоте, датируемой примерно серединой 1550-х годов, называет «Юсерскую» (Югорскую) землю своей «вотчиной»²⁰¹. В результате походов войск «за камень» Югра была покорена. Но татары оставались противником и в начале XVII в.

Как пишет В.И. Сергеев, «разрыв ханом Кучумом даннических отношений с Россией в 1571 г., разгром ратных людей воеводы А. Лыченицына в 1572 г., участвовавшие нападения на Пермские земли и убийство Маметкулом русского посланника Чебукова в 1573 г.) – все эти факторы побудили московское правительство распространить на Западную Сибирь ту же систему утверждения центральной власти, которая сложилась в Предуралье. Эта система состояла в том, что огромные территории отдавались «на льготные годы» купцам-промышленникам, какими являлись, в частности, Строгановы»²⁰².

Итак, источники и исследования различных авторов позволяют отметить тот факт, что в конце XVI в. Пермское Прикамье было территорией раздора. В декабре 1581 г. в Чердынь прибыл новый воевода В.И. Пелепелицын, сменивший на этой должности князя И.М. Елецкого²⁰³.

Когда в 1582 г. Пермский край подвергся набегам (князь Пелымский с вогуличами, остяками, сибирскими татарами и башкирами напал на берега Камы,

¹⁹⁹ Миненко Н. Указ. соч.

²⁰⁰ Ципоруха М.И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга.— М.: Вече, 2004. С. 12.

²⁰¹ Миненко Н. Указ. соч.

²⁰² Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. №1. С.123-127.

²⁰³ Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581-1582 гг. / А. Т. Шашков // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 7. С. 35-50. Страница примерно 44.

выжег, истребил селения близ Чердыни, Усолья и новых строгановских крепостей), В.И. Пелепелицын попытался свалить вину на Строгановых, которые собирали казачьи отряды: «И то зделалось вашею изменою, вы вогулич и вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов, к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указа»²⁰⁴. Будучи не в состоянии справиться с набегом и его последствиями, воевода пытался оправдаться перед царем.

Иван IV писал к Строгановым, что они, как доносил ему чердынский наместник Василий Пелепелицын, «не умеют или не хотят оберегать границы; самовольно призвали опальных Козаков, известных злодеев, и послали их воевать Сибирь, раздражая тем и Князя Пелымского и Салтана Кучума; что такое дело есть измена, достойная казни. Сей гневный указ напугал Строгановых; но блестящий, неожиданный успех оправдал их дело, и гнев Иоаннов переменялся в милость»²⁰⁵.

За Уральским хребтом и после похода Ермака было беспокойно. Если коми-пермяки спокойно восприняли приход русских, то другие территориальные образования могли представлять угрозу для Русского государства.

Правительство предписало воеводе Василию Сукину прежде всего укрепиться в Тюмени на р. Туре, а затем отрядить Данила Чулкова к устьям Тобола, где он должен был построить новое укрепление вблизи города Сибири. «Прочно утвердившись в этих двух важнейших стратегических пунктах Сибири, русские легче могли удержать в своих руках завоевания Ермака путем постепенного построения новых русских укреплений на Туре, Тоболе, Иртыше и Оби»²⁰⁶.

Как отмечает А.А. Дмитриев, воеводы точно выполнили предписания правительства и 29 июля 1586 г. положили основание г. Тюмень, «вблизи старинного татарского города Чинги-Тура, заложили *первую в Сибири церковь* (курсив А.А. Дмитриева) Всемилоствиваго Спаса и стали собрать ясак с Татар, живших по рекам Туре, Тоболу, Исети и Пышме»²⁰⁷.

²⁰⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 342.

²⁰⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Под ред. А.М.Сахарова – М., Наука, 1989. Т. 9.

²⁰⁶ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 206.

²⁰⁷ Там же. С. 206.

Данная цитата из источника прекрасно характеризует комплексный характер воеводской власти и ее изменение в соответствии с обстоятельствами и окружающей обстановкой. После военного утверждения воеводы организовывали церковь. Таким образом, утвердившись на Туре, вторично после Ермака заставив всех татар признать русскую власть, воеводы могли уже «без прежнего риска, но с полной уверенностью в успехе, распространить русское владычество далее на восток»²⁰⁸.

Во второй половине XVII в. опасность приходит с юга.

После распада Золотой Орды территория современного Башкортостана входила в состав Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды.

В течение XVI в. башкиры постепенно были вынуждены пойти на соглашение с Москвой, после развала Сибирского ханства. «Разгромив Казань, Иван Грозный обращается к башкирскому народу с призывом добровольно прийти под его высочайшую руку. Башкиры откликнулись и на народных собраниях родов решили перейти под московский вассалитет на основе равноправного соглашения с царем»²⁰⁹.

Башкирам были обещаны их земли. В «Соборном Уложении» 1649 г., где у башкир под страхом конфискации имущества и государевой опалы запрещалось «...бояром, околичим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим и дворяном московским и из городов дворяном и детям боярским и всяких чинов русским людям поместным всяких земель не покупать и не менять и в заклад, и сдачею и в наем на многие годы не имать»²¹⁰.

Территория Башкортостана в XVI–XVII вв. в царских документах обозначалась как «Уфимский уезд», который делился на Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую дороги (даруги). Зауральские башкиры были в составе Сибирской дороги.

В XVII в. политика правительства вступила в противоречие с интересами башкир, связанными с их собственностью на землю. Вотчинники башкирских

---

²⁰⁸ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: типография наследников П.Ф. Каменского, 1884. С. 206.

²⁰⁹ Башкиры [Электронный документ] // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Башкиры>. Проверено 14.04.2010.

²¹⁰ Там же.

земель стремились сохранить за собой право на земли, а московские цари изымали их у владельцев и тут же развертывали строительство на них застав, острогов, слобод, христианских монастырей, линий обороны. Против этой политики башкиры восставали и организовывали набеги на южные земли Пермского Прикамья, особенно крупные отмечены в 1645, 1662–1664, 1681–1684, 1705–1725 гг.

Строительство Кунгура, который впоследствии стал центром уезда, на землях башкир, было встречено с негодованием.

Зимой 1647 г. было издано распоряжение Новгородского приказа, обязывающее соликамского съезжего провести сыск беглых крестьян и вывезти их в район реки Кунгурки (приток Ирени). На Кунгурку были привезены первые поселенцы – вотчинные крестьяне, а также выходцы из Кайгородского, Сольвычегодского, Соликамского, Чердынского и других уездов. Так в 1648 г. возник город Кунгур, в 1649 г., как уже упоминалось в первой главе, Кунгур стал центром нового уезда.

Башкиры, видя в русских угрозу, собирали войска и совершали набеги на русские поселения, сжигая и разрушая их. Набеги доставляли немало хлопот Московскому государству, которое всерьез было обеспокоено безопасностью своих восточных рубежей.

Весть об основании Кунгура дошла и до башкирских аулов, и в 1662 году состоялся курултай (собрание) на котором башкирские баи решили идти походом на Кунгур. Кунгур был разорен, и спустя несколько лет отстроен заново, уже более надежно.

Царские власти были вынуждены удовлетворить многие требования восставших. После башкирского восстания 1662–1664 гг. правительство еще раз официально подтвердило вотчинное право башкир на землю.

Теперь обратимся к характеристике основных видов военных функций воевод в Пермском Прикамье.

Первой функцией, которую можно отнести к военным, являлась задача сбора войска воеводой для отправки в центр.

Один из первых нормативно-правовых актов, характеризующих военную функцию воевод Пермского Прикамья, относится к 1606 г.

В царской грамоте, посланной в Пермь Великую, новый царь Василий Шуйский прощает местных жителей, сорвавших воинский набор. «...В Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подьячему Ивану Федорову...Мы ныне Пермскую землю пожаловали... как к вам ся наша грамота придет, и вы бы велели у себя быти старостам и целовальникам и посадским людям и волостным крестьянам, и сказали им наше жалованное слово, что, по нашему указу, велели есмь взяти на нашу службу, против наших изменников, со всей Пермской земли, сорок восемь человек, и они тех ратных собрав на нашу службу отпустили сполна, и ратные люди своровали, на нашу службу не пошли... и они были довелися нашей опалы, и мы, по своему царскому обычаю, их пожаловали, опалы своей класти на них не велели...»²¹¹.

Тем более что в условиях пошатнувшейся государственной власти нового царя наказывать будущее войско было бы крайне неразумно. Это хорошо понимали в Москве: «И они б [ратные люди – А.К.], помня Бога и души свои и крестное целованье, на чем нам великому Государю души свои дали и крест целовали, нам служили и прямили потому ж, а вором ни в чем не верили и на наше царское жалованье были надежны без всякого сумненья, а мы их пожалуем во всем, смотря по их службе»²¹².

Сбор и отправка ратных людей для несения службы – это одна из важнейших военных функций воеводы и его администрации. На протяжении 1608–1612 гг. – самых тяжелых лет Смутного времени, между Москвой, соседними уездами и Пермью Великой идет активная переписка о сборе и присылке ратных людей для защиты государства.

---

²¹¹ Царская грамота в Пермь Великую, о даровании прощения пермским ратным людям, самовольно оставившим ратную службу, и о заточении других мятежников в тюрьму, 9 декабря 1606 г., № 60 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.136,138.

²¹² Там же. С.138.

С жителями Пермского Прикамья общаются на предмет присылки ратных людей Василий Шуйский²¹³, представители соседних территорий – вычегодцы, нижегородцы, вятчане, устюжане²¹⁴, даже временные власти в центре²¹⁵.

В ноябре 1610 г. из Сольвычегодска воевода Петр Степанович Нащокин писал пермскому воеводе Ивану Ивановичу Чемоданову об отсутствии сведений, которыми они могли бы поделиться с пермяками, ввиду Смутного времени²¹⁶.

Воевода взаимодействовал не только с центральной властью. Например, в отписке 1609 г. Кайгородского судьи Терентия Деменьева и старосты Тимофея Клементьева с товарищами пермскому воеводе Федору Петровичу Акинфому и подьячему Науму Романову речь шла о присылке памяти относительно числа ратных людей с Кайгорода²¹⁷. В результате в памяти было упомянуто о наборе 20 ратных людей и высылке их вместе с соликамскими ратными людьми на помощь государю²¹⁸.

В особенно тяжелое время администрация продолжала исправно нести свои функции, подстраиваясь под условия Смутного времени. Интересна переписка между воеводами ближайших территорий – обмен сведениями об опасностях на дорогах, возможности безопасно провести государственные доходы.

В связи с этим рассмотрим серию документов 1609 г.

Пермскому воеводе и дьяку, Федору Петровичу и Науму Романовичу, а также старостам, целовальникам, земским людям уезда, «Иван Стрешнев и Устюжские

²¹³ Царская грамота в Пермь Великую, о сборе со всей Пермской земли 70 ратных людей и о присылке Пермской сборной казны, май 1607 г., №70 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.162; Царская грамота в Пермь Великую, о сборе ратных людей по прежним наказам и об отпуске их в Вологду, февраль 1609 г., №106 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.207-208.

²¹⁴ Отписка Вычегодцев к Пермичам, о сборе с Усольского уезда ратных людей на Государеву службу, о разорении Литовскими людьми Ярославских, Костромских и Галицких сел и деревень, о нерадении Пермичей к общему делу, с убеждением поспешить присылкою войска, 20 января 1609 г., №102 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.199-202; Отписка Пермичей к Нижегородцам, о готовности всей Пермской земли служить Государю, о неоднократной посылке на помощь ему ратных людей, февраль 1609 г., №105 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.206-207; Отписка из Перми Великой в Вятку, о сборе ратных людей для защиты Вятской земли от мятежников, 7 августа 1610 г., №163 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 278-279; Отписка Устюжан к Пермичам, о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев, 1612, №200 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.247-248.

²¹⁵ Отписка Пермичей к воеводам, стоявшим под Москвою, князю Дмитрию Трубецкому, Ивану Заруцкому и Прокопию Ляпунову о единодушном намерении Пермских посадских и земских людей сражаться за Христанскую веру против Поляков и Литовцев, 17 августа 1611 г., №191 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.240.

²¹⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 322, л. 1.

²¹⁷ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 26.

²¹⁸ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 27.

посадские и волостные всего Устюжского уезда земские судьи» писали о том, что устюжской дорогой посылать казну не следовало: «И вам бы, господине, тем ныне вскоре не поспешити, Государевы денежные казны... потому что наша Устюжская дорога всего до Вологды чиста, а далее ехать нельзя...»²¹⁹.

Более того, в разнообразной переписке подробно выясняются причины опасности дорог в Смутное время. Уже из другой соседней администрации в Пермь Великую приходят неутешительные вести: «...В Черемисе стоят воры, а хотят те воры, с Черемисою соединясь, воевать Государеву Цареву и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии отчину, итти на Вятку... И вам бы, Федор Петрович да Наум Романович, нас пожаловати, тех [чердынских и соликамских – А.К.] ратных людей к отпуску, Чердынских и Соли Камской целовальников, к их долям, к нам в Кайгородок прислати, чтоб нам до конца не погинути...»²²⁰.

В том же документе, помимо просьбы о военной помощи, кайгородцы напоминают о «долге» воевод перед ними. «Да в прошлом в 116 году, по Государевой Царевой и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии грамоте и по вашей памяти, Федор Петрович да Наум Романович, послали мы из Кайгородка, за даточные ратные люди... шестьдесят рублей денег, с целовальником Микулкой Клишевым; и вы, Федор Петрович да Наум Романович, у того целовальника у Микулки те денги шестьдесят рублей взяли, а ко Государю к Москве их не послали, и вам бы, Федор Петрович да Наум Романович, нас пожаловати, те денги шестьдесят рублей нам бедным людишкам отдать, для скорого отпуску ратных людей и для бедности и нужи, что вскоре собрати не измотчи; а как ратных людей на Государеву службу отпустим, и мы, в то место, денги соберем да к вам пошлем тотчас»²²¹.

Неизвестно, как отреагировали воеводы на такой прозрачный намек на их недобросовестность. Но нас интересует другой момент – в то время как в центральной части государства происходили трагические для Русского государства события, в окраинных уездах шла активная переписка с целью обороны вверенных

²¹⁹ Отписка Устюжан к Пермичам, об опасностях, предстоящих на пути в Москву, для провоза Царской казны, 25 января 1609 г., №141 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 162-163.

²²⁰ Отписка Кайгородцев Пермскому воеводе Акинфому, об угрожающей опасности Вятской земле от Черемисов, и о недостатке средств для вооружения ратных людей, и ответная память Кайгородскому земскому судье, 25 января 1609 г., №142 (I) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 163-164.

²²¹ Там же. С. 164.

воеводам территорий. Например, из Сольвычегодска в Смутное время пермскому воеводе Акинфому писали: «И вы бы, господине, также Государевым великим делом радели, ратных людей тотчас собирали и к Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Руси на помощь послали, как и иные города, с малой сошки по десяти человек... чтоб Государеву ратному делу мотчанья и порухи не было...»²²².

Вероятно, особого желания у пермских воевод остаться без войска не было, потому что через некоторое время [именно уже 26 января 1609 года, а призыв о помощи прозвучал 6 декабря 1608 года – А.К.] появляется другой документ. Пермичи должны были с вычегодцами «вместе заодин... против богоотступников и Государевых изменников, против Литовских людей и Русских воров» стоять и «тотчас собрати ратных людей с боевым оружием и послати Государю на помощь»²²³, но не сделали указанного, и заслужили упреки в нерадении.

В течение XVII в. существует практика присылки войска на помощь другим городам. В качестве примера рассмотрим «Царскую грамоту Пермскому воеводе князю Федору Борятинскому, о высылке на службу солдат для усмирения Башкирцев, появившихся на Закамской линии и в Уфимском уезде» от 25 мая 1682 г.²²⁴: «ты б [стольник и воевода князь Федор Юрьевич Борятинский – А.К.] Соли Камской и Чердынцев солдат 18 человек выслал в нашу Государеву службу, в Казань, в полк боярина нашего и воеводы Петра меньшого Васильевича Шереметева с товарищи, тотчас, безо всякого мотчания, со всею полною службою и с запасы»²²⁵.

Воеводе Кунгура Дмитрию Никитичу Наумову в грамоте от 13 мая 1677 г. было «велено московского выборного государева полка Шепелева начальных ...избранных и рядовых солдат ... и которые с вольных и даточных ... какова к тебе

²²² Отписка Пермскому воеводе Акинфому, из Сольвычегодска, о немедленном сборе ратных людей, на Государеву службу, по десяти человек с сохи, 6 декабря 1608 г., №109 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 139.

²²³ Отписка Вычегодцев к Устюжанам, о нерадении Пермичей и Устюжан в сборе ратных людей на Государеву службу, 26 января 1609 г., №143 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 165.

²²⁴ Царская грамота Пермскому воеводе князю Федору Борятинскому, о высылке на службу солдат для усмирения Башкирцев, появившихся на Закамской линии и в Уфимском уезде, 25 мая 1682 г., №85 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.134-135.

²²⁵ Там же. С.134.

послана нашего великого государя грамота и которые... сверху росписи»²²⁶. В грамоте требовалось собрать начальных людей и солдат полка генерала Шепелева и выслать в Курск к боярину и воеводе князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому.

Таким образом, Пермское Прикамье служило источником солдат для Российского государства на протяжении рассматриваемого хронологического периода. Воеводы были обязаны обеспечить сбор войска, проконтролировать его вооружение и отправить солдат. Место, где в настоящее время требовалось войско, оговаривалось в грамоте. Если в начале XVII в. это была центральная Россия, то с усилением политики колонизации и продвижения в Сибирь, войска посылались на разные территории. Во второй половине XVII в. войска требовались для усмирения восставших башкир.

Вышеприведенная переписка характеризует вторую функцию воевод – взаимодействие с другими территориями в составе Русского государства, а также дипломатические функции по обеспечению безопасности на территории Пермского Прикамья.

В качестве примера последних можно привести удержание заложников. В актах Кунгурского уездного суда сохранилась царская грамота воеводе Кунгура Ивану Силичу Поливкину о высылке половины башкирских аманатов в Уфу и отпуске прочих. Воеводе наказано «уфимских башкирцов, которые сидят на Кунгуре в аманатах половину отдать на Уфу в аманаты хто по них прислан будет с роспискою другую половину, и аманат с Кунгура свободил и о том на Уфу к воеводе отписал подлинно чтоб в том впредь спору не было»²²⁷. Таким образом, воевода должен был удерживать в заложниках башкир для обеспечения порядка и с целью поддержания мирных отношений с воинственными соседями.

Третьей важнейшей функцией была непосредственно оборонная.

Центр интересовала обороноспособность Пермского Прикамья, как пограничья между центральными уездами и Сибирью. Московские цари ставили

---

²²⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 977.

²²⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 6.

перед воеводами задачу удержать восточные границы государства, а для этого необходимо было поддерживать в соответствующем состоянии крепости городов.

Сразу же после Смутного времени появляются интересные документы – «Отписка царю дьяка Ивана Митусова, с описью военных снарядов, в Чердыни находящихся» от 10 февраля 1614 г.²²⁸ и «Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об осмотре и починке острогов в Чердыни и Соликамске» от 26 сентября 1614 г.²²⁹.

Москва интересовалась состоянием дел на местах в сфере военного управления. Дьяк Митусов подробно описывает, сколько в Перми Великой «в городе и по острогу на башнях, в нижних и в средних и в верхних бoех, и в городских и в острожных воротех, и по городской стене и по острогу и в казне наряд, пушки и пищали и затинные пищали, и сколько у которой пушки числом ядер каменных, и у пищалей и у затинных ядер железных и свинчатых... и колко в казне зелья и свинцу и серы, и лну и холстов и всяких пушечных запасов, и колко было в прежних годах по окладу числом в Перми розсылщиков и пушкарей и затинщиков и воротников и казенных и городских плотников и кузнецов... и что им по окладу порознь твоего Государева денежного и хлебного годового жалованья...»²³⁰.

Документ свидетельствует, что царь получил точные сведения о важнейшей крепости в г. Чердыни. Но отпиской дьяка Митусова центральное правительство не ограничилось. В приказе потребовали от самого воеводы Волкова осмотреть крепостные сооружения в Чердыни и Соликамске.

В «Царской грамоте Чердынскому воеводе Волкову, об осмотре и починке острогов в Чердыни и Соликамске» в Пермь Великую «Льву Ильичу Волкову да дьяку Ивану Митусову» указывалось, что «как к вам ся наша грамота придет, и вы бы тотчас в Перми, в Чердыни и у Соли Камския, у городов и острогов осмотрели, и которые будут места недоделаны или попотились, и вы б те места тотчас велели поделать и укрепить, посады и уезды ближними месты, а впредь тое поделку

²²⁸ Отписка царю дьяка Ивана Митусова, с описью военных снарядов, в Чердыни находящихся, 10 февраля 1614 г., №8 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.7-9.

²²⁹ Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об осмотре и починке острогов в Чердыни и Соликамске, 26 сентября 1614 г., №43 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.39.

²³⁰ Отписка царю дьяка Ивана Митусова, с описью военных снарядов, в Чердыни находящихся, 10 февраля 1614 г., №8 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.8.

розвели на все уезды, и осаду устроили всем накрепко; и жили бы есте с великим береженьем и про воров проведывали, чтобы к городу и острогу безвестно не пришли и дурна бы какого не учинили»²³¹. Естественно, что после событий Смутного времени Михаил Романов опасался за свою только что приобретенную власть.

Воеводы зачастую сами тоже демонстрировали желание укрепить вверенные им города, поскольку опасность набега оставалась на протяжении XVII в. Например, в 1678 г. пермский воевода Дмитрий Наумов отправил отписку о необходимости постройки нового порохового погреба в Чердыни²³².

В XVII в., помимо упомянутых событий, происходивших не на территории Пермского Прикамья, но косвенно затронувшего его, были и другие ситуации, в которых военная функция воеводы должна была реализовываться в полной мере. Речь идет о набегах нерусских народов, совсем недавно приведенных под ясак.

Известно, что на протяжении XVII в. происходили постоянные набеги «иноземцев», поэтому понятна забота центра и воевод об укреплениях.

В «Царской грамоте Чердынскому воеводе Дмитрию Наумову, о мерах осторожности от набегов Башкирцев и Татар на Кунгур и Сибирские слободы» от 11 марта 1678 г.²³³ воеводу оповещали о грозящей опасности: «В нынешнем в 187 году февраля в 25 день, писали к нам к Великому Государю, из Сибири, с Верхотурья, столник наш и воевода Родион Павлов да дьяк наш Дмитрий Афанасьев: в нынешнем де во 187 году февраля в 10 день, извещал им, на Верхотурье, в приказной избе, Верхотурского уезду Аятской слободы приказщик Фролко Арапов»²³⁴.

По словам Фрола Арапова, 15 декабря 1677 г. он был в Кунгурском уезде в деревне Арие у татар, к которым приезжали башкиры и «говорили меж собою, будут де они на лето приходить воевать Кунгур и Сибирские слободы, весною, когда снег сойдет; а ему Фролку они Башкирцы говорили, чтоб он Фролко из Аятской слободы

²³¹ Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об осмотре и починке острогов в Чердыни и Соликамске, 26 сентября 1614 г., №43 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.39.

²³² СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 63.

²³³ Царская грамота Чердынскому воеводе Димитрию Наумову, о мерах осторожности от набегов Башкирцев и Татар на Кунгур и Сибирские слободы, 11 марта 1678 г., №40 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.63.

²³⁴ Там же. С.63.

выехал, потому что он им свой, татарской и башкирской язык знает...»²³⁵. В результате воеводу в грамоте предупредили. «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Перми Великой, в Чердыни и у Соли Камской, посадским и уездным всяких чинов людем велел быть от Башкирцов и от Татар в великом остерегательстве»²³⁶.

Впрочем, воеводы, оценив опасность, могли снять караулы. После 4 июня 1679 г. воевода Дмитрий Наумов в отписке сообщал о снятии караулов, расставленных по рекам и погостам в Чердынском уезде на случай нападения башкир, татар и манси, поскольку опасность, на его взгляд, миновала²³⁷.

Важную роль в деле обеспечения сохранности уже присоединенных территорий играла хорошая обороноспособность. К четвертой разновидности военной функции воевод можно отнести заботу правительства о сохранности городских укреплений²³⁸. Постоянные набеги заставляли вовремя восстанавливать городские стены.

В конце XVII в. состояние городских укреплений не улучшилось.

11 августа 1680 г. пермский воевода Семен Тимофеевич Кондырев отправил отписку о плохом состоянии укреплений Чердыни, о непригодности местного пороха и оружия, оценивая опасность нападения врагов.

Видимо, укрепление Чердыни так и не состоялось, поскольку в росписном списке 1684 г. города Чердыни подробно описано плачевное состояние укреплений и арсенала. «По грамоте из Новгородского приказу за приписью дьяка Прокофья Возницына стольник и воевода Назарей Петрович Мелницкой принял у стольника и воеводы у князя Федора ... Борятинского в Перми Великой в Чердыни город и городские ключи, а тот город изтари обвалился и на городе наряд и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы и около половины посаду вместо острогу рублено стеною, а поверху забрано вспять, а на той стене 4 башни, да в посаде же приказную избу и в той же избе список с писцовые книги и приходные и расходные книги и посчетной росписи зборные денги и Великих государей грамоты и всякия дела, а на

²³⁵ Царская грамота Чердынскому воеводе Димитрию Наумову, о мерах осторожности от набегов Башкирцев и Татар на Кунгур и Сибирские слободы, 11 марта 1678 г., №40 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.63.

²³⁶ Там же. С.63.

²³⁷ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 65.

²³⁸ Царская грамота Кунгурскому воеводе Димитрию Жукову, об исправлении городских укреплений, 30 января 1680 г., №56 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.85-86.

город наряду пушка медная по осмь пяди пушка медная шти пядей же и пушка медая пяти пядей. А к тем пушкам по счету четыреста семьдесят ядер железных 142 ядра железных весом по две гривени ядро пищалей у них нет 282 ядра железных весом по 4 гривени и в пол четверть и по три гривелки ядро пищалей у них нет 8 пищалей затинных да пищаль затинная порожняя пищаль затинная рваная перервало ее исполу ядер к тем пищалям болшие и мелкие... пять самопалов да пистолей... приходные и расходные всяким Великих государей денежных доходов... книги таможенные и питейные...»²³⁹.

С таким арсеналом сложно было бы отразить нападение хорошо вооруженного противника. Надо сказать, что причиной плачевного состояния вооружения города была не столько беззаботность воевод Чердыни и нежелание следить за вверенными населенными пунктами, а тот факт, что центр постепенно смешался на юг Пермского Прикамья. Военная угроза от башкир также исходила с юга. Укреплению города Кунгура уделяется значительно больше внимания.

2 января 1690 г. в царской грамота на Кунгур стольнику и воеводе Ивану Никифоровичу Кологривову предписывается сдать назначенному с 19 апреля на Кунгур воеводе стольнику Дмитрию Ефремовичу Бахметеву города и острога, припасы, приходно-расходные, писцовые, дозорные, переписные и строенные книги: «И как к тебя ся наша грамота придет, а стольник наш Дмитрий Бахметев на Кунгур приедет, и ты б ему на Кунгуре город и острог и городовые и острожные ключи и городской наряд, и в казне зелье и свинец и всякие пушечные припасы...»²⁴⁰.

В Чердыни и Соликамске во второй половине XVII в., как мы увидим из анализа документов, сосредотачиваются хозяйственные функции. Оборонительные функции воевод уходят на второй план.

Подведем итоги, сделав следующие выводы:

Военная функция прикамских воевод изменялась в зависимости от времени и территориального образования. В конце XVI в. был велик риск набегов, поэтому

²³⁹ РГАДА, Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. Д. 7. С. 2–10об.

²⁴⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 133, л. 1.

воеводы выступали защитниками уездов (это же касается второй половине XVII в. в Кунгурском уезде). В течение XVII в. воеводы выполняют разнообразные военные функции, в частности:

- сбор и отправка ратных людей для несения службы;
- охрана территорий и защита местного населения;
- организация походов;
- осмотр и починка острогов;
- поддержание сохранности укреплений;
- взаимодействие с другими территориями в составе Русского государства;
- некоторые дипломатические функции.

В конце XVI в. сохранялась угроза городам Чердыни, Соликамску и Строгановским городкам. Неоднократно на них организовывали набеги манси (вогулы) и татары. Поэтому воеводы выступали защитниками уездов. Во второй половине XVII в. возникла угроза Кунгуру и Кунгурскому уезду.

В течение XVII в. воеводы осуществляли сбор и отставку ратных людей для несения военной службы, охрану территорий и защиту местного населения, организовывали военные походы, принимали меры по поддержанию оборонительных сооружений. Для обеспечения этого пермские воеводы взаимодействовали с администрацией других территорий в составе Русского государства, порой устанавливали дипломатические сношения.

Воеводская власть доказала свою жизнеспособность именно в Смутное время: система воеводского управления успешно функционировала на местах, собирались военные силы для поддержки Русского государства.

Военная функция воеводы была, если не на первом месте в Пермском Прикамье, то в любом случае отнюдь не декоративной из-за специфики местности. В Смутное время понятно стремление властей набрать ратных людей для защиты власти, впоследствии, с расширением Русского государства на восток и с увеличением не всегда дружелюбного ясачного населения, приходилось охранять города и усмирять восставших «иноземцев».

2.3 Административно-хозяйственные функции воевод

Обозначим, что в главе подразумевается под административно-хозяйственными функциями воеводы. Сюда включается общее управление подвластными воеводе территориями, за исключением суда и военного управления, сбор налогов и финансовая отчетность воеводы перед центром. Также в этой части работы отдельно рассматривается управление местным нерусским населением, потому что сбор ясака происходил по другим принципам, нежели налоговое обложение податного русского населения.

Известно, что первые русские поселенцы начали проникать в Пермское Прикамье именно за пушниной. Эта статья государева дохода оставалась важной для государства и в XVII в.

Новый воевода обязан был пересмотреть наличную соболиную казну, хранившуюся в приказной избе; собрать «князцов и улусных людей» и сказать им «милостивое слово» с обещанием не чинить ясачному населению никаких притеснений и действовать в строгом соответствии с законом. Отпуская «князцов и ясашных людей», воевода должен был «о ясаке и поминках им приказывать накрепко, чтоб они приносили к нему... и платили великого государя ясак и поминки против иных сибирских ясачных людей, соболи добрые по окладу сполна»²⁴¹. Воевода приводил в русское подданство и облагал данью те племена и народности, которые еще оставались непокоренными. Собранную «мягкую рухлядь» воеводы отправляли в Москву.

Воеводы должны были переписывать ясачных людей. Инициатива в деле приведения новых податных ясачных отмечалась: «Царя и великого князя всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца на Кунгур воеводе нашему Семену Ивановичу Толстово в нынешнем ... году писал ты к нам великому государю, что в Кунгурском уезде сылвенских... татар ты переписывал... по твоей переписке... татарскими сказками... семнадцать сороков... а преж сего они татарову... платили по шестнадцать сороков по двенадцати ... по твоей Семенова переписке прибыло в

---

²⁴¹ Цит. по: Ананьев Д.А. Указ. соч. С.80.

оклад...»²⁴² (Грамота об ясаке с Иренских и Сылвенских Татар, Остяков и прочих от 14 марта 1648 г).

Не поощрялось нанесение ущерба «государеву делу» из-за «воровства» воевод. В связи с этим можно рассмотреть оригинальный документ «О присылке ясачных соболей с пупками и хвостами» от 19 сентября 1639 г.²⁴³

Чердынскому воеводе Дорофею Емельяновичу Остафьеву в грамоте высказывалось недовольство по поводу того, что были взяты по окладу «четыре сорока семь соболей, а в прошлых годах те соболи присланы к нам к Москве без пупков и хвостов»²⁴⁴. Оказалось, что соболи поставлялись с браком не без участия прежних воевод. Новый воевода должен был «на нынешний год и вперед ... ясак четыре сорока семь соболей по укладу избирать сполна с пупками и с хвостами и присылать... к Москве»²⁴⁵. Центр явно выражает недовольство тем, что воеводы забирают себе лучшие меха, а казне «учиняется поруха».

Дань с татар в Кунгурском уезде собиралась по территориальному принципу: например, в грамоте Федора Алексеевича воеводе Семену Ивановичу Толстово требовалось в Кунгурском уезде «Сылвенских, Иренских, Шахвинских, Бабинских татар... собрать» ясак и недоимки, и «... доправя... и денги послать к нам великого государя к Москве»²⁴⁶.

Тому же воеводе было предприсано «с Кунгура и Степанова городища с прошлого году на нынешней... год данные поброчные и полонянные и убрусные и венешные денги и сметной список ... году выслал денги с целовальником и сметной список с подьячим с татар кунишной ясак по оброчные денги»²⁴⁷.

Категорически не поощрялись обиды ясачному населению, требование «поминок и посулов». Деятельность нерадивых сотрудников воеводского аппарата ярко иллюстрирует следующий документ. Интересен и факт обращения ясачного населения с челобитными к власти. «...Сбирали с них [татар – А.К.] ясак из Перми и

²⁴² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее СПИИРАН). Ф.75, оп.1, д.47. Л. 9.

²⁴³ Архив СПИИРАН. Ф.122, оп.1, д. 691. Л. 1.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 47. Л. 9.

²⁴⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 55. с. 10; см. также: СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 55. Л. 10.

от Соли Камской ясачные целовальники, и отвозили тог ясак в Пермь и к Соли Камской ясачные целовальники, и при де Борисе отписали их Сылвинских и Иренских ясачных Татар в Верхотурье, и тот де ясак платили они на Верхотурье, и Верхотурские де служилые люди имали с них посулы и поминки великие, и кормы на них правили, и всякое насильство чинили»²⁴⁸. Такое положение дел татар не устроило, поэтому они попросили дать им возможность платить ясак в Соликамске, потому что «усольские де целовальники судили их вправду, посулов и поминок себе не имали и убытков им не чинили, и как де в Перми почали быть воеводы, и к ним де на Сылву и на Ирень учали присылать для того ясаку Чердынских целовальников, и те де целовальники судят их не по правде и емлют с них посулы и поминки великие, и подводы лишние, и ясак наш емлют с них своим насильством, не по правде, и прежних Государей и наших жалованных грамот не слушают...»²⁴⁹.

Власти заботились о том, чтобы местному нерусскому населению было удобнее привносить в казну ясак, и наказывали нечестных администраторов. «... Сылвенским и Иренским ясачным Татаром велели наш ясак платить по прежнему, в Чердыни...»²⁵⁰. Подобные документы существовали для нужд других поставщиков ясака – вогулов или манси²⁵¹.

«...Платят де они [манси – А.К.] ясак на Верхотурье, человека по пяти соболей, а для того ясаку посылают к ним с Верхотурья ...и те Верхотурцы емлют с них ...сверх того по два соболя с человека... да с них же де ясачники емлют кормы и посулы великие, и жен их и детей емлют на постели, да у них же емлют с Вишеры, от их юртов до Верхотурья, с лыжами и нартами провожатых, а иногда за подводы емлют у них денги и соболи...и от того де ясашные Вогуличи многие разбрелись розно...а иные померли...а сколько человек и по чему с человека ясака нашего в прошлом в 114 году взято, и тому послана к вам с Верхотурских ясашных книг роспись... и как к вам ся наша грамота придет и вы б велели, по той росписи, с них

²⁴⁸ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о дозволении Сылвенским и Иренским Татарам платить ясак в Чердыни, 27 октября 1623 г., №125 // Акты исторические. (1613-1645). СПб., 1841. Т.3. С.195.

²⁴⁹ Там же. С.195-196.

²⁵⁰ Там же. С. 196.

²⁵¹ Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о дозволении Вишерским Вогуличам вносить ясак в Пермь, с предоставлением им права на торговлю, 27 февраля 1607 г., №76 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.101-103.

ясак имати в Пермь Великую, с человека по пяти соболей... А которые будут Вогуличи, придут с ясаком для нашего Царского имени, и принесут что вам поминков, и вы бы тем поминки присылали к нам, к Москве...»²⁵².

Здесь видно стремление центра обеспечить, во-первых, нормальное поступление ясака в казну, во-вторых, хорошее обращение с местным нерусским населением, в-третьих, стремление власти присваивать себе «поминки», т.е. подарки. Во многих грамотах упоминается запрет на присвоение воеводой себе «поминок», которые необходимо было отсылать в государеву казну. Обещанная роспись ясачным людям не заставила себя долго ждать²⁵³.

Отдельной строкой прописывались возможности торговли для местного нерусского населения. «...А которые будет Вишерские ясашные Вогуличи учнут приезжая в Пермь торговати, и вы б торговати им позволили всякими товары, опрочь заповедного товару, и нашу пошлину с тех товаров имали с них по тому ж, как и с иных торговых людей нашу пошлину емлют»²⁵⁴. После пошлिन с товаров должны были фиксироваться в книги и высылаться в Казанский приказ вместе с ясачной казной.

Здесь прослеживается опасение правительства набегов вогулов, которые и на протяжении XVII в. вели себя беспокойно. Поэтому фигурирует четкий запрет продажи вооружения. «А того бы есте велели смотреть и беречи накрепко и заказ учинили крепкой, чтоб Пермичи торговые люди Вишерским Вогуличам заповедных товаров, пансырев, и шеломов, и сабел, и коней, и пищалей, и топоров, и всякого железо, не продавали и в юрты к ним торговати не ходили, а торговали б в Перми, чтоб нашей пошлине в том истери не было...»²⁵⁵.

Часто из местного нерусского населения выбирались помощники администрации, обязанности которых оговаривал центр. В качестве примера можно

²⁵² Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о дозволении Вишерским Вогуличам вносить ясак в Перми, с предоставлением им права на торговлю, 27 февраля 1607 г., №76 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.101-102.

²⁵³ Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о сборе с Вишерских Вогуличей ясака по окладу и роспись ясачным людям, 25 июня 1607 г., №82 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 111-112.

²⁵⁴ Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о дозволении Вишерским Вогуличам вносить ясак в Перми, с предоставлением им права на торговлю, 27 февраля 1607 г., №76 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 101.

²⁵⁵ Там же. С. 102.

привести «Память Верхотурского уезду, Чюсовской волости Вогуличам, сотнику Арыкайку Кувалдышеву да рядовым Вагуличам...». «...В прошлых годех, по указу Великих Государей, собирал на Чюсовской заставе их Государеву десятую пошлину Верхотурской пушкарь Гришка Костентинов с ним Арыкайка с товарищи с мягкой рухляди и с Русских людей со всякой продажи – со всяких товаров, и платил он Гришка с того пошлинного сбора в их Великих Государей казну по штинадцати рублев на год; и в прошлом во 167 году Великих Государей десятую пошлину собирал с Руских и с ясачных людей и платить в их Великих Государей казну ежегод, сняли с него они Арыкайко с товарищи на собя»²⁵⁶.

В результате таможенный пошлинный сбор в Верхотурском уезде на Чусовой был отдан в откуп сотнику Арыкайку Кувалдышеву «с товарищи». Они должны были собирать с приезжих торговых людей, которые приезжали в ясачную волость пошлину с рубля по гривне, «а с Верхотурских со всяких людей с рубля по десяти денег, а с лошадиной и со всякой скотинной мены пошерстного с иногородных по два алтына, а с Верхотурских со всяких людей по алтыну с животины»²⁵⁷.

Впрочем, оказавшись у управления и сбора ясака, вогулы также должны были подчиняться тем же правилам, что и русские. «...А будучи им у таможенного пошлинного сбора, Руским и ясачным людем обиды и насилства никакого не чинить, и лишних пошлин для своей бездельной корысти не имать; а откупу им Арыкайку с товарищи с тое пошлыны платить в их Великих Государей казну на Верхотурье в Съезжей избе против прежнего, по штинадцати рублев на год. А будет они Арыкайко с товарищи, будучи у таможенного откупу, учнут Руским и ясачным людем обиду и насильства чинить, и лишние пошлыны имать, или учнут торговых людей в ясачную волость до Государева ясаку с товары пущать и им Арыкайку с товарищи за то ... в великой опале и в жестоком наказанье, безо всякой пощады»²⁵⁸. То есть наказывались выборные вогулы, как и русские.

В воеводские обязанности в Пермском Прикамье входило приведение к вере местного нерусского населения. В Сибирских городах, по мнению исследователей,

²⁵⁶ Воеводская наказная память Чусовским выборным вогуличам о таможенном пошлинном сборе, 9 февраля 1660 г., №142 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). СПб., 1842. С.287.

²⁵⁷ Там же. С.287-288.

²⁵⁸ Там же. С.288.

христианизация коренного населения не поощрялась. Особенностью деятельности воевод Пермского Прикамья стало их участие в массовой христианизации коми-пермяков и других коренных народов.

В Пермском Прикамье воеводы отчитывались перед центром за приведенных к вере коми-пермяков. Такой вид документов, как крестоприводные книги, показывает нам ситуацию с крещением «иноземцев». «По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа... столник воевода князь Феодор Юрьевич Борятинской у Соликамской в соборной церкви Пыскорского монастыря при архимандрите Пафнотие да Соликамской Вознесенского монастыря при игумене Ермиле да Соборной церкви при протопопе Зотине и при попах привел к вере... Соликамском приказных и посадских и уездных всяких чинов жилецких людей... А в усольском уезде ... людей в Строгановы вотчины посылал от себя приводить к вере...»²⁵⁹.

Это связано было с тем, что население жило не только охотой, но и хлебопашеством и скотоводством, что приравнивало местных жителей к русским, выращивающим хлеб для поставок в Сибирь.

Одной их важнейших функций воевод Пермского Прикамья было наблюдение за состоянием перевозок – именно через Пермское Прикамье шел путь в Сибирь. Поэтому 11 июля 1606 г. поступило указание из центра о создании Соликамского яма²⁶⁰. «...Велели... устроить ямы, Пермью да Вяткою да Каргополем, с сох, или из Пермских денежных доходов. И мы указали в Перми устроить ныне у Соли Камския ям; а охотников на яму учинити семьдесят человек, и выбрать на тот ям охотников городы, Пермью да Вяткою с пригороды; а для гоньбы держати ямщиком по две лошади человеку, а подмога ямщиком дати Пермичам и Вятчаном на лошади и для дворового строения меж себя по уговору; а как те охотники на яме устроятся и им давати прогонныя денги, по нашему указу, собирая по годом с тех же городов... По нашему указу, выбрали к Соли Камской на ям в охотники двадцать четыре человека, и у Соли у Камской ям устроили, охотником с Перми и с Вятки семьдесят человек,

²⁵⁹ РГАДА. Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. 2. Д.120 (1). Л.3.

²⁶⁰ Царская грамота в Пермь Великую, об устройении Соликамского яма, 11 июля 1606 г., №54 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.123-124.

чтоб Пермичам посадским людем и волостным крестьяном в отпусках как бы было перед прежним легче... И вы б по них взяли в ямской гонбе крепкия поруки с записями, кому мочно верити, и велели им на тех ямех дворы ставить и ямскую гонбу гоняти...»²⁶¹.

Воеводская администрация должна была не только следить за состоянием управляемых городов, но и устраивать новые. В качестве примера приведем устройство Кунгура.

Для скорейшего подавления беспорядков на Сылве, правительство и взяло в свои руки колонизацию этого края. После воеводы Елизарова (1647–1648 гг.) его преемнику по воеводству в Перми Великой, князю Петру Прозоровскому, опять повелено было из Новгородского Приказа составить новые, как бы поверочные и дополнительные, «селидебная» книги по Кунгуру и его уезду.

Подобно Елизарову, князь Прозоровский поручил составить книги чердынской съезжей избы подьячему Гаврилу Евдокимову, который «пересмотрел и переписал людей» на Кунгур и в уезде его «сверх сыску и селитьбы Прокофья Елизарова»²⁶². Начав с Кунгура, Евдокимов сделал подворную перепись и по всем деревням и починкам в уезде этого города, исключая села Кишерти и двух пустыней.

В 1651 году воеводе Семену Тимофеевичу Кондыреву дан был наказ из Новгородской Чети «сыскать за вотченниками сверх Прокопия Елизарова и князь Петровых Прозоровского селебных книг прихожих крестьян... и поручныя записи в житье и в государеве тягле взять»²⁶³. Согласно этому наказу, воевода Кондырев вновь отыскал на Кунгур и в его уезд 174 семьи, а «людей в них 428 человек», которые за вотчинниками не жили. При содействии двух выборных кунгурских крестьян, Андрея Иванова Шастина и Григория Ларионова Ослякова, Кондырев обложил новых пришельцев государевым тяглом, дав им льготы на 4 года, с 1 сентября 1651 г. до 1 сентября 1655 г., и поселил их не только на Кунгуре и

²⁶¹ Царская грамота в Пермь Великую, об устройении Соликамского яма, 11 июля 1606 г., №54 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.123-124.

²⁶² Дмитриев А.А. Начало Кунгурского уезда // Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900. С.130.

²⁶³ Там же. С.130-131.

Степанове Городище, но и в разных деревнях; затем «против прежних селебных кунгурских книг и дач» воевода Кондырев дал им земли под дворы, огороды и пашни²⁶⁴.

Помимо постройки городов, ямов и укреплений, надо было возводить церкви и мосты. В связи с промежуточным положением Пермского Прикамья между центром и Сибирью, как уже упоминалось, правительство придавало большое значение постройке коммуникаций.

«...Князю Семену Юрьевичу Вяземскому. Писал еси к нам, что во 115 году об Ильины дни и после Ильина были у вас дожди многие и воды с дождей были великия, и по Сибирской дороге от Соли Камской до Верхотурья которая реки и речки были мощены, и по иным дорогам, и те де мосты с тех рек и с речек поносило водою; а преже до того те мосты мащивали Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы, и все посадские люди и волостные крестьяне всею Пермскою землею; и ныне тех мостов по тем рекам и речкам Пермичи, Чердынцы и Усолцы и Кайгородцы, не мостят, а отказывают, что де и по нашему указу устроены у них ямщики, они де и теми дорогами гоняют и они де и мосты мостят; а как наша казна из Сибири пойдет к Москве, и против наша казны посланы были преже сего дороги бродити и мосты мостили те ж Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы, а ныне де и они в том во всем указывают на ямщиков; и нам бы тебе о том велети указ свой учинити. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы велел мосты помостить по Сибирской дороге в нужных местех, где без мостов проехать нельзя, Чердынцом и Усолцом и Кайгородцом, посадским и волостным всяким людем, как мосты мостили преже сего; а ямщики нигде мостов не мостят...»²⁶⁵.

Церкви, как неперменный атрибут всех русских поселений и источник распространения христианства среди местного нерусского населения, являлись предметом особой заботы власти. В царской грамоте Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову-Мосальскому от 17 ноября 1627 г. детально описывается

---

²⁶⁴ Дмитриев А.А. Указ. соч. С.132.

²⁶⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о постройке мостов по Сибирской дороге посадскими и волостными людьми, 18 октября 1607 г., №80 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.172-173.

обустройство церкви Николая Чудотворца в Ныробском погосте, создание образов и написания пролога, пожалование причету руги и обеление в пользу его деревни²⁶⁶.

Даже назначение строителей не обходилось без участия центра. При возведении церквей (власть уделяла внимание распространению христианской веры) Москва назначала строителем священнослужителя²⁶⁷.

В конце века, с началом Петровских преобразований, к многочисленным административно-хозяйственным функциям воевод добавляется еще одна – содействие в поиске медной руды²⁶⁸. «...На Кунгур, столнику нашему и воеводе Ивану Михайловичу Коробьину. В нынешнем в 207 году Августа в 2 день, в нашем Великого Государя указе, из Приказу Казанского Дворца, в Новгородской Приказ писано: в нынешнем в 207 году ... писал к нам Великому Государю, из Казани, столник и воевода Никита Кудрявцев: в нынешнем де в 207 году апреля в 22 день писал к ним, в Казань, рудокопной мастер подполковник Лаврентей Нейтор: в Кунгурском де уезде, меж Асинския слободы и Кунгура, по речке Бым, в вершине, в черном лесу, в горе, где указал того ж Кунгурского уезду села Степанова крестьянин Федка Попков, обыскал де он вновь медные руды назначную землю, и в том месте накопал тое назначная земли малое число, потому что стало в черном лесу, и гора не обтаяла, и снега великие, из тое де назначные земли учинил он опыт, и вышло из полпуда медные руды меди пуд; и ты де подвод ему и работников, не дал и наняться не велел... Ты б [воевода – А.К.] Кунгурским работным людям велел, к тому делу, наниматься поволною ценою невозбранно»²⁶⁹.

В связи с расширением территории и увеличением численности населения усиливается внимание к заключенным.

К 1664 г. Кунгур был отстроен на новом месте. При строительстве города большое внимание уделялось обороноспособности. Поэтому местом для нового

²⁶⁶ Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написания пролога, о пожаловании причету руги и обелении в пользу его деревни, 17 ноября 1627 г., №149 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.241-244.

²⁶⁷ Царская грамота в Пермь Великую, о назначении строителем Пермского Вознесенского монастыря черного попа Иосифа, 17 сентября 1606 г., №56 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.125-126; Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о назначении, по челобитной вкладчиков, нового строителя в Чердынский Богословский монастырь, март 1630 г., №162 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.289-290.

²⁶⁸ Царская грамота Кунгурскому воеводе Ивану Коробьину, об оказании содействия подполковнику Лаврентию Нейтору в прииске медной руды, 4 августа 1699 г., №289 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С. 532.

²⁶⁹ Там же.

Кунгура выбрали высокий каменистый мыс недалеко от слияния рек Сылвы и Ирени. Возвышенность господствовала над равниной. С юга и юго-запада около самой горы протекала Ирень, с севера – Сылва. Высокий и крутой подъем представлял естественную защиту при нападении. С 1673 по 1675 гг. Кунгур обнесли деревянным кремлем взамен прежнего острога, в который построили 8 башен, две из которых – Спасская и Тихвинская – оборудовались воротами и были проезжими. Высота стен кремля в иных местах достигала трех сажен.

В грамоте на Кунгур воеводе предлагается «... учинить наш Великого государя указ по обложению и по новым статьям и каких чинов и кому имяны и за какие вины, что учинено будет и о том писать зделав статейные списки хто по какому делу и ...давно сидит прислать в Новгородской приказ... и о тех статейные списки прислать в Новгородский приказ потому ж без мотчания и чинить им о том о сам взаправду всяких прихотей и корыстей а будет которые воевод и приказных людей того не учинят и ... колодников в приказных избах в тюрьмах станут держать и на тех доправить пени по сту рублей на человеке»²⁷⁰.

Среди хозяйственных дел, находящихся в ведении воевод, одно из главных мест занимает сбор пошлин и налогов и отсылка денежной казны в Москву.

Рассмотрим по документам, из чего состояли казенные доходы. В сметных списках воевод подробно перечислялись государственные доходы, состав и суммы. «1682 (7190) Соликамского города сметный список воеводы Кондырева ... Лета 7190 ... по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца указу и по грамоте из новгородского приказу за приписью дьяка Фивасия Бобинина стольник воевода князь Феодор Юрьевич Борятинский считал окольникового воеводу Семена Тимофеевича Кондырева прошлого ... в казну великого государя.

Во всякие денежные доходы в приход и в расход.

В прошлом году окольников воевода Семен Тимофеевич Кондырев принял у стольника воеводы у Дмитрея Наумова у росписки по счету усольские великого государя денежные доходов.

---

²⁷⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 68.

...Воеводе при Семене Тимофеевиче Кондыреве усолские всякие великого государя денежных доходов в приходе Соликамского таможенного пошлинного сбора тысяча шестьсот пятьдесят три рубля...

Кабатских питейных прибыльных денег две тысячи восемьсот семьдесят рублей семь алтын с полуденгою.

...Соликамской приказной избыбору с судных дел и с купчих пошлин ездые и поголовных и с неявленного питья пенных денег и с мировых гривен всякого мелкого збору и с тем ето на Обве и на Инве ... собрали налицо... сто пятьдесят девят рублей один алтын с деньгою»²⁷¹.

«Счетной список столника и воеводы Ивана Алексеевича Головина ... году 7198.

...По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича... и грамоте из Новгородского приказу за приписью дьяка Прокофья Возницына околничей и воевода Иван Иванович Нарышкин да подьячей с приписью Нефед Иванов считали столника и воеводу ...в казну великих государей во всяких усолских денежных доходах в приходе и в росходе...

...Неокладных доходов... которые собраны после росписки с февраля сорок шесть рублей двадцать восемь алтын пять денег. Да неокладных доходов ... которые взяты недоимки после росписки одиннадцать алтын полтретьи денги. Неокладных же доходов ... два рубли десять алтын три денги.

И оброчных денег с оброчных статей на ... восемьдесят рублей, заповедного питья пенных денег ето приняты у росписки в прошлом ... году пять рублей...

...Неокладных доходов Соли Камской приказной избыбору судных дел и с купчих и с закладных кабал пошлин и уездных и поголовных денег и мировых гривен и всякого мелкого збору ... году генваря в ... числа да сентября по ... число ... году восемьдесят пять рублей дватцать три алтына полшесть денги. И всего ... усолских всяких денежных доходов и с тем ето у росписки по счетному списку принято у столника и воеводы у князя Афонася Шелдякова в приходе три тысячи четыреста двадцать восемь рублей двадцать один алтын. Да ...прибытки столника и

---

²⁷¹ РГАДА. Ф.137, оп. 1. «Соликамск». Д.1 (4), лл.1-3, 13.

воеводы Ивана Алексеевича Головина ... денежных доходов в приходе Соли Камской уезду с окологородного стану московских стрельцом на жалованье семьдесят рублей.

...Неокладных доходов Соликамской приказной избы збору что взято из доимки на прошлые годы ... пятнадцать рублей девятнадцать алтын четыре денги.

Судных дел и с купчих и с закладных кабал пошлинных и с уездных и с поголовных денег и мировых гривен и всякого мелкого збору ... году налицо кроме доимки сто пять рублей шестнадцать алтын полчетверть денги. И всего ... денежных доходов в приходе две тысячи девять сот сорок два рубли двадцать один алтын полшесть денги...

И всего при столнике и воеводе Иване Алексеевиче Головине ...усольских всяких денежных доходов и с тем что принято у росписки по счету списку у воеводы и князя Афанасия Шелдякова в приходе шесть тысяч семьсот шестьдесят девять рублей одиннадцать алтын четыре денги.

И всего в прошлом году ... к великим государям к Москве послано у соликамской в приказной избе в росходе всяких великих государей денежных доходов шесть тысяч четыреста восемнадцать рублей два алтына четыре денги»²⁷².

Таким образом, доходы казны складывались из следующих сборов и налогов:

1. Таможенный пошлинный сбор;
2. Сбор с судных дел и с купчих и с закладных кабал пошлинных;
3. Кабацкие питейные сборы;
4. Доимочные сборы;
5. «Всякий мелкий збор»;
6. Штрафы («неявленного питья пенные денги...»).

Отмечаются в источниках очень важные доходы казны, составляющие специфику Пермского Прикамья, конкретно Соли Камской – соляные варницы,

---

²⁷² РГАДА. Ф.137, оп. «Соликамск», д.12, лл.1-10,18.

«вызвавшие еще в конце XV в. основание этого города»²⁷³. В конце первой четверти в Соликамске и его окрестностях их насчитывалось тридцать пять²⁷⁴.

Подробно подсчитывались и расходы казны, например, «Соликамской с посаду и с уезду московским стрельцом на жалованье ... в уплату две тысячи восемь сот дватцать девять рублей шесть алтын. Московским же стрельцам на жалованье Соликамской с уезду ... к прежнему платежу в уплату триста рублей»²⁷⁵.

Казна должна была присылаться своевременно. В Смутное время Москва даже специально запрашивала присылку пораньше. «...Да на нынешней бы естя на 117 год, для нынешнея службы, наши Пермския данныя и оброчныя денги велели бы естя сбирати тотчас, не замотчав; а велели бы естя те денги сбирати, для поспешенья, на лутчих людех; а что вы тех денег на нынешней на 117 год сберете, и вы б те денги прислали к нам, к Москве тотчас, ие замотчав, и велели отдати в Новгородской четверти дяком нашим Григорью Илизарову да Ондрею Иванову, а досталныя бы естя велели добирати с великим раденьем»²⁷⁶.

Во второй половине XVII в. центральная власть также внимательно следит за недоимками. В д. 88 Актов Кунгурского уездного суда описывается стандартная ситуация по недобору. Были посланы «...с кунгурским посадским Якушкой Загайновым окладные книги да наличных денег сорок четыре рубли три алтына две денги и ... в приказ наши Великого государя большие казны». В той же грамоте отмечалось, что «с Кунгура десятой денги недобрано сорок один рубль три алтына две денги против прошлого года»²⁷⁷.

Далее в грамоте проясняется, что «из кунгурских окладчиков у Осипа Шестакова с товарищи недобор учинился того он Якушко не отдает потому что те окладные книги к Москве с Кунгура посланы с ним, а окладчик с ним не послан, а по нашему Великого государя указу велено тебе окладчиков с окладными денгами выслать к нам Великого государя к Москве и ты окладчика Осипа Шестакова с

²⁷³ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск III: Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. С.128.

²⁷⁴ Там же. С.129.

²⁷⁵ РГАДА. Ф.137, оп. «Соликамск», д.12, л.4.

²⁷⁶ Царская грамота в Пермь Великую, о немедленной присылке в Москву Пермских казенных доходов, 7 сентября 1608 г., №87 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.179.

²⁷⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 88. Л. 1.

товарищи с нам Великому государю не выслал и за то.. на тебе доправить пеня что чинишь ты не по нашему Великого государя указу знатно для своей бездельной корысти и взять...и как к тебе ся наша Великого государя грамота придет и ты б кунгурских окладчиков Осипа Шестакова с товарищи велел допросить отчего у них такие большие недоборы против ... годов... учинились против недобору ... велел взять, а на окладчиках доправить тотчас»²⁷⁸.

Таким образом, отмечается, что воевода из личной корысти не способствует сбору податей, а, наоборот, препятствует этому. В результате на воеводе были доправлены пени за плохое исполнение обязанностей управляющего.

Несмотря на подробную регламентацию таможенных сборов, система к концу XVII в. нуждалась в реформе. В конце XVII в. воевод ограничили в праве устанавливать размеры окладного жалованья приказных служителей.

Также целью реформы 1698 г. было сокращение расходов на содержание местного аппарата, и смена критерия отбора подьячих: «которые явятся пьяницы и в приказ ходят мало, и никаких дел не делают и делать не мыслят, и тех подьячих от приказов отставливать»²⁷⁹.

Происходит усиление контроля над воеводами со стороны выборных сословных органов и уточнение порядка их взаимодействия. Как показывает Д.А. Ананьев, содействие воевод работе таможни заключалось в предоставлении таможенному голове служилых людей «для сторожи и для розсылки и для обереганья и для ослушников»; приеме изъятых на таможне товаров; вынесении окончательных решений в отношении тех, кто нарушил правила торговли и таможенного досмотра. При этом воеводам не позволялось самостоятельно вмешиваться в работу таможни и выезжать на пограничные заставы, устроенные таможенным головой. В случае самоуправства воеводы таможенный голова имел право жаловаться на него в Москву.

²⁷⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 88. Л. 1.

²⁷⁹ Цит. по: Ананьев Д.А. Указ. соч. С.90.

В качестве противовеса воеводам центральная власть использовала институт выборных таможенных и кабацких голов, с которыми воеводская администрация находилась в постоянном и непосредственном взаимодействии.

Наряду с этим, прикамские воеводы оказывались в сфере внимания таможенных голов, когда сами проходили таможенный досмотр.

В хозяйственной деятельности воевод не на последнем месте стояло обеспечение хлебом Пермского Прикамья и Сибири²⁸⁰. Часто в грамотах, наряду с присылкой казны, упоминаются хлебные запасы. «...В Сибирские непашенные города, на Березов, в Мангазею, в Сургут, в Томской город, на Тару, служилым людям на жалованье, на нынешней на 117 год, с Вятки, с Перми, с Устюга Великого, с Соли Вычегодской, хлебных запасов восемь тысяч триста пятьдесят восемь чети с полуосминою муки ржаной, шестьсот девяносто шесть чети круп, шестьсот девяносто шесть чети толокна, и по сошному розводу довелось взять и отвезти их Сибирских запасов, на Верхотурье, с Перми да с Вятки три тысячи четыреста двадцать три чети с осминою муки, пятьсот семь чети круп, пятьсот семь чети толокна, и всего четыре тысячи четыреста тридцать семь чети с осминою; и с Перми и с Пермских пригородов, с посадов и с уездов, по сошному розводу и против того, как они наперед сего против Вятских городов возили, довелось взять и отвезти тех Сибирских запасов и с прибавочными...»²⁸¹.

Отправка хлеба не всегда осуществлялась эффективно. В частности, в Кунгуре воеводы чинили много препятствий хлебной торговле, совершали незаконные поборы, налагали запрет на вывоз зерна из уезда, и все-таки хлебная торговля неудержимо развивалась. Часть товарного хлеба оставалась в уезде, шла на винокурни. «От винокурения государство получало большой доход. Вино отправлялось во многие пункты, даже в Тобольск»²⁸².

Москва подробно регламентировала порядок отправки и состав подвод. «...И под те запасы собрали посошных людей, с лошедми и с пошевнями, и с веретищи, и

²⁸⁰ Отписка Пельымского воеводы к Чердынскому воеводе Нашокину, о присылке хлебных запасов в Пельым, после 16 марта 1613 г., №5 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.3-4.

²⁸¹ Царская грамота в Пермь Великую, о сборе с Пермской земли хлебных запасов, об отправлении оных в Сибирские города на жалованье служилым людям, и о посылке в Верхотурье плотников для судового дела, 19 января 1609 г., №101 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.198.

²⁸² Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 13.

с узищи, и со всею извозною снастью; а в посошных бы людех было семь человек плотников, со всею плотничею снастью; а для береженья, у всякого б человека было на возу лук да стрелы, да по топору, да по рогатине. А собирали б есте те хлебные запасы, и посошных... кто с чего тянет, со всех повытно; а запасы б те были добрые, чтоб мука и крупы и толокно без подмеса, не так, как наперед сего привозили с песком смешивая отруби, а крупы и толокно смешивая со всякою мукою, а иные покупали Пермские старосты и целовалники на Верхотурье воровски с подмесом, и с теми запасы в Сибирских городех ратных людей без хлеба поморили... На Верхотурье бы хлеба в Сибирские города с подмесом дешевою ценою не покупали, потому что Верхотурские жилецкие люди продают хлебные запасы мешая с камнем и с песком, воровством, и в том в Сибирских городах служилым людям в хлебных запасах нужда великая»²⁸³.

В грамоте упоминалось, что на Верхотурье к воеводам, о тех хлебных запасах и о посошных людех и о плотниках, послана грамота. Дальше отдавались распоряжения: «А однолично бы есте велети те Сибирские хлебные запасы и плотников отвезти на Верхотурье тотчас, и посошным бы людям с подводами поспети назад к себе по зимнему пути; а выбрали б есте за теми Сибирскими запасы на Верхотуре, в Перми, из лутчих людей человека добра и те запасы в сани и в веретища и в мешки при себе велели сыпати...»²⁸⁴.

Пермским хлебным поставкам власти доверяли больше, что выразилось в разрешении беспрепятственно торговать хлебом в Сибири. «Ведомо нам учинилось и в роспросе Сибирские казаки и стрельцы сказывают, что в Сибирских городех хлеб всякой... купят меж себя всякие люди дорого ...Велети кликати... чтоб из Перми и из Пермских пригородов и из уездов всякие торговые люди ехали в Сибирские города со всякими товары и с хлебом на продажу, а наш указ в Сибирские города к воеводам и головам послан, тех хлебных запасов у тех

²⁸³ Царская грамота в Пермь Великую, о сборе с Пермской земли хлебных запасов, об отправлении оных в Сибирские города на жалованье служилым людям, и о посылке в Верхотурье плотников для судового дела, 19 января 1609 г., №101 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.198-199.

²⁸⁴ Там же.

торговых людей на нас имати не велено, а велено ими торговати в Сибирских городех поволно и продавати хлеб как цена подымет...»²⁸⁵.

Власть заботилась о компенсации великопермским торговцам хлебом в случае предварительных поставок хлеба. Чердынскому воеводе Бутурлину в царской грамоте от 23 апреля 1621 г. напоминалось о выдаче денег Чердынцам за отвезенные ими на Верхотурье хлебные запасы²⁸⁶.

В Смутное время и в более спокойные и урожайные времена власти постоянно обращаются в царских грамотах с требованием отправить хлебные запасы на жалованье служилым людям. Отметим в связи с этим такие документы, как «Царскую грамоту, в Пермь Великую, князю Вяземскому, об отпуске в Верхотурье хлебных запасов на жалованье служилым людям» от 29 мая 1607 г.²⁸⁷, «Царскую грамоту Чердынскому воеводе Веревкину об отвозе хлебных запасов на Верхотурье» – ноябрь 1622²⁸⁸, «Царскую грамоту Чердынскому воеводе Григорью Загряжскому, об отсылке в Верхотурье Сибирских хлебных запасов, 14 ноября 1641 г.²⁸⁹, «Царскую грамоту Чердынскому воеводе князю Федору Борятинскому, о доставлении в Верхотурье из Поморских городов хлебных запасов деньгами, а из Перми и Сысольских волостей хлебом, и о высылке плотников для судебного дела» от 15 декабря 1681 г.²⁹⁰. По датам документов и содержанию можно определить, что поставки хлеба из Пермского Прикамья была важным аспектом деятельности воевод на хозяйственно-административном поприще.

Однако, несмотря на упомянутое разрешение торговать в Сибири хлебом, власти оговаривали условия: нельзя было провозить хлеб беспошлинно.

²⁸⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении Пермским торговым людям отправлять в Сибирские города хлеб и продавать оный беспрепятственно, 9 октября 1609 г., №141 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.257.

²⁸⁶ Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о выдаче денег Чердынцам за отвезенные ими на Верхотурье хлебные запасы, 23 апреля 1621 г., №99 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.137-138.

²⁸⁷ Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, об отпуске в Верхотурье хлебных запасов на жалованье служилым людям, 29 мая 1607 г., №80 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.110.

²⁸⁸ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину об отвозе хлебных запасов на Верхотурье, ноябрь 1622, №115 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.168-170.

²⁸⁹ Царская грамота Чердынскому воеводе Григорью Загряжскому, об отсылке в Верхотурье Сибирских хлебных запасов, 14 ноября 1641 г., №219 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.377-378.

²⁹⁰ Царская грамота Чердынскому воеводе князю Федору Борятинскому, о доставлении в Верхотурье из Поморских городов хлебных запасов деньгами, а из Перми и Сысольских волостей хлебом, и о высылке плотников для судебного дела, 15 декабря 1681 г., №76 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.118-119.

Для контроля провоза товаров и хлеба в Сибирь существовали таможенные избы. Как указывает А.А. Дмитриев, «при начале верхотурской дороги» находилась таможенная изба в Соликамске²⁹¹. Автор пишет о том, что Соликамская изба, как и Чердынская, «были учреждения старья, упоминаемые еще в древнейших Великопермских писцовых книгах»²⁹².

В одном документе предварительно подробно описывается алгоритм сбора хлеба для поставок в Сибирь. «...Воеводе нашему Богдану Ивановичу Камынину. В нынешнем во 145 году Февраля в 8 день писал к нам, из Чердыни, воевода Христофор Рыльской: по нашему указу велено ему суконная сотни торговому человеку Игнатью Наумову да Нового девича монастыря крестьянину Василью Синеву дати, из Пермских изо всяких доходов, на хлебную покупку, 2250 рублей и целовальников тутошних, торговых добрых людей, сколько человек пригоже; а велено им теми денгами, что посланы с ними с Москвы и который дадут в Чердыни, с Пермскими целовальники купити хлеб на нас, в Сибирь, Сибирским служилым людем, наше жалованье, Пермскою ценою...»²⁹³.

В том же документе оговаривается, что хлеб возить необходимо с пошлиной и даются рекомендации по учреждению застав, чтобы тайно не торговали с Сибирскими городами²⁹⁴.

Всегда вызывало недовольство центра вторжение в государственные монопольные промыслы. Государственной привилегией являлись кабацкие промыслы. Отдельной грамотой разрешалось винокурение жителям Пермского Прикамья для личных нужд. «...Князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подьячому Ивану Федорову. Били нам челом Пермичи торговые люди... прежде ... по грамотам, велено было им лутчим торговым людем к Господским празником, и к именинам, и к родинам, и к свадьбам, вино про свою нужю курити поволно; и нам

²⁹¹ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900. С. 7.

²⁹² Там же.

²⁹³ Царская грамота Чердынскому воеводе Богдану Комынину, о закупке хлеба в Чердыни и Соликамске, для Сибирских отпусков, об отправлении его в Верхотурье, и об учреждении по дорогам к Чердыни застав, для отвращения тайного провоза хлеба и других товаров, 11 февраля 1637 г., №197 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.351-352.

²⁹⁴ Там же. С. 352.

бы их пожаловати, велети им про свою нужю вино курити также, как им наперед сего про свою нужю велено вино курити. И будет так, как нам Пермичи ... били челом, а им будет наперед сего вино про свою нужю по грамотам курити велено и грамоты им таковы даны, и как вам ся наша грамота придет, и вы б им... Пермичам лутчим торговым людем и ныне велели вино курити к празником, и к именинам, и к свадьбам, неповелику, докладывая себя; а того б есте берегли, чтоб на продажу вин не курили, а меж себя пили бы смирно, а воровства ни которого и душегубства б не было...»²⁹⁵.

Предметом заботы для воеводской администрации уездов, где существовало пашенное земледелие, и откуда осуществлялись поставки хлебных запасов в Сибирь, конечно, были пашенные люди. Большое количество разнообразных документов характеризуют указания центра по поводу пашенных крестьян, поставок хлеба, обложения крестьян налогом.

Воеводы должны были отлавливать бежавших из Сибири крестьян и служилых людей. «От Царя и Великого князя Василия Ивановича веса Руси, в Пермь Великую, Федору Петровичю да подьячему Науму Романову. Вы б... велели заказ учинити крепкий: кто поедет или пеш пойдет из Сибирских городов, служивой или пашенной, какой человек нибуди, мимо Перми, или в уезде, на торжках, в селах и в деревнях объявитца, а от Сибирских воевод проезжих грамот и подорожных, или памятей, за нашими или за воеводцкими печатями у них не будет; и вы б тех людей велели, имая, приводити в себе ж и роспрашивали их накрепко, а роспрося, велели сажать в тюрьму до нашего указа, да о том отписали к нам, в Москве, а отписку велели отдать в Приказ Казанскаго дворца...»²⁹⁶.

Порядок проезда по подорожным меняется в конце века. 20 мая 1697 г. приходит царская грамота на Кунгур воеводе Алексею Ивановичу Калитину о новой печати Сибирского приказа и о пропуске в Сибирь лишь тех лиц, у которых будут проезжие и подорожные грамоты за этой печатью: «... велено сделать в Сибирском

²⁹⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении Пермским торговым людем курить вино для домашнего обихода, 14 июля 1606 г., №55 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.124-125.

²⁹⁶ Царская грамота Пермскому воеводе Акинфову, о сыске бежавших в Сибирь пашенных людей, с подтверждением не пропускать оттуда никого без проезжих грамот, 6 августа 1609 г., №250 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 297.

приказе новую нашу Великого государя печать... которые в сибирские города... впредь не печатать... или иные какие наши Великого государя грамоты подорожные в Сибирские города... по тем грамотам ехать не велено ... на Верхотурье или в иные Сибирские города...»²⁹⁷.

С другой стороны, воеводская администрация участвовала в добровольном переселении крестьян в Сибирь²⁹⁸.

В конце века, идя в ногу со временем, воеводы с подачи царского правительства налаживают торговлю с иностранными гражданами. В грамоте от 7 марта 1699 г. стольник и воевода Ивану Михайловичу Коробьин должен был предоставить лорду маркизу Фанкар Мартену по всему государству, впредь на два года, исключительное право торговать табаком и курительными принадлежностями²⁹⁹.

26 января 1643 г. была послана наказная память торговому человеку гостиной сотни Ивану Ануфриеву, посланному в Соликамск к медному делу, о приеме рудников у Кирилла Босого, о приведении их в порядок, о производстве опытов и присылке руды в Москву, о наблюдении за мастерами и о производстве руды. Предполагалось выбрать опытных целовальников и выдать все необходимое стольнику Тимофею Лодыгину, посланному из приказа Большой Казны для розыска новых залежей руды³⁰⁰.

В заключение автор отмечает очень широкий круг проблем, которыми должны были заниматься прикамские воеводы. Это связано со спецификой Пермского Прикамья как территории на «путях в Сибирь» и с природно-климатическими и историческими особенностями Прикамья.

Судя по количеству документов, посвященных административно-хозяйственным функциям воевод, именно «прибыльная» деятельность воеводы-администратора в Пермском Прикамье оставалась одной из главных. Здесь нужно

²⁹⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 186, л. 1.

²⁹⁸ Царская грамота Пермскому воеводе Акинфому, о призыве охочих пашенных людей для переселения в Пельымский уезд, 6 августа 1609 г., №251 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 297-298.

²⁹⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 212.

³⁰⁰ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 765.

было и сеять хлеб, и контролировать пашенных крестьян, и собирать ратных людей, и следить за состоянием «гоньбы», дорог, пути в Сибирь.

2.4 Административно-полицейские функции воеводы

Под административно-полицейскими функциями воевод понимаются дела воевод, связанные со следственными мероприятиями, нотариальными функциями, финансово-экономическими и хозяйственными вопросами.

Первостепенной заботой воевод являлось исполнение указов правительства по рекрутским наборам и сбору лошадей, розыск беглых людей и возвращение их к владельцам или на места постоянного проживания, содержание и препровождение колодников в указанные вышестоящими властями места.

В выполнении остальных функций воевода был самостоятелен и проводил собственную политику в организации выполнения в уезде многочисленных обязанностей полицейского и административного характера»³⁰¹.

Разбои, татьба, убийства находились в ведении губных старост. Разбойный приказ стремился ограничить вмешательство воевод в губные дела: «А воеводам тех дел не ведать». «В то же время Разряд в наказах возлагал на воеводу надзор за губными старостами и в делах о разбоях убийствах, татьбе. Воевода был обязан преследовать «малое воровство» – неподчинение государеву указу, игра в зернь, курение табака»³⁰².

Местное население, а также служилые люди, часто доставляли проблемы своим поведением представителям власти. На протяжении XVII в. воеводам приходится расследовать дела о «буйстве», грабежах, убийствах, а после отписывать в московские приказы и иногда высылать туда виновных. Если преступление требовало расследования, то представители мира отписывались воеводе о необходимости прибытия последнего на место происшествия. 31 мая 1608 г. Василий Зубов отправил отписку в Чердынь Федору Петровичу Акинфому о

³⁰¹ Кузьмин Е.П. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Чебоксары, 2009. С. 19.

³⁰² Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVII в // *Commentarii de Historia*. 2000. № 5 . Номер абзаца (<http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/05-01a.htm>).

немедленном прибытии его в Соликамск для разбора дела о грабеже и буйстве Тарских казаков, Девятаго Спиридонова и Ждана Мартынова с товарищами. Тогда воевода управлял и Чердынью, и Соликамском. Василий Зубов просил, не медля, прибыть, потому что казаки разбойничали и грабили местное население. «Девятой Спиридонов с товарищи ...учинили грабеж ... на Москву, что служивые люди не замолчали»³⁰³.

Сами крестьяне Чердынского уезда иногда были не прочь ограбить кого-либо. В апреле 1678 г. воеводе Дмитрию Никитичу Наумову в царской грамоте предписывалось прислать в Новгородский приказ крестьян Чердынского уезда Коссинского стана Федьки Епифанова с товарищами по челобитью бобыля боярина Богдана Матвеевича Хитрово Афанасия Ефремова, которого они ограбили и избили. «...Его на волоку с копьями и бердышами и рогатинами... и постигши учили бить ... не на живот, насмерть и связав его Афоньку у него те деньги взяли и связана покинули»³⁰⁴.

В Кунгуре дела с поиском и содержанием преступников также часто обстояли не лучшим образом. 1 декабря 1677 г. Кунгурскому воеводе Семену Ивановичу Толстово предписывалось прислать в Новгородский приказ материалы дела об убийстве усольца Тишки Попова Лаврушкой Бебеней и старцем Исайей, которые сидели в Кунгурской тюрьме. Условия содержания были настолько плохими, что старец Исайя «помирал голодной смертью»³⁰⁵. С целью ускорения расследования дела и была выслана грамота.

Иностранческие дела можно выделить в особую группу проблем, которые приходилось решать воеводам в рамках административно-полицейских функций.

Известно, что одной из главных причин продвижения за Урал была охота за пушным зверем, которая сыграла важную роль в покорении Сибири. Погоня за соболем и другим ценным мехом, который в XVII в. выполнял в Российском государстве роль валютного товара, достигалась путем обложения ясаком местного населения. В данной работе уже рассматривались особенности сбора ясака с

---

³⁰³ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 108, л. 1.

³⁰⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1032, л. 1.

³⁰⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 42, л. 1.

нерусского населения, поэтому в данной главе можно лишь отметить стремление к расширению сферы ясачного обложения, и, в связи с этим, многочисленные злоупотребления воеводской администрации и «мира».

В отличие от Сибири, где многие походы за ясаками организовывались по инициативе и на средства промышленных и служилых людей (своим «коштом»), в Пермском Прикамье к уплате ясака местное население в XVII в. приводили в основном представители администрации.

Инициатива по мере продвижения в Сибирь переходила в руки местной администрации, получавшей из Москвы предписание поступать согласно обстоятельствам на месте. Действия служилых людей инициировались и корректировались властями и были направлены на присоединение новых земель и обложение их жителей ясаком.

Нельзя сказать, что сами народы Пермского Прикамья жили в мире и согласии. В XVII в. идет сложный процесс взаимодействия татар, башкир, русских на территории Пермского Прикамья. Часто в документах фигурируют татары и башкиры. Татары в основном выступают в судебных делах, а башкиры – в связи с военными приготовлениями. В царской грамоте от 6 сентября 1675 г. воеводе Ивану Поливкину на Кунгур было сказано, что по суду за Черемисами деревни Медянки необходимо утвердить их угодия, «которые отнимают, по недружбе, татары Русай Кучуков с братьями»³⁰⁶.

В царской грамоте от 24 марта 1698 г. в Кунгур воеводе Алексею Ивановичу Калитину было приказано построить земляной вал от Сылвы до Ирени «длиною в 411 сажень» и привлечь к этой работе кунгурских посадских и уездных жителей, кроме татар, и лично наблюдать за ходом работ³⁰⁷. Отличия в положении русских и «инородцев» в Пермском Прикамье существовали. Правительство проводило аккуратную политику по отношению к представителям других народов. 17 апреля 1672 г. была отправлена царская грамота «на Кунгур сыщику Ивану Лукьяновичу

---

³⁰⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 23, л. 1.

³⁰⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 199, л. 1.

Талызину о расследовании дела по челобитью сылвенских ясачных татар на кунгурцев, правящих на них займы по недействительным кабалам³⁰⁸.

21 июня 1614 г. была послана память сылвенским и иренским целовальникам Андрею Федосееву и Кириллу Могучеву о даче им из Перми нового наказа относительно сбора десятинной пошрины и о подчинении сылвенских и иренских татар пермским воеводам³⁰⁹.

Много грамот было отправлено в связи с челобитными татар по поводу дележа территорий и защиты от крестьян, которые покушались на их промыслы.

Например, 10 февраля 1619 г. была отправлена челобитная сылвенских и иренских ясачных татар о защите их от строгановских крестьян, отнимающих у них «бортные ужожи, рыбные ловли и бобровые промыслы»³¹⁰.

17 июля 1614 г. была послана отписка Верхотурского воеводы Беяницы Лаврентьевича Зюзина Пермскому воеводе Льву Ильичу Волкову и дьяку Ивану Тимофеевичу Митусову о посылке на Сылву и Ирень «сына боярского, подьячаго, целовальника и служилых людей для переписи бортных ужожей и бобровых гонов и о взимании с торговых людей ясака и десятинной пошрины»³¹¹.

Нелишним, как можно видеть из документов, было создание памятей приказчикам, которые должны были защищать татар от покушений крестьян. Характерна в этом отношении память от 1 марта 1620 г. сылвенским приказчикам Андрея и Петра Строгановых о защите татарина Чеклубайка Байбарина от насилия сылвенского жильца Романа Гилева³¹².

Во второй половине XVII в. этнически неоднородное население Пермского Прикамья взаимодействовало между собой. Многочисленны челобитные татар, связанные с дележом вотчин, просьбой о защите от обидчиков-татар³¹³. Сохранились такие документы, как обыски губных целовальников по челобитным татар³¹⁴.

³⁰⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 1, , л. 1.

³⁰⁹ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 407.

³¹⁰ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 454, л. 1.

³¹¹ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 409, л. 1.

³¹² СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 481, л. 1.

³¹³ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 455; 456, 457, 458, л. 1.

³¹⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 463, л. 1.

В 1677 г. была прислана царская грамота в Кунгур Семену Ивановичу Толстово о высылке к пермскому воеводе кунгурцев для отмежевания земель вдовы Агафьи Строгановой по реке Косье от земель, принадлежащих чердынцам и кунгурцам³¹⁵.

Царское правительство прямо запрещало вмешиваться в дела «инородцев» и мешать им жить на территории Кунгурского уезда. Например, 19 июня 1675 г. в царской грамоте воеводе Ивану Поливкину запрещалось «вступаться в дела кунгурских татар и мстить им за недружбу»³¹⁶.

3 мая 1677 г. была послана царская грамота из Новгородского приказа в Кунгур воеводе Ивану Поливкину о расследовании жалоб кунгурских стрельцов на «притеснения и взяточничество подьячих приказной палаты Ивана Шапкунова и Ивана Кузнецова с товарищами»³¹⁷.

В 1677 г. воеводу Семена Ивановича Толстово просили расследовать жалобу Кунгурского площадного подьячего Кондрашки Говорливого на бывшего целовальника Стеньку Азегова, неправильно предъявившего к нему иск в мирских сборных деньгах, принятых Кондрашкой, вместо Стеньки и будто бы не отданных последнему³¹⁸.

Замена недобросовестных подьячих во второй половине XVII в. также была делом воеводы. Например, 12 декабря 1679 г. в царской грамоте на Кунгур говорилось о смене прежних недобросовестных подьячих Кунгурской приказной избы и таможенного головы, согласно челобитью кунгурского земского старосты Марка Богомолова, новыми по выбору всех посадских людей³¹⁹.

Воеводам, как уже упоминалось, запрещалось притеснять «мир». Тем не менее, иногда требовалось дополнительно ограничивать произвольные действия воеводы. В грамоте от 21 апреля 1681 г. Ивану Ивановичу Черникову-Онучину говорилось о замене всех мелких сборов на караулы, свечи, дрова и прочие расходы приказной избы платежом стрельцких денег и о воспреещении воеводам поэтому,

---

³¹⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 38.

³¹⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 19, л. 1.

³¹⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 35, л. 1.

³¹⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 36.

³¹⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 38.

согласно челобитью кунгурского земского старосты Семена Вертопрахова, требовать из избы денег на данные статьи. Очевидно, подобные требования воевод не нравились «миру».

5 июня 1698 г. была прислана грамота воеводе Алексею Ивановичу Калитину, запрещающая вмешиваться в дела суда и расправы подьячего Кунгурской приказной избы Ивана Шавкунова и людей его в виду ложных обвинений, возведенных на них воеводою³²⁰. В следующей грамоте ему было запрещено вмешиваться в мирские дела и земские сборы³²¹.

Интересно, что до этого воевода был оценен как успешный администратор: в царской грамоте от 14 апреля того же года ему была направлена похвала за исправную присылку стрелецких и оброчных денег и куничного ясака³²².

Административно-полицейские функции воевод, как следует из грамот, распространялись и на территории вотчин Строгановых.

В царской грамоте от 11 августа 1615 г. в Пермь Великую воеводе Льву Ильичу Волкову и дьяку Ивану Митусову предписано расследовать челобитье Матвея Засухина, которого насильно задерживал в своей вотчине Никита Строганов³²³. Воеводе и дьяку предлагалось проверить законность действий Никиты Строганова.

От жителей уездов до центрального правительства доходили челобитные, в которых жаловались на местную власть, после чего высылались грамоты. Например, 9 июля 1683 г. Федору Юрьевичу Борятинскому в грамоте запрещалось из корыстных целей притеснять чердынских посадских людей и уездных людей в их лесах и угодьях и причинять им убытки³²⁴.

Если притеснения все же случались, проводилось расследование. В качестве примера можно привести характерные документы – память и отписку подьячим, в частности, память от 24 декабря 1698 г. подьячим чердынской приказной палаты Василию Колотилу с товарищами о высылке в Соликамск чердынских земских

---

³²⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 205.

³²¹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 206.

³²² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 201.

³²³ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 430.

³²⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1298.

старост, бывших при воеводе князе Федоре Дашкове, с прихода-расходными книгами и трех крестьян Дубровского стана и чердынцев, у которых есть жалобы на данного воеводу³²⁵. Далее следовала отписка подьячих чердынской приказной палаты Василия Колотилова с товарищами воеводе Василию Яковлевичу Новосильцеву и подьячему Григорию Бирилеву о высылке в Соликамск земских старост, бывших при воеводе Федоре Дашкове и трех крестьян Дубровского стана, Григория Брюшинина с товарищами³²⁶.

Итак, крестьянские и посадские общины были задействованы именно при проведении административно-полицейских и административно-хозяйственных мероприятий воеводской канцелярии. В третьей главе более подробно будет исследован механизм взаимодействия воеводской канцелярии и мирской организации.

2.5 Судные дела в воеводской канцелярии

В компетенцию воеводы входили судебные функции. Этому аспекту деятельности воевод придавалось большое значение, потому что суд на местах помогал поддерживать порядок и контролировать общество. С другой стороны, Москва следила за отправлением воеводской канцелярией судебных функций, часто мелочно контролируя суд. Рассмотрим функционирование воеводского аппарата в ходе исполнения судебных функций, предварительно отметив основные вехи развития суда в конце XVI–XVII вв.

К середине XVI в. складывается приказная система центрального управления страной. В это время судебная система Российского государства состоит из ряда инстанций: суд наместников и воевод, суд приказной, суд Боярской думы или суд государя, церковные и вотчинные суды, суды «смесные».

Анализируя принятый в 1550 г. Судебник, можно отметить усиление роли центральных судебных органов в государственном управлении. Царский судебник предписывал упорядочить деятельность судебных приставов.

---

³²⁵ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1458.

³²⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1459.

Дьякам в приказах и иных судебных местах Судебником поручалось завести особые книги для учета всех «недельщиков» (судебных приставов) и их «заговорщиков» и «ездоков»³²⁷. Благодаря этому произошло закрепление определенных людей за конкретным «недельщиком», а также усиление контроля за деятельностью судебных исполнителей на предмет взыскания с них убытков потерпевших и «объявление всех невнесенных в упомянутые книги самозванцами и преступниками, притесняющими население под видом государевых слуг»³²⁸.

В середине XVI в. суд по уголовным делам перешел из ведения наместников к выборным от населения «губным старостам» и их помощникам. Функции судебных исполнителей при выборных судебно-полицейских органах управления на местах исполняли особые «земские приставы». «В судебном списке 1596 г. сказано: «и судьи велели... земскому своему приставу... поставить... перед себя... ищей и ответчиков... с очей на очи»³²⁹.

В XVII в. высшими судебными инстанциями в Российском государстве являлись царь и Боярская дума. Царь являлся и высшей апелляционной инстанцией. Боярская дума производила суд по политическим преступлениям, разбирала местнические споры, слушала дела, переданные на утверждение приговоров из приказов или неподсудные им, рассматривала челобитные на решения приказных судей.

Подконтрольной Боярской думе была деятельность приказов – центральных административно-судебных ведомств по управлению государством. В России того времени не существовало самостоятельных судебных органов, «поскольку суд не только не отделялся от администрации, но и являлся одной из важнейших функций последней»⁴.

---

³²⁷ Ездоки нанимались недельщиками для вызова в суд ответчиков и свидетелей из других городов. Заговорщики, т. е. лица, вступавшие с недельщиком в заговор с целью совместного несения его служебных обязанностей и получения соответствующего вознаграждения, составляли товарищество.

³²⁸ Самохвалов С.В. Судебные приставы допетровской Руси (очерк истории развития института судебных приставов в XII-XVII веках) [Электронный документ] // Режим доступа: www.leon-danov.narod.ru/IGU/guXVII-XVII.doc. Проверено 18.09.2013.

³²⁹ Судебники XV-XVI веков. – М-Л, 1952. С. 72.

Как упоминалось в первой главе, в середине XVI в. учреждаются сословно-представительные органы на местах – выборные «губные избы», подконтрольные приказам и исполнявшие полицейско-судебные функции.

Сыск и суд по уголовным делам перешли от наместников к «губным старостам» в сельской местности и к «излюбленным головам» в городах.

Во второй половине XVI в. приказная система организации центральных органов управления государством разделила судебных приставов по ведомствам и привилегированным корпорациям.

В XVII в. каждый приказ обладал судебными полномочиями в отношении людей своего ведомства, подсудного круга лиц или населения определенной территории. Однако нечеткое разграничение сферы действий приказов приводило к пересечению ведомственных интересов или к дублированию деятельности приказных чиновников.

Общим для воеводского управления Пермского Прикамья и Русского государства в целом было то, что на всей территории страны при наместниках и волостелях несли службу местные судебные исполнители. Местные приставы служили в городах и их уездах, выполняя распоряжения наместников или воевод.

Когда воевода заступал на должность, составлялся сметной список предыдущего воеводы о состоянии дел, в том числе в судебной сфере. Все документы с именами участников и составом судебного дела тщательно перечислялись на многих страницах сметного списка.

В качестве примера можно привести для Соликамска «росписной список в принятии стольником и воеводой кн. Михайлом Федоровичем Шейдяковым у столника и воеводы Назаря Петровича Мелницкого ... судных вершенных и невершенных всяких дел»³³⁰ за 1686 г., а для Кунгура «росписной список кунгурских воевод: старого – Феодора Алексеевича Зеленого с новым – Алексеем Парамоновичем Туровым... В 7189 году октября в день 10 по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу воевода Федор Алексеевич Зеленой подал воеводе Алексею

³³⁰ РГАДА. Ф.137, оп. «Соликамск», д.14, л.1.

Парамоновичу Турову город Кунгур... судное дело Анисимка Трясына ...челобитие Смартева на Васку Шахлеихина да на Поповых ... за то ему чинино наказание словесное»³³¹.

Воеводы перечисляли все судебные дела и челобитные с целью отчета, и, в случае незавершенности дела, передачи своему преемнику. Это касалось обычных судебных тяжб, которые регламентировались законодательством.

В основном воевода рассматривал судебные дела, руководствуясь инструкциями из центра.

Что касается дел, которые непосредственно относились к юрисдикции церковного суда (это преступления против церкви, еретичество, кража церковного имущества, брачно-семейные отношения), то из источников не совсем ясно, были переданы функции церковного суда воеводе или все-таки судебные дела, входящие в юрисдикцию церкви, рассматривали десятильники.

Известно, что в воеводских «наказах» на места, в том числе и в Пермское Прикамье, четко не оговаривалось, как вершить суд. Поэтому, во-первых, воеводы должны были судить население, сообразуясь с государственными законами, делая исключения «по обстоятельствам», во-вторых, рассматривать прецеденты, согласовывая их с центром. Последнее связано со случаями ссылок за государственные преступления и прочее (например, в 1601 г. в Ныроб был сослан дядя первого царя из династии Романовых).

Особые приставы назначались для надзора за обвиненными в государственных преступлениях представителями знатных семейств. Когда М.Н. Романов был отправлен в Пермское Прикамье в ссылку, сопровождавший его пристав, не желая подыскать «близ Ныроба удобного помещения для узника ... приказал выкопать для него землянку. Мало того, он заковал Михаила Никитича в цепи и велел давать ему только хлеб и воду»³³². Пытавшиеся организовать передачу продуктов узнику пять местных жителей были отосланы приставом в Москву.

³³¹ РГАДА. Ф.137, оп. 2. «Кунгур», д.90, л.2.

³³² Самохвалов С.В. Судебные приставы допетровской Руси (очерк истории развития института судебных приставов в XII-XVII веках) [Электронный документ] // Режим доступа: www.leon-danov.narod.ru/IGU/guXVII-XVII.doc. Проверено 18.09.2013.

Ознаменованное общероссийской Смутой начало XVII в. не могло не сказаться на деятельности судебно-исполнительного аппарата государства. Крайне тяжелая обстановка в стране привела к расширению круга полномочий судебных приставов. «По давней традиции, закрепленный за каким-либо населенным пунктом судебный пристав являлся оберегателем его жителей и живым воплощением защитника правосудия. Поэтому в годы смуты разоренные жители отдельных местностей просили правителей государства назначить им таких приставов»³³³.

Государственные законы, по мере их появления, становились известны воеводам даже в период Смуты. Например, в связи с изданием дополнений к Судебнику «о добровольных холопах» Ивана Грозного, в 1607–1609 гг. новые акты были присланы воеводе Перми Великой³³⁴.

Судебные пошлины, в случае их изменения, оговаривались в специальных царских грамотах. «От Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии, в Пермь Великую, князю Семену Юревичу Вяземскому да подьячему Ивану Федорову. В нынешнем во 114-м году писали к нам из Перми Петр Пивов да ты Иван: велено де вам в Перми в Великой, Чердынцов и Усолья Камского и Кайгородцов, всяких людей во всяким делех судити и управа меж их чинити, а пошлины имати с судных дел по Судебнику; и в Чердыни де, по их уставной грамоте, емлют на виноватом пошлин с рубля по гривне и пересуд и правой десяток, а с Кайгородцов судных пошлин по уставной грамоте не емлют; и нам бы им о том велети указ свой учинить»³³⁵.

Предлагалось собирать судные пошлины с жителей Чердыни, Соликамска и Кайгорода с рубля по гривне, «да пересуду шесть алтын четыре денги, да правого десятка четыре денги, против Соли Камския (а кто ищет менши рубля, с тех людей пошлины имати по расчету)», после чего судные пошлины предполагалось фиксировать в книги, а пошлинные деньги посылать каждый год «безпереводно, с

---

³³³ Самохвалов С.В. Судебные приставы допетровской Руси (очерк истории развития института судебных приставов в XII-XVII веках) [Электронный документ] // Режим доступа: www.leon-danov.narod.ru/IGU/guXVII-XVII.doc. Проверено 18.09.2013.

³³⁴ Дополнительные статьи к Судебнику, 1607-1609, №85-91 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 114-123.

³³⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о судных пошлинах, май 1606 г., №46 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.103-104.

данными и с оброчными денгами вместе, чтоб в том нашей казне было прибылнее...»³³⁶.

Также новые постановления правительства доводились до сведения воевод. «...Воеводе нашему Дмитрею Романовичу Жукову...чтоб в городех... колодников никого, ни в каких делах, многих дней не держали, а которые колодники сидят ныне в городах... тем колодником учинить нашего Великого Государя указ по Уложению, а по Новым статьям; а каких чинов людем, и кому имяны, и за какие вины, что учинено будет, и о том писать и сделав статейные списки, кто в каком деле и сколь давно сидит, прислать в Новгородской Приказ потому ж, без всякого мотчания и поноворки ...»³³⁷.

Особо рассматривались государственные дела об изменниках. В апреле, мае, августе 1609 г. между пермскими воеводами Федором Петровичем и Наумом Романовичем и вятским князем Ухтомским «об изменнике Павлике и других мятежниках»³³⁸ завязалась переписка, в которой видны способы ведения государственного расследования преступлений («Распросные речи стрельца Лукьянова, о замыслах его возмутить Яранских жителей»).

Интересны прецеденты, которые приходилось рассматривать воеводской администрации. Оживленное участие в смешном с точки зрения современности деле – «о порче будто бы людей посредством икоты»³³⁹ центра свидетельствует о внимании к жалобам жителей Пермского Прикамья.

Житель Чердынского уезда, крестьянин Терентий Васильевич Талев, жаловался на наветы дьячка Онички Кичимова: «в нынешнем до во 114 году, бил челом Оничка и челобитную подал, в Перми Якову Прокудину да подьячему Ивану

³³⁶ Царская грамота в Пермь Великую, о судебных пошлинах, май 1606 г., №46 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.103-104.

³³⁷ Царская грамота Кунгурскому воеводе Димитрию Жукову, о недержании в приказных избах и тюрьмах колодников, и о скорейшем разрешении уголовных и других дел, 29 января 1680 г., №55 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.84-85.

³³⁸ Отписки воевод Пермского Акинфова и Вятского князя Ухтомского об изменнике Павлике и других мятежниках, и Распросные речи стрельца Лукьянова, о замыслах его возмутить Яранских жителей, апрель, май, август 1609 г., №203 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 234-236.

³³⁹ Царские грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 14 июля 1606 г., №66 (I) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.82; Царские грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 16 июля 1606 г., №66 (II) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.82-83.

Федорову, будто бы он [Талев – А.К.] де у того Онички на жену его напустил икоту, а он де Тренка у того Оничка жены его не порчивал и икоты не напускивал». В результате Яков Прокудин и Иван Федоров «без сыску», по ложному челобитию, «норовя Оничке по посулом, на пытке пытали его и огнем жгли, и на пытке три встряски были, и вкинули в тюрьму, и ныне де сидит в тюрьме»³⁴⁰.

По итогам жалобы Терентия Васильева воевода должен был на посаде обыскать «протопопы и попы по священству, а пермичи посадскими старосты и целовальники и всеми посадскими людьми и волостными крестьяны по нашему крестному целованию: Тренка Васильев сын Талев у Оничка Кичимова жену его испортил ли? да будет в обыску обыскные люди скажут, что Тренка Талев у Оничка Кичимова жену его не порчивал, и ты б того Тренку велел из тюрьмы выпустити, да о том отписать, к нам, к Москве, и отписку велел отдати в Четверти дьяком нашим Григорью Елизарову да Нечаю Федорову. Писан на Москве, лета 7114 июля в 14 день»³⁴¹.

Обратим внимание на перечисление лиц, которых необходимо было задействовать для решения этого «важного» вопроса – священников и весь посадский народ, а также крестьян. В этом эпизоде ярко проявляется политика власти, попытка наладить взаимодействие и взаимный контроль воевод и всего мира.

Аналогичное дело рассматривалось по жалобе 16 июля 1606 г. «Бил нам челом Пермитин, Чердынец, посадской человек Семейка Калинин сын Ведерник, на Пермитина ж, на торгового человека на Прокофейка Васильева сына Охлупина, а сказал: в нынешнем де во 114 году, взвел на него тот Прокофейко, будто де он на Лалетина на торгового человека на Богдашка Норицына напустил икоту, а подьячей де Иван Федоров, по Прокофейкове сказке, посадил его в тюрьму; а Петр де Пивов про него в Перми обыскивал, и в обыску де на него некоторого воровства не сказали... Приводили его к пытке двожды, и тот де Прокофейко у пытки от того дела отступился, а его де Семейку посадили в тюрьму, и ныне де сидит в тюрьме. И

³⁴⁰ Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 14 июля 1606 г., №66 (I) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.82.

³⁴¹ Там же. С.82.

будет так, как нам Семейка Ведерник бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Перми на посаде велел обыскати накрепко, протопопы и попы по священству, а посадскими людьми и волостными крестьяны по нашему крестному целованию, опричь Прокофейка и его роду и племени»³⁴².

Предлагалось узнать, Семейка Ведерник «людей портит ли». Если подтвердится, что Семейка Ведерник не причастен к «порче», предписывалось выпустить его из тюрьмы.

В этих двух делах отчетливо видны способы расследования: повальный сыск, опросы местных жителей и пытка обвиняемого, которого отправляли в тюрьму по жалобе. Чтобы освободиться из тюрьмы по несправедливому обвинению, подавали челобитные в «вышестоящие инстанции» – в Москву в Четверть.

Интересен судебный процесс, в Кунгурском уезде в 1697 году об убийстве в пьяной драке. Сначала обвиняемые были «пытаны». Потом от воеводы, разбиравшего прецедент, последовала резолюция – «выписать из указа Великого Государя и из Соборнаго Уложения»³⁴³.

В результате, согласуясь с действующим законодательством, воевода присудил следующее: «...По указу Великого Государя и по Соборному Уложению... по роспросным и пыточным речам, и по розыску сторонних людей, оне де Ооска с товарищи дрались с Савкою Чамовских да с сыном ево Андрюшкою, и от тое драки он, Савка, умер, а Ооска Мосеев в роспросе и с пытки говорил, зашиб де Ооска, ево, Савку, боронясь от себя в драке пьяным делом, а не умышлением, а Афонка и Петрушка и Архипка приличились к той же драке пьяным делом, а не умышлением, и за то их Оосу, и Афонку, и Петрушку, и Архипка, бить кнутом и свободить на чистую поруку с записью, что и впредь ни с кем не дратца, и никаким воровством не воровать, и с Кунгура не бежать; а Андрюшке Чамовских за увечье и

³⁴² Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 16 июля 1606 г., №66 (II) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.82-83.

³⁴³ Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период. Часть вторая (с 1694-1701 г.) / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1887. С.155.

за бесчестье доправить на них на Оске с товарищи, по указу Великого Государя и по Соборному Уложению, и дворы их розпечатать и отдать им»³⁴⁴.

Суд воевода должен был вершить не единолично, а со своей канцелярией. Произвол не поощрялся властями, а рассмотрение дел, не согласованное с остальными участниками аппарата управления, запрещалось Москвой. В царской грамоте князю Семену Юрьевичу Вяземскому от 23 июля 1607 г., кроме выговора за притеснение им вятских торговых людей и ямщиков, обвинений в «дурости и воровстве», строго приказано не вмешиваться в дела вятских людей и судить по справедливости. «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед так не дуровал, Вятских торговых людей, которые приезжают в Пермь с торгом, и ямщиков без вины напрасно не бил и продажи и насильства им не чинил, и ямщиков с яму не розганивал, а под дворы места и пашни и сенные покосы Вятским охотником дал, по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте, безволокидно, которые у Соли Камской есть дворовые места не тяглые и пашня лишняя и сенные покосы безоброчные...»³⁴⁵.

В противном случае власти грозились покарать плохую администрацию: «...А будет вашу розню которому нашему делу поруха, или нашей казне учинится перед прежними годы недобор, и вам от нас за то быть в великой опале...»³⁴⁶.

Часто применялось расследование злоупотреблений предыдущего воеводы. Рассмотрим такой документ – «Царскую грамоту Чердынскому воеводе Веревкину о том, чтобы произвели следствие о насильствах прежнего Чердынского воеводы Бутурлина»³⁴⁷ от 27 ноября 1622 г.

«Бил нам челом... пашенной крестьянин Тиханко Жиряков, а сказал: в прошлом де во 130 году ехал де он Тиханко с Руси в Сибирь, на Устинцу реку, с женою своею и с детми и со всеми животы, и приехал де в Чердынь, и в Чердыни де

³⁴⁴ Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период. Часть вторая (с 1694-1701 г.) / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1887. С.156.

³⁴⁵ Царская грамота в Пермь Великую, князю Вяземскому, с выговором за притеснение им Вятских торговых людей и ямщиков и с повелением производить суд и расправу в Перми вместе с подьячим Леонтием Софоновым, 23 июля 1607 г., №78 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.171-172.

³⁴⁶ Там же. С.172.

³⁴⁷ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о том, чтобы произвели следствие о насильствах прежнего Чердынского воеводы Бутурлина, 27 ноября 1622 г., №114 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.167-168.

воевода Василей Бутурлин прошал у него Тиханка, от пропуска, двадцати рублей денег да дву пудов хмелю да дву выжлецов; и он де Тиханко Василью сказал, что он на Сибири, архиепископов крестьянин, и грамоту де архиепископа и хлебным запасом роспись Василью казал, а Василей де Бутурлин, не веря тому, велел у него Тихонка взяти насильством две кипы архиепископлево хмелю, позорно, обсекши у саней оглобли, и поставил, в таможене, а весом де в тех кипах тридцать пять пуд, и стоял де тот хмель у таможни без призору, и жил де он Тиханко за тем в Чердыни три недели в великом утеснении, и живучи де с женою и с детми проелся, а было де у него на хлеб пятнадцать человек да восемь лошадей, и в той де Васильевой издержке учинилось ему убытка в проести двадцат восемь рублей с полтиною».

В результате действий воеводы Тихон был вынужден дать Василию Бутурлину «два рубли денег, да два пуда хмелю да два выжлеца гончих звериных»³⁴⁸.

Василий Бутурлин после данной взятки отпустил Тихона Жирякова «не в пору, в весну», поэтому Тихон «для вешнего пути заимовал под наш хлебной запас подводы, в прибавку против своих подвод, до Верхотурья, и на волоку де обняла его весна, и ему де с тем нашим запасом ехать было не мочно, и он де для того вешнего пути покинул на волоку нашего хлебного запаса двенадцать четвертей с осминою круп и толокна, ценою на тридцать рублей, да с голоду де у него умерли две лошади, цена двадцать рублей. И с де он нашим с достальным хлебным запасом ехал Верхотурским волоком четыре недели, и помирал голодною смертью; и всего де ему от Василья Бутурлина учинилось убытка... семьдесят рублей с полтиною...»³⁴⁹.

После рассмотрения челобитной Тихона Жирякова новый воевода Веревкин по царской грамоте должен был разыскать в Чердыни на посаде и в Чердынском уезде священнослужителей («архимандриты, и игумены, и попы, и дьяконы»), выборных представителей «миров» («земские старосты, и таможенные головы, и целовальники, и посадские, и уездные всякие люди»), и провести расследование «про все подлинно всякими многими людми накрепко в правду, по нашему

³⁴⁸ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о том, чтобы произвели следствие о насильствах прежнего Чердынского воеводы Бутурлина, 27 ноября 1622 г., №114 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С. 168.

³⁴⁹ Там же.

крестному целованью...»³⁵⁰. Здесь также прослеживаются методы ведения сыскных дел, при которых учитывались свидетельские показания всех жителей.

Предметом особой заботы правительства были ссыльные, за которыми должны были следить великопермские воеводы. Самый известный эпизод связан со ссылкой дяди первого царя из династии Романовых в Ныроб. Впрочем, и за менее титулованными особами воеводы должны были приглядывать строго, иначе из центра следовал разнос.

«Сарычу Никитичу Линеву... писал к нам из Чердыни Феодосей Философов, что, по нашему указу, велено ему быть Цесарские земли у Немчина у Адама Дорна и у людей его в приставех, и велено ему к нему держать береженье и над сторожи, которым велено быть у Немчина у Адама и у людей его, велено ему надzirати, чтоб они, будучи на стороже, не воровали, в день и в ночь были безотступно; а которые сторожи учнут воровать и на стороже не будут, и тех велено бить батоги и сажати в тюрьму; и которые де сторожи, будучи у Немчина у Адама и у людей его на стороже, воруют, по многие дни на стороже не бывают, и он их бив батоги посылает в тюрьму, и ты де тех сторожей в тюрьму сажать не велишь, а отказываешь ему, что тюрьма поставлена на татей да на розбойников, а не на сторожей... И ты б их в тюрьму сажать велел, а не отказывал; а только вперед так станешь плутать, и тебе от нас быть в опале...»³⁵¹.

Центр следил за делами, которые касались поставок в Сибирь. Вмешательство Москвы происходило в случае особо ярких эпизодов. Например, когда происходили конфликты между городами по поводу подводных лошадей³⁵².

В воеводские обязанности входило и содействие присланным из центра следователям. «...Воеводе нашему Христофору Федоровичу Рыльскому... По нашему указу посланы в Пермь Великую, в Чердынь, и в Кайгородок, и к Соли

³⁵⁰ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о том, чтобы произвели следствие о насильствах прежнего Чердынского воеводы Бутурлина, 27 ноября 1622 г., №114 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.167-168.

³⁵¹ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о принятии в городскую тюрьму, за вины, караульщиков ссыльного Немца Дорна, 24 марта 1630 г., №163 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.290-291.

³⁵² Царская грамота Чердынскому воеводе Никите Телегину, о явке к судному делу в Москву выборных Чердынцев и Усольцев по жалобе Кайгородцев о захвачении ими трехсот подводных лошадей, 27 сентября 1635 г., №187 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.343-344.

Камской ... Яков Загряской да подьячей Иван Качалов, для сыску татей и розбойных поимки и их животов; а с ними указано быти Устюжским стрельцом, а в прибавку им Якову и подьячему имать с собою посадских и волостных людей, с ратным боем, сколько будет человек пригоже...»³⁵³.

Воеводе Якова и подьячему Ивана «в татинных и в розбойных делах» было велено «слушати и для татинных и розбойных поимки и для татинных и розбойных животов сыску, велел давать, где им по наказу надобно, розсылщиков, и пушкарей, и затинщиков, и посадских людей и сошных всяких людей, со всяким ратным боем, сколько будет человек пригоже, смотря по тамошнему делу...»³⁵⁴.

Также воевода рассматривал споры между крестьянами и монастырем. «Воеводе нашему Дорофею Емельяновичу Остафьеву. Бил нам челом с Плеса, меж Чердынн и Кайгородка, что над Камою рекою, Троецкой Варламовы пустыни чернец Иона, а сказал: был де в той пустыне Троецкой старец Варлам, и в прошлом де во 119 году того строителя разбойники замучили до смерти и церковное всякое строенье розграбили, и после того та пустынка стояла впусе много лет; и после де того учал в той пустынке быть старец Александр, и как были в Перми писцы, Михаил Кайсаров с товарищи, и тое де пустынку, по челобитью старца Александра; от Гаенския полусошки и от иных тяглых земель отмежевали, и межи учинили, и выпись с книг тому старцу те писцы ему дали; и ныне де те Гаенской полусошки крестьяне, без нашего указа, накладывают, на ту Троецкую пустынку тягло да и в мирские росходы их притягивают»³⁵⁵.

В результате от «насиельства и обиды тот монастырь пустеет». В приказе предложили воеводе не притягивать монастырь в тягло, чтобы он не пустовал, решив дело общим сходом представителей монастыря и крестьян Гаенской общины.

Особого внимания заслуживает суд местного нерусского населения. Если, осуществляя судебные функции по отношению к русскому населению, воеводская

³⁵³ Царская грамота Чердынскому воеводе Христофору Рьльскому, о содействии Якову Загряжскому и Ивану Качалову, посланных в Пермь для поимки татей и разбойников, 7 октября 1636 г., №194 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.348-349.

³⁵⁴ Там же. С.348-349.

³⁵⁵ Царская грамота Чердынскому воеводе Дорофею Остафьеву, о рассмотрении спора о землях между Троицей Варламовой пустыню и крестьянами Гаенской волости, 31 марта 1639 г., №202 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.356.

администрация руководствовалась общероссийским законодательством, то известно, что четкого законодательного оформления суд над «иноверцами» и ясачным населением не получил. Е.В. Вершинин отмечает, что еще известны прецеденты, когда судились русские с местным нерусским населением³⁵⁶. Судебные дела между нерусскими народами не получили разработки в законодательстве XVII в. Но определенные моменты необходимо отметить.

Воеводы при принятии решения руководствовались непосредственно судебным прецедентом, как правило, ссылаясь на общерусские нормы права. Сложнее было рассматривать дела относительно споров между «инородцами» и русским населением, тем более, если речь шла об уголовных преступлениях; в этом случае судебная компетенция воевод ограничивалась при вынесении решения приказом, особенно если преступления были совершены «инородцами» против русского населения.

Присутствует четкая правительственная установка вершить суд мягко, без жестоких приговоров, по возможности согласуя с нормами обычного права местного нерусского населения, чтобы не отпугнуть их от уплаты ясака. Зато русские служилые, в случае причинения обид местному населению, карались жестоко.

Рассмотрим уже упоминавшийся документ – «Царскую грамота Чердынскому воеводе Веревкину о дозволении Сылвенским и Иренским Татарам платить ясак в Чердыни» от 27 октября 1623 г. «...Вы б [воевода] про тех целовальников, которые с тех Сылвенских и Иренских Татар наш ясак собирают, про их насильство всякими сысками велели сыскать накрепко: да будет целовальники ясачным Татаром какие обиды и насильства чинить, и вы б им велели за то чинить наказанье, смотря по вине... а будет учнут целовальники их ясачных татар судить и ясак собирать не по правде, и посулы и поминки учнут себе имати, и им быти от нас за то в великой опале и в смертной казни...»³⁵⁷.

---

³⁵⁶ Вершинин Е.В. Указ. соч. С.134-135.

³⁵⁷ Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о дозволении Сылвенским и Иренским Татарам платить ясак в Чердыни, 27 октября 1623 г., №125 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С. 196.

Интерес вызывают и так называемые прецеденты, то есть случаи, в которые вмешивается центр ввиду их необычности. В отличие от сибирских городов, в части которых вспыхивали восстания, сопровождаемые многочисленными челобитными³⁵⁸, по документам в Пермском Прикамье таких ярких случаев не возникало. Случались конфликты воеводской администрации с миром, как правило, по самой распространенной причине – злоупотреблениям администрации, ставшей уже притчей во языцех в литературе.

В 1671 г., на почве жестоких притеснений населения расквартированным в Кунгуре гарнизоном из Казани, вспыхнуло волнение. По уезду прошел слух о царском указе, по которому якобы разрешалось перебить всех начальных и служилых людей. Кунгуряки стали нападать на дворы, где стояли служилые люди, и на заставы по дорогам. «Только арест зачинщиков привел к прекращению волнения»³⁵⁹.

По мнению исследователя С.Ф. Николаева, большое разорение терпели кунгуряки от местной администрации. Воеводы, подьячие творили произвол – брали взятки, заставляли крестьян бесплатно работать на своих землях, негодных избивали, бросали в тюрьму.

Особенно притеснял население воевода Степан Сухотин. Он «в деловую страдную пору крестьян держит у себя на сенном покосе в работе недели по две и по три. А иных кунгурских крестьян мучит, за караулом держит и в тюрьму сажает безвинно», – жаловались кунгуряки в Новгородский приказ³⁶⁰. Толку от жалоб не было: главное – поступление тягла – воевода Сухотин обеспечивал, а все остальное сходило ему с рук. Кунгуряки все-таки надеялись, что правительство примет меры и снова писали: «А ныне он, воевода, надеясь неведомо на какую мочь, чинит обиды и разорения и взятки берет нападками своими больши прежняго»³⁶¹.

Особняком стоит восстание в Кунгуре в 1703 г. Внешним поводом для выступления крестьян был приезд верхотурского воеводы Алексея Калитина с

³⁵⁸ Покровский Н.Н. Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. С.171-329.

³⁵⁹ Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 18.

³⁶⁰ Там же. С. 17.

³⁶¹ Там же.

группой служилых людей в Кунгур 2 июля 1703 г. с целью проверить, как крестьяне уезда исправляют повинность по добыче руды. «Кунгуряки хорошо помнили Калитина, своего бывшего воеводу, большого вымогателя. Приезд воеводы, его указания на месте усилили брожение крестьян»³⁶².

В некоторых селах возникла мысль расправиться с ненавистным воеводой и захватить Кунгур. Инициаторами «бунта» выступили крестьяне Сидор Попов и Авдей Пигилев. 18 июля несколько сот крестьян уезда, вооруженных луками, копьями, косами, подошли к Кунгуру. Перепуганный воевода послал к крестьянам представителей местной власти, уговорить их разойтись. Крестьяне не расходились, однако они не использовали имевшуюся у них возможность ворваться в город. По приказу воеводы на земляной вал выкатили пушки, раздалась команда, и ядра полетели над головами собравшихся крестьян.

Крестьяне заколебались, отошли к Орде, но дороги оставили под своим контролем. Калитин обратился к татарским сотникам с просьбой собрать своих людей и прийти к нему на выручку. К воеводе пришли всего 7 человек. Как уже упоминалось в первой главе, восстание не закончилось смертью воеводы. 23 июля Калитин тайком бежал из Кунгура в строгановскую вотчину Серьгу.

Восставшие рассчитывали расправиться с воеводой и служилыми людьми. Кунгурское восстание потерпело неудачу. После восстания кунгуряки обратились к правительству с несколькими челобитными, уверяя, что выступление крестьян не было бунтом, что воевода Калитин обвинил крестьян в бунте из чувства мести. Кунгурякам удалось добиться изъятия Кунгурского уезда из ведения кунгурских воевод.

В городе было сохранено учрежденное в 1700 г. бурмистерское управление, в чем было очень заинтересовано купечество. Второе, чего удалось добиться, – население временно было освобождено от повинности по добыче руды.

Итак, можно сделать вывод, что судебные полномочия администраторов в наказах четко не определены, и только по другим источникам (царским грамотам, отпискам) можно представить картину воеводского суда.

---

³⁶² Николаев С.Ф. Указ. соч. С. 19.

В результате анализа судебных грамот, наказов и других документов, можно сделать вывод, что суд в Пермском Прикамье был сходен с судом в Сибири. Судные дела поручались воеводской администрации при необычайно широкой компетенции воеводы.

С другой стороны, на местах (это есть специфика Пермского Прикамья по сравнению с Сибирью и сходство с европейской частью России) действовали выборные судьи. Суд над «иногородцами» осуществлялся достаточно мягко, опять же в русле сибирских тенденций.

В результате анализа во второй главе автор диссертации делает следующие выводы:

Государственное управление в Пермском Прикамье находилось в руках воевод, которые свои функции должны были осуществлять «сообща», вместе с дьяками, через особое учреждение – приказную избу.

В процессе осуществления приказами управленческих функций в их деятельности широко употреблялась служебная переписка, в которой были регламентированы наиболее типичные управленческие ситуации. В случае возникновения прецедентов следовала новая грамота с подробным описанием решения проблемы.

По наказам и грамотам прослеживаются следующие основные функции воевод:

- военные (набор войска, охрана крепостей);
- судебные;
- административно-хозяйственные (управлять территориями, осуществлять межевание);
- административно-полицейские (расследование);
- прочие функции (постройка дорог, доведение до населения содержания грамот).

В конце XVI в. первые воеводы выступали, прежде всего, как военачальники, призванные осуществлять борьбу с иногородцами, участвовать в подавлении сопротивления коренного населения.

Особенно важными были военные функции, оборона русских поселений. Москва требовала от воевод в первую очередь увеличения поступления сырья, прежде всего пушнины, налогов, расширения поставок хлеба.

В понятие военные функции воевод в данной части включены не только непосредственно охрана уездов, но и сбор ратных людей и взаимоотношения с целью обороны с другими воеводскими канцеляриями.

По мнению автора диссертации, объем власти воевод был очень широк, по сравнению с деятельностью воевод центральной части Российского государства. Но качество реализации властных полномочий не всегда отвечало требованиям времени. Несмотря на широту полномочий, у воевод часто не было реальных административных или других властных ресурсов, чтобы эффективно выполнять свои функции.

Именно этот недостаток воеводской власти послужил, по мнению ряда историков, причиной проведения губернской реформы в первой четверти XVIII в., когда потребовалось быстро и решительно бороться с различными проявлениями недовольства, взыскивать налоги, осуществлять наборы в армию, проводить предписанные из центра преобразования. Приказные избы были ликвидированы, их функции были распределены между губернскими и воеводскими канцеляриями, магистратами, судами и другими вновь созданными учреждениями.

Военные функции воевод и голов являлись одними из основных в период становления административной власти в Пермском Прикамье, когда приходилось изменять систему местного управления. В целом же в Пермском Прикамье основной функцией воеводы было административно-хозяйственное обеспечение управления, в отличие от Сибири, где был сделан акцент на военные функции.

На прикамских воевод возлагалось обеспечение судопроизводства, начиная с вызова истца и ответчика в суд, и заканчивая вынесением приговора, который во многом зависел от воли администраторов.

Автор считает, что функции воевод сравнительно слабо менялись в течение XVII столетия. Это были в первую очередь обязанности по сбору центральных и местных налогов, осуществление судопроизводства, охрана порядка; в Пермском

Прикамье важной воеводской обязанностью являлось стимулирование земледельческого, хозяйственного освоения нового края – оказание государственной помощи, предоставление налоговых льгот пионерам земледельческой колонизации, позднее – поиск ценных руд, все новых видов сырья для вывоза, стимулирование торговли и промыслов.

Во второй половине XVII в. на первое место выходят административные и судебные функции.

Глава 3. Воеводская администрация и «мир» в XVII в.

3.1 Общие тенденции развития взаимоотношений «миров» и воеводской администрации

Управление на местах с помощью выборных людей составило целый этап в развитии местного управления Российского государства. Такое управление существовало и в Прикамье. В XVII в. во главе Чердынского и Соликамского уездов стояли особые земские старосты, занимавшиеся управлением, как в городе, так и в уезде.

Земская реформа усилила значение органов самоуправления на территории Урала, сделав их автономной и равноправной формой местной власти по отношению к другим ее видам. Особенно это было характерным для Перми Великой, где мирские традиции оказались более прочными, а процессы бюрократизации и централизации аппарата управления оставались менее развитыми. В управлении уездами Русского государства XVII в. мирская организация и воеводское управление являлись двумя взаимодополняющими механизмами власти.

В середине XVI в. в Русском государстве проводилась земская реформа, которая была распространена на приуральские земли. По распоряжению деятеля Избранной рады А.Ф. Адашева 26 декабря 1553 г. жителям Перми Великой по их челобитью была дана новая уставная грамота. Права наместников были ограничены, размеры «корма» четко фиксировались, сбор дани и корма был возложен на выборные органы самоуправления, а земские старосты и целовальники избирались от «всех градских людей и сельских» из числа «добрых» или «лучших»³⁶³.

В Пермском Прикамье преобладали районы черносошного землевладения, а общинная организация пронизывала все уровни административно-территориальной

---

³⁶³ Цит. по: Оборин, В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. –Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 146.

структуры (от волостного до всеуездного), за исключением территорий, принадлежавших Строгановым. Несколько иная ситуация наблюдалась в Сибири. Наряду с посадскими и крестьянскими «мирами» здесь существовала сословно-корпоративная организация служилых людей – «войско».

Основной единицей обложения уже в переписи 1579 г. стала «соха» – мера земельной площади в зависимости от качества земли в сельской местности и определенное количество дворов в городах. По мнению В.А. Оборина, введение поземельного обложения было связано с ростом земледельческого освоения края. «Фактически наместники переводились на денежное жалование, собранное с жителей уезда»³⁶⁴.

В центральной части Русского государства, роль и значение общин ввиду сильного приказного начала оставались слабее. С конца XVI в. Москва все отчетливее проявляла раздражение по отношению к «мирам», на которые всецело не могла положиться в вопросах фискально-полицейского характера. События Смуты временно приостановили процесс их дальнейшего подчинения государству. Имеются все основания утверждать, что в Пермском Прикамье подлинными хозяевами края являлись «миры».

В Сибири в силу отдаленности от основных эпицентров гражданской войны непрочность центральной власти чувствовалась слабее. Более развитая централизация и бюрократизация системы управления, зависимость от хлебных поставок и общая угроза восстания коренного населения сплачивали власть и общество, не позволяя последнему возвыситься над первым. Именно «за Камнем» с особенной очевидностью проявилась роль воеводской администрации, как проводника правительственной политики, так и гаранта территориальной целостности государства: проводимые ей трезвые и продуманные мероприятия позволили закрепить край за Россией и не допустить масштабного выступления ясачных инородцев»³⁶⁵.

---

³⁶⁴ Оборин, В. А. Указ. соч. С. 146..

³⁶⁵ Семенов О. В. Указ. соч. С. 20.

Центральными органами управления в Российском государстве были Земские Соборы. Наиболее важные проблемы, кодифицирующие нормы, реформы обычно предварительно обсуждались и утверждались Земскими Соборами. Центральными органами исполнительной власти (осуществлявшими и ряд судебных функций) с конца XV в. до конца XVII в. были приказы. Как упоминалось ранее, изначально они строились по функциональному признаку (внешние сношения, военное дело, финансы, кадровые вопросы, пресечение преступности, распоряжение земельным фондом и т.д.); в этом смысле приказы приблизительно соответствовали петровским коллегиям и александровским министерствам.

В XVI в., наряду с такими приказами в Москве, стали возникать центральные ведомства, управлявшие некоторыми регионами. Сибирь сначала как новый край России управлялась Посольским приказом, а с 1599 г. – Приказом Казанского дворца, который ведал всеми восточными окраинами страны.

Воеводы являлись представителями административной властной вертикали в городах России. Их назначение реально зависело от царя с Боярской Думой, Разрядного приказа, ведавшего кадровыми назначениями, и территориальных приказов.

«Миры» находились в сложном взаимодействии и одновременно противостоянии с сословно-представительными учреждениями в центре и на местах. По мнению Н. Н. Покровского, центральная власть Московской Руси всегда очень опасалась, как бы присылаемые из столицы чиновники не стали слишком самостоятельными на почве возникновения общности интересов с верхушкой местного общества. «Центральная властная вертикаль стала поэтому вскоре делиться на две части: присланные из Москвы временные начальники и все расширяющийся слой мелких и средних чиновников из местного населения – писцы, подьячие, дьяки. Последние служили в одной канцелярии по двадцать – тридцать лет и более, прекрасно овладев всеми корыстными уловками, тактикой прикрытия,

породнившись с наиболее влиятельными семьями верхушки местного общества»³⁶⁶. Среди них было немало специалистов управления.

Каждый из уездных или волостных «миров» в соответствии с теми или иными выполняемыми функциями вел документацию. Земские «миры» базировались на двух началах – выборе мирских властей и самоуправлении. Важной функцией последнего было самофинансирование практической деятельности миров, и в нем участвовало каждое крестьянское хозяйство.

Акты выбора мирских должностных лиц утверждались воеводами и московским приказом-четвертью, тем самым мирские представители получали правительственную санкцию на свои полномочия. Е.Н. Швейковская подчеркивает, что, несмотря на это, государственная власть не посягала на основы земской жизни, не вмешивалась во внутренние порядки миров, сохраняя их легитимность³⁶⁷.

Назначаемые из Москвы чиновники, бояре и дьяки вскоре также составили тесно сплоченный слой благодаря родственным и иным связям с руководством Сибирского приказа, а подчас и с царским семейством. Приведенные в параграфе 1.2 примеры деятельности воевод свидетельствуют об этом.

Правительство прибегало к двум основным способам контроля воеводской власти: через церковную и через мирские (земские) организации. Например, в 1621 году в Сибири была создана Сибирская епархия, ее первый глава архиепископ Киприан получил от царя наказ следить за всей деятельностью местных воевод и сообщать о ней царю. В течение второй половины XVII в. центральная власть, опасаясь чрезмерного усиления церкви и появления второй властной вертикали, ограничивала подобную практику, а к концу XVII в. запретила ее.

В Пермском Прикамье использовался в основном земский, мирской контроль над деятельностью местной правительственной власти. Возник он вместе с возникновением Московской Руси, первые дошедшие документы относятся к концу XIII в. (Двина). В XVII в. в каждом сибирском городе существовали общины

---

³⁶⁶ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

³⁶⁷ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М.: Индрик, 2012. С. 290.

служилых людей (казаков), горожан, крестьян. Подобным же образом было организовано представительство родовых и феодальных структур местного нерусского населения.

Государство использовало в XVI–XVII вв. как ямских старост с таможенными головами и кружечными целовальниками, так и органы посадского и крестьянского самоуправления в качестве низшей структуры государственной административно-судебной системы. Земские старосты и целовальники также имели функции, сходные с воеводскими, но не в том объеме, как воеводы: фискальные, полицейские, судебные. Земские старосты и целовальники избирались на свои земско-государственные должности населением, при этом неся материальную ответственность за неправильное исполнение обязанностей.

Е.Н. Швейковской была установлена определенная соподчиненность между центральным четвертным и местным воеводским управлением. Воевода, проводник центральной власти, поручал, а нередко понуждал земских управителей к конкретным действиям, связанным с государственными и внутренне присущими земским мирам делами. «Вместе с тем он был не лишен стремления, используя свои властные прерогативы, привлекать местное население для удовлетворения своих хозяйственных нужд³⁶⁸.

В конце XVII в. Московское государство имело сложившуюся систему органов центральной и местной правительственной администрации. «Главные сословия общества – за существенным вычетом частновладельческих крестьян, холопов и гулящих людей – были представлены на разных этажах механизма государственного управления: монархическая власть, вроде бы ничем не ограниченная, на деле могла функционировать, лишь опираясь на сословно-представительные учреждения общества»³⁶⁹.

Посадское население формировалось за счет переселенцев из поморских и центральных русских городов, местного и пришлого крестьянства. Писцовые книги и акты называют их «посадскими и торговыми людьми» и выделяют среди них

---

³⁶⁸ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997. С. 231-258.

³⁶⁹ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

«лучших», «средних» и «молодших»³⁷⁰. Они платили государственные налоги в денежной форме со двора, денежные оброки с торговых и ремесленных заведений, дань с посадских пашен и сенокосов. Города принимали участие в отправлении «сибирских отпусков», ямской гоньбе, строительстве дорог и укреплений.

Как отмечает Н.Н. Покровский, мирской староста, сотский, десятский, целовальник, не выбранный всеми дворохозяевами общины, а назначенный сверху, был явлением абсолютно невозможным. На практике в Пермское Прикамье правительство могло отправить грамоту о смене выборной должности по своим соображениям. Иногда власть вмешивалась в выбор должностных лиц на местах, особенно в случае неэффективной работы последних. «...Сидит в подьячих у нашего таможенного и кабацкого збору Чердынец Калинко Еремеев тяглой человек, а с мирскими людьми службе не служит многие годы. Нам его пожаловать...»³⁷¹. В грамоте предполагалось заменить целовальника другим, который представлялся правительству более надежным. У государства постепенно формировалось представление о старостах и целовальниках как собственных агентах. На это указывают попытки приказных властей вмешаться в процедуру мирских выборов, а то и заменить их централизованным назначением.

«Любиму бы в Перми в Чердыни у таможенного и кабацкого збору в подьячих на ево Калинкино место наши таможенные велеть бы ему дать потому ж... И как к тебе ся наша грамота придет... Ты б на ево место у таможенного и кабацкого збору велел быть Любиму Онохову и оклад учинил ему и с Калинкиного окладу Еремеева смотря по иво работе»³⁷². Усилению позиций правительства в провинции во многом способствовало предоставление должностным лицам «миров» дополнительных казенных полномочий.

Освоение Сибири было невозможно без повседневного тесного сотрудничества между обеими властями – правительственной и земской, одна без другой мало что могли сделать. Например, существовал свой порядок заведения новых поселений. Получив соответствующее распоряжение от центрального

³⁷⁰ Оборин, В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 155..

³⁷¹ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 796.

³⁷² СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 796.

правительства, воевода санкционировал создание новой общинной организации в создаваемом поселении. «После чего воеводский чиновник вместе с мирским старостой производят отвод земель, лесов, первоначальную планировку поселения, договариваются о налоговых льготах и государственной экономической помощи новопоселенцам. Первым определяется место для церкви»³⁷³.

Центральная власть опасалась того, что присылаемые из столицы чиновники могут стать самостоятельными, войдут в контакт с представителями мира. По словам Н.Н. Покровского, «боролись с этим традиционным способом: воеводу и главного дьяка каждого города сменяли через два – три года (конечно, за этот короткий срок приезжие пытались выжать для себя из управляемых все, что только могли)»³⁷⁴.

Необходимо выделить источники, которые характеризуют взаимоотношения воеводской администрации и «миров». Исследуя этот важный аспект управления, автором по большей части использовались деловая переписка и законодательные акты, наказные грамоты, которые отсылались в Пермское Прикамье и обратно. Приходо-расходные книги «миров» дают возможность изучить характер взаимоотношений между населением и государственной властью.

Составлялись грамоты либо в случае изменения различных аспектов системы управления и сборов (например, в начале царствования Петра I³⁷⁵), либо в частных случаях – когда надо было указать способы взаимодействия в конкретной местности, в данном случае – в Пермском Прикамье. Последнее могло касаться самых частных эпизодов, вроде назначения жалованья целовальникам и головам.

По мнению О.В. Сергеева, «в условиях пестрого административно-территориального устройства отличались малочисленностью кадры съезжих изб, отсутствовали устойчивые и однообразные формуляры официальной документации, не было определенной системы в комплектовании приказного аппарата, четких

---

³⁷³ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Царская грамота Кунгурскому воеводе Алексею Калитину, о предоставлении земским старостам и целовальникам сбора стрелецких, оброчных и других денег, и о невмешательстве в распоряжения по означенным сборам воеводы, 2 мая 1698 г., №274 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С. 496-501.

сроков деятельности воевод и их «товарищей», слаженной иерархической соподчиненности между различными должностными лицами, которые, к тому же, далеко не всегда неукоснительно выполняли правительственные предписания»³⁷⁶.

В Пермском Прикамье были регламентированы и сроки деятельности воевод, и документация, и основные механизмы взаимодействия с «мирами». В случае возникновения «нештатной» ситуации воеводы руководствовались грамотами центрального правительства.

В Сибири «миры», по сравнению с Пермским Прикамьем, более тщательно следили за деятельностью правительственных чиновников, отстаивали свои права и экономические интересы, доводили до Сибирского приказа свое обоснованное мнение о профессиональной пригодности воевод, дьяков, подьячих. В начале 1640-х гг. тобольская казачья община добилась того, что все продвижения по службе и назначения на командные должности воевода рекомендовал Москве лишь после соответствующих решений общины. «Если взаимопонимания достигнуть не удавалось, а особенно если воевода в традиционных вопросах профессиональной компетенции миров стремился действовать в обход общинных властей, общины прибегали к праву составления жалобы на имя государя»³⁷⁷.

Издавна местные управители имели право «кормиться» за счет подвластного им населения. Как пишет Н.Н. Покровский, «каждый новый назначенец получал особую грамоту с точной фиксацией всех «кормов» для него самого и его административного штата. Второй экземпляр этой грамоты получали местные земские миры. Но к середине XVI в. была завершена реформа, отменившая «кормления». Отныне чиновники местной администрации получали ежегодное жалование из центральной московской казны в строго фиксированных размерах, а население платило в эту казну специальный налог, «кормленный окуп». Вместе с тем вековая традиция, так или иначе «кормиться» за счет подвластного населения, оказалась поистине неистребимой в чиновничьей среде»³⁷⁸.

---

³⁷⁶ Семенов О. В. Указ. соч. С. 19-20.

³⁷⁷ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

³⁷⁸ Там же.

Вопрос о кормлении воевод рассматривался на материалах русского севера Г.П. Ениным³⁷⁹ и Е.Н. Швейковской³⁸⁰. Кормление воевод в данном случае – это те или иные сборы с местного населения на содержание штата управленцев на местах, а, зачастую, и родственников и слуг воевод. Г.П. Енин кормление рассматривает «как единый феодальный способ содержания органов государственного, церковного и вотчинного управления и суда»³⁸¹, действующий на протяжении многих веков, с конца XII в. по XVIII в.

Г.П. Енин в своем исследовании рисует подробную картину воеводских кормлений и злоупотреблений со стороны воевод. Автор анализирует различные виды кормов: праздничные, связанные с текущими нуждами воевод, расходы на содержание семей воевод и т. д. Величина кормов и почестей, как воеводе, так и его слугам зависела от значимости праздника или важности мирского дела. Для воевод они состояли из натуральных — мясных, рыбных и других продуктов, готовых хлебов, а также денег. Слуги одаривались деньгами.

Сходной точки зрения придерживается Е.Н. Швейковская, которая считает, что в воеводстве как виде службы «сливались сословные обязанности и личные интересы феодала «покормиться» за счет местного населения»³⁸², в силу чего воевода оказывался как бы над штатом руководимой им приказной избы. Е.Н. Швейковская подробно рассматривает размер кормов и почестей. По ее мнению, к четырем наиболее значимым годовым праздникам, именинам царя и близких членов его семьи, при решении дел, затрагивающих интересы всех мирских людей, естественно, подношения были наибольшими. Другие праздники отмечались и меньшей почестью. По мнению Е.Н. Швейковской, поскольку в воеводстве соединялись служилые обязанности и личные интересы, «то крестьян и посадских в управляемом уезде воевода воспринимал как неполноправных и относился почти также, как к своим вотчинным»³⁸³. Несмотря на это, воевода и приказная изба осуществляли правительственную власть во вверенном округе.

³⁷⁹ Енин Г.П. Указ. соч.

³⁸⁰ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М.: Индик, 2012. – 368 с.

³⁸¹ Енин Г.П. Указ. соч. С.8–10.

³⁸² Швейковская Е.Н. Указ. соч.. С. 292.

³⁸³ Швейковская Е.Н. Там же. С. 293.

Е.В. Вершинин в работе, посвященной воеводскому управлению в Сибири XVII в. пишет, что воеводскому аппарату были также присущи новые черты, отличавшие его от управления предшествующего периода³⁸⁴. Например, воеводы получали денежное жалованье, которое способствовало вовлечению дворян в профессиональное управление, и отрыву государственной службы от содержания ее населением. С другой стороны, воеводы были не прочь покормиться за счет местного населения.

Полные сведения о воеводских доходах от кормления привести невозможно, поскольку неизвестны расходные книги посадских и волостных старост за все годы существования воеводского управления в Пермском Прикамье. Анализируя источники, можно прийти к выводу, что система воеводского кормления в Пермском Прикамье существовала. Рассмотрим отдельные эпизоды, которые характеризуют взаимодействие воевод и «миров» по вопросу содержания воеводского двора.

Обычно воеводы отправлялись к месту службы с женами, детьми, иногда боковыми родственниками. Навещавшие воевод семьи родственников также состояли из супружеской пары с детьми. Воевода, прибыв к новому месту службы, принимался за благоустройство двора, рассчитывая на помощь «мира». Расходы на ремонтно-строительные работы оплачивал «мир» из своей кассы.

Для «миров» в Пермском Прикамье сотрудничество с воеводами, приказами, было одной из многочисленных функций. Государственная власть была заинтересована в первую очередь в фискальной и распорядительной деятельности «миров»³⁸⁵. Конфликтность отношений между правительственной и земской властями во всей России, включая Сибирь, особенно возросли к середине XVII в. в связи с ростом крепостнических тенденций в правительственной политике. Миры сопротивлялись давлению правительства, особенно в период Смуты. События Смуты приостановили процесс дальнейшего подчинения «миров» государственной власти.

---

³⁸⁴ Вершинин Е. В. Указ. соч.

³⁸⁵ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 141.

Результатом сопротивления «миров» были восстания, подробно освещенные в работе В.А. Александрова и Н.Н. Покровского³⁸⁶. В Томске в 1648–1649 гг. восставшие, арестовав царского воеводу князя Осипа Щербатого, управляли городом целых 16 месяцев. Потом восставшие добровольно передали управление присланному из Москвы новому воеводе. Авторы отмечают тот факт, что все это время в городе действовало мирское самоуправление, при этом исправно действовали все городские службы – таможенная, финансовая, сбор и отправка ясака. Москва исправно выплачивала денежное, хлебное и соляное жалование восставшему городу. «Своим обычным чередом шла традиционная казачья служба, велись дипломатические сношения с порубежными владетелями. После конца восстания долгое московское следствие установило зачинщиков. В ходе этих бурных событий томские миры страстно надеялись на поддержку царя. В Москву, к царю были направлены целых четыре делегации от основных сословий русского и нерусского населения Сибири»³⁸⁷.

В Пермском Прикамье интересны эпизоды взаимодействия А.В. Ростовщикова (солепромышленника), Строгановых, воеводы Соликамска и «мира».

Конфликт описывает исследователь М. В. Богданов³⁸⁸. А.В. Ростовщиков сблизился с Г.Д. Строгановым. Во время спора за землю, на котором располагался Ленвенский соляной промысел братьев Шустовых и Остафия Филатьева, он поддержал притязания Строганова и встал на его сторону против соликамских посадских. За это А.В. Ростовщиков был в 1697 г. не в очередь выбран соликамцами таможенным головой в Якутск. Но он знал, что такое Сибирь, не понаслышке, и возвращаться туда не собирался. Он обвинил земского старосту Николая Сапожникова и посадских людей Ивана Суровцева и Михаила Ксенофонтова в фальсификации мирского выбора и опротестовал это решение. Начавшееся в связи с этим дело было решено в пользу Александра Ростовщикова, он не поехал в Иркутск. «Миры» потерпели поражение.

---

³⁸⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 141.

³⁸⁷ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

³⁸⁸ Богданов М. В. Соль Соликамска – Соликамск, 2010. С. 46.

Взаимоотношения воеводы с «мирами» включало в себя, конечно, и выполнение воеводами своих основных функций – административно-хозяйственной, судебной и военной, рассмотренных в соответствующей главе. Поэтому показывая механизм сосуществования воеводской администрации с сельскими «мирами» и посадом в Пермском Прикамье, автор диссертации останавливается более на аспектах взаимодействия выборной и воеводской администрации, частично фискальной функции, частично конфликтах и кормлениях воевод, без описания которых невозможна характеристика взаимоотношений воеводы и «мира».

3.2 Мирские организации и воеводская администрация: направления взаимодействия

В первой половине XVII в. прослеживается правительственная линия, направленная на подавление автономии и самостоятельности «миров».

Первый и главный момент, в котором пересекались «миры» и воеводская администрация, касался обязательных и чрезвычайных денежных сборов. Количество известной документации по раздаче хлебного, денежного, соляного жалованья, по сбору и отправке ясака, переписка для бесперебойного функционирования финансовой и административной системы значительно превышает численность других документов, характеризующих воеводское управление (см., например, статистические данные, приведенные в пункте 2.1).

Хронологически обязанности «миров» в течение XVII в. изменялись. Если применительно к началу века необходимо было денежное довольствие и войско, то к середине – концу XVII в. больше внимания уделяется хозяйственным делам.

В период военных действий и Смуты потребность в войске и деньгах ощущалась особенно остро. В результате составлялись грамоты, в которых предлагалось выслать казну без задержек, например, царская грамота в Пермь Великую князю Семену Юрьевичу Вяземскому «о скорейшей присылке в Москву денежной казны» от 10 марта 1607 г. В ней «от Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии» предписывалось «есмя взяти с Перми, с Чердыни и с

Кайгородка и с Усолья Камского, с посадов и с уездов, для нашея нынешнея службы, за ратных людей, против прежнего, за 70 человек, денгами, к зимнему походу, на три месяцы, на нашу службу, по меньшому по два рубли на месяц за человека...»³⁸⁹.

В центральных уездах ратные люди нанимались чаще, но Пермское Прикамье, которое активно заселялось только со второй половины XVI в., требовало особого отношения. Поэтому власти предпочитали ограничиваться сбором денежных средств, а войска просили прислать только в крайних случаях, рассмотренных в главе 2. «...А ратных людей с Перми пожаловали есми имати ныне не велели, для того, что им Пермичам ратные люди наймом ставятся дорого, против того втрое и больше; и для тех денег послан в Пермь недельщик Дружина Непейцын... Ты б тотчас с посадов и с уездов, с посадских людей и с волостных крестьян, за ратных людей, за 70 человек, для нашей службы, к нынешнему зимнему походу на три месяцы, но два рубля в месяц за человека, собрал тотчас, а в тех в Пермском, даточным, людей место велели есмя наняти охочих людей на Москве, по городам...»³⁹⁰.

Воевода отвечал перед Москвой за сбор средств с «миров», посадских жителей и крестьян на снаряжение ратников. Выполнение полномочий старост и целовальников отрывало последних от рядовых общинников. «...А Пермичам, посадским людем и волостным крестьяном, сказал бы еси наше жалованное слово: пожаловали мы их, ратных людей с них имати не велели, для того, что им в наймех, в тех ратных и людских, продажи и убытки болшие чинятся; и они Пермичи, посадские люди и волостные крестьяне, те денги собрали тотчас, да те денги за ратных людей ныне, на три месяца, по два рубля на человека, собрав, и в Перми ж сколко есть в сборе данных и оброчных и таможенных и кабацких и всяких доходов... Не пришлешь, и тебе за то от нас быти в опале...»³⁹¹.

Воеводская администрация несла ответственность перед центром за подотчетные ей территории и выборных. Поэтому, когда возникали конфликты

³⁸⁹ Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о скорейшей присылке в Москву денежной казны, 10 марта 1607 г., №78 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.106.

³⁹⁰ Там же. С.106-107.

³⁹¹ Там же. С.107.

между уездами, центр требовал расследования действий выборных посадских людей. Интересно, что челобитные мира учитывались даже в Смутное время. В мае 1606 г. «от Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всеа Руси», то есть Лжедмитрия I, в Пермь Великую князю Семену Юрьевичу Вяземскому и подьячему Ивану Федорову по челобитной Кайгородского земского старосты Степанка Яковлева «и во всех Кайгородцов место» на пермич [обитателей посада г. Чердыни – А.К.] Иванка Яковлева сына Могилникова и на Михалка Иванова сына Ванкова рассматривалось в приказе дело.

Суть жалобы состояла в следующем: «...В прошлом де и во 110 году, в Оспожино говейно, присылал де и к ним в Кайгородок Ондрей Безобразов неделщика Василья Сноведова да тех Чердынцов Иванка Могилникова да Михалка Ванкова, с Чердынцы ж де и со многими людьми, обыскивати про мертвых людей... А у них де и морового поветрея не было, мерли люди голодом; и приехав де и они в Кайгородок, их Кайгородцов били батоги, не по делу, и в тюрьму метали, и обиду дел и насилство им Кайгородцом чинили, и на правежи де и их из данных книг били, и они де Кайгородцы не перетерпя правежу пошли ко храму и хотели из земския коробьи данный книги вынять...»³⁹².

Далее выборные чердынцы, которые должны были устраивать сыск, прибежали к храму, отняли и сломали у кайгородцев «земскую коробью», а кайгородцов «били ослопы насмерть». Потом Иванко Могилников да Михалко Ванков украли из избы земских сборных денег сто пятьдесят рублей, девятнадцать алтын и четыре деньги, «и отнесли де они те денги на двор к Василью Сноведову, и теми де их денгами корыстовались...»³⁹³.

Особенное возмущение произволом выборных чердынцев у жителей Кайгородка и Москвы вызвало то, что «...те де и денги собраны были на наши Сибирские отпуска и на всякие мирские расходы; и они Кайгородцы от Пермич и от Чердынцов, от Иванка Могилникова да от Михалка Ванкова с товарищи грабежу, Сибирские отпуска и на всякие мирские расходы, займовали денги из великих

³⁹² Грамота Лжедмитрия в Пермь Великую, о рассмотрении жалобы Кайгородского земского старосты на Чердынских посадских людей, май 1606 г., №43 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.99.

³⁹³ Там же.

ростов, и в том де им Кайгородцом учинилось убытка в ростах сорок семь рублей и двадцать шесть алтын три денги, и всего де им учинилось в грабежу и в ростах убытка двести три рубли и двенадцать алтын пять денег...»³⁹⁴.

Правительство пыталось ограничить права посадских и крестьянских «миров» (возможности совершения поземельных сделок, наступление на экономические привилегии), а также наделить старост и целовальников дополнительными полномочиями, шедшими вразрез с интересами населения. Недовольство центрального правительства вызывало неумение или нежелание воевод добросовестно взаимодействовать с «миром» и выполнять свои обязанности. Кабацкие и таможенные книги было принято высылать с головами и целовальниками. Воевода Дорофей Емельянович Астафьев пренебрег правилами, после чего ему в грамоте от 3 мая 1640 г. запретили «на будущее время посылать в Москву кабацкие и таможенные книги и денежную казну с наемными мужиками»³⁹⁵.

Потеря денег и книг, особенно, если впоследствии недостачу не с кого было взыскать, была невыгодна правительству. Зато, когда находились ответственные лица, можно было компенсировать убытки. В мае же 1640 г. воеводе Дорофею Емельяновичу Астафьеву пришла царская грамота о расследовании челобитной пермских посадских людей Тита Федурин и Семена Зеленого на Ивашку Могильникова с товарищами по делу о взыскании с последних 30 р. 50 к.³⁹⁶ Из-за того, что Ивашка Могильников и его «товарищи» не выслал казну и книги, а отдал вместо них денежную казну челобитчиков, им причинились убытки. Воевода должен был расследовать дело и доправить убыток на виновных.

11 октября 1676 г. пришла царская грамота из приказа Большой казны на Кунгур воеводе Семену Ивановичу Толстово о сыске подьячего соликамской съезжей избы Сеньки Сычова и взыскании с него 40 рублей 8 алтын и 4 с половиной денег по поручке за хлебного подрядчика Исачка Шельганова: «доправя на нем деньги, отослать к Соли Камской в наши зырянские усолья к промышленнику гостю Аврааму Серкасову, а будет он тех денег вскоре не заплатит, и на правеже начнет

³⁹⁴ Грамота Лжедмитрия в Пермь Великую, о рассмотрении жалобы Кайгородского земского старосты на Чердынских посадских людей, май 1606 г., №43 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.99.

³⁹⁵ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 714, л 1.

³⁹⁶ Там же.

отстаиваться, и ты за те деньги велел отписать на нас, великого государя и по оценке продать его лавки... животы и те деньги потом отослать в зырянские наши усолья»³⁹⁷.

Не только воеводы представляли угрозу для финансов населения. Во второй половине XVII в. расследовался интересный случай, который характеризуют многочисленные документы. Некий вятчанин Алексей Михайлович Берешнев, судя по документам, не без сговора с воеводой, предпочитал собирать долги с татар по одним и тем же кабалам несколько раз.

В качестве примера можно привести царскую грамоту воеводе Кунгура Ивану Ивановичу Черникову-Онучину о расследовании жалобы вятчанина Алексея Михайловича Берешнева на задолжавшего ему ясачного татарина Иснейка Баранчева в ложном челобитье на него, Берешнева, будто бы взимающего несколько раз по одним и тем же кабалам, и о присылке их дела в Новгородский приказ, в случае спора.

В грамоте на Кунгур воеводе Ивану Ивановичу Черникову-Онучину от 9 ноября 1681 г. был охарактеризован механизм мошенничества: «...и по тем заемным кабалам деньги ему платили сполна, а заемные де их кабалы Алешка и в платеже отписки им не дает, а записывает платеж их у себя в книги, а после де того по тем же заемным их плаченным кабалам емлет с них деньги втрое и в четверо, а они де татарова людишки неграмотные и его Алешкина письма не знают и от того Алешкина челобитья многие ходят меж двор...»³⁹⁸.

Воеводе было велено против челобитья ясачных татар сотника Ижбулатка Лиманова найти Алешку Берешнева, после чего судить о качестве составления тех кабал, и вернуть деньги татарам. Если же дело будет спорным, то судные дела прислать в Москву в Новгородский приказ. Алексей Берешнев ввиду своей деятельности настолько не понравился правительству, что в той же грамоте воеводе велено выслать его на Вятку, а «на Кунгуре жить не велеть»³⁹⁹.

---

³⁹⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 29, л. 2.

³⁹⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 99, л. 1.

³⁹⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 99, л. 4.

Подобная ситуация возникла во время воеводства Алексея Ивановича Калитина. 10 июня 1697 г. ему пришла грамота о высылке с Кунгура в Каргополь пришедшего тяглового человека Кирюшки Добрынина с женой и детьми, «по челобитью земского старосты Никишки Посохина с товарищами»⁴⁰⁰. По челобитью выходило, что Кирилл Добрынин уехал из Каргополя, «покиня тяглою свой жеребей в пустее и живет де на Кунгуре стакався с прежним воеводой Степаном Сухотиным многих кунгурских жителей разорил и разогнал»⁴⁰¹. Земский староста жаловался, что «по его Кирюшкину научению он воевода Степан Сухотин на многих кунгурских жителей намучивал во многих деньгах многие заемные кабалы и памяти на ево кирюшкино имя»⁴⁰². После этого воевода Степан Сухотин по заемным кабалам и памятям правил на кунгурцах «многие деньги и от того непомерного правежа многие кунгурские жители разорились и разбрелись в разные города...»⁴⁰³. Чтобы кунгурцы не разорились, Кирилл Добрынин с семьей был выслан обратно в Каргополь.

Вообще, расследования по всяким займам и кражам составляли значительную долю проблем, которые решали воеводы. Воевода в Кунгуре Степан Осипович Сухотин расспрашивал жителей, поручившихся за кунгурца Ивана Кадошникова в денежных кабалах. Кабалы были выданы им стольнику Дмитрию Бахметеву и его «человеку» Петру Топоркову, после чего были украдены у них на Ирбитской ярмарке. «С тех де воров пойман и сидит на Кунгуре Кунгурского уезда черемис Митка Балтереков с полишным и в расспросе про ту кражу и кабалу сказал...»⁴⁰⁴. Про тот займ знали «кунгурцы приказные избы». Воеводе было велено «тех вышеписанных людей порутчиков Ивана Шавкунова и Ивана Попова про поруки и про заем также тех людей, которые про тот заем ведают, взял допросить по святой

---

⁴⁰⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 189, л. 1.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же, л. 1-2.

⁴⁰⁴ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 177, л. 1.

непорочной евангельской заповеди»⁴⁰⁵. Чердынские воеводы также постоянно взыскивали задолженности⁴⁰⁶.

Тот же воевода Степан Осипович Сухотин в 1695 г. высылал в Москву кунгурца Ивана Кадошникова и татарина Есенейка Баранчина, задолжавших стольнику Дмитрию Бахметеву и его людям: «В прошлом году кунгурский посадский человек Ивашка меньшей Кадошников занял у него Дмитрия пятьдесят рублей... у Петрушки Топоркова двадцать рублей, у Ивашки Булатова кумачей и петрежей по цене на пятнадцать рублей, а заплатить было ему Ивашке те вышеписанные заемные деньги... Татарин Есенейка Баранчин занял... у человека его Дмитриева у Петрушки Топоркова денег пятнадцать рублей»⁴⁰⁷. Судили обитателей Кунгурского уезда уже в Москве.

В Пермском Прикамье местное население активно осваивало реки. Правительство охотно взимало оброк с различного вида промыслов. Воеводы должны были содействовать предприимчивым жителям, которые брали на оброк волок, строили мельницы и т.п.

Если по поводу какого-либо облагаемого налогом объекта возникал спор, то выигрывал тот, кто был готов заплатить больший оброк. В декабре 1677 г. воевода Дмитрий Наумов рассматривал вопрос о дозволении чердынцу Ивану Горохову держать на оброке до истечения срочных лет печерский волок и об отдаче его впредь на оброк с торгов⁴⁰⁸. Когда срок оброка истекал, волок предполагалось отдать «с переоброчным чердынцу Куземке Понамореву»⁴⁰⁹. Если же на тот волок будут иные челобитчики, то следовало «Ивашке и Куземке в том волоке дать с ними в оброке торг». Тот, кто больше бы заплатил, и пользовался бы волоком, «а в оброке вся запись с добрыми поруками, чтоб им те оброчные деньги платить по вся годы беспереводно»⁴¹⁰.

⁴⁰⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 177, л. 2.

⁴⁰⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 32. Царская грамота в Пермь Великую воеводе князю Семену Юрьевичу Вяземскому о взыскании с чердынского посадского человека Дмитрия Негодяева кабальных денег в пользу торгового человека Якова Тентюкова.

⁴⁰⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 174, л. 1.

⁴⁰⁸ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 996, л. 1.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же.

Оброк не взимался, если ясачное население платило яsak с какого-либо промысла. В 1690 г. кунгурский стольник и воевода Дмитрий Ефремович Бахметев по грамоте должен был проверить, построена ли мельница ясачного татарина Исенейка Баранчина в ясачных угодьях. В случае, если Исенейка уже платил куничный яsak, следовало «пожаловать его Исенейку с той мельницы оброку платить против его братьев». Если же «по сыску будет та мельница построена не на его Исенейкове угодье»⁴¹¹, воевода должен был на ту «мельницу оброк положить»⁴¹².

Приговор центра, наказание выборных чердынцев возлагалось на воеводу. Воевода Семен Юрьевич Вяземский и подьячий Иван Федоров отвечали за действия своих мирских выборных по преступлениям, указанным в челобитной Кайгородского земского старосты Степан Яковлева. «... Вы б тех Пермич, Чердынцов, Иванка Могилникова да Михалка Ванкова велели поставити перед собою, с ним старостою с очей на очи, да в том бы естя их судили, и сыски всякими сыскали, да по суду своему и по сыску, меж ими управу учинили по нашему указу безволокитно...»⁴¹³. Таким образом, дело передавалось на воеводский суд.

Как показывают события, по мнению правительства, действенным оказался мирской контроль над деятельностью местной правительственной власти. По мнению Н.Н. Покровского, он появился вместе с возникновением Московской Руси, первые дошедшие документы относятся к концу XIII в.⁴¹⁴, и был эффективным механизмом контроля назначенных правительством чиновников. Как показывает тот же автор, церковный контроль был не так оправдан.

подавляли деятельность «миров» злоупотребления воеводской администрации. В свою очередь, воеводы не должны были притеснять местное население, напротив, в их обязанность вменялось охранять жителей от покушений на их жизнь и собственность. По факту воеводы активно злоупотребляли своим положением. «От Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Руси, в Пермь

⁴¹¹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 142, л. 1.

⁴¹² Там же, л. 2.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 7.09.2013.

Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому. В нынешнем во 115 году Сентября в 22 день писал еси к нам, что приехали в Чердынь Верхотурья, от Степана Годунова да от Олексея Загрясково, Василей Тырков с товарищи сам-четверт и учал в Чердыни посадских людей и волостных крестьян имати, и в тюрьму сажати, и денги правити; и ты их спрашивал, для чего они тех крестьян имают, и они тебе сказали, что правит на них десятую пошлину с товару, с меду, и с воску, в с хмелю, которые де торговали на Сылве и на Ирени; а к тебе с Верхотурья Степан да Олексей отписки и росписи, на ком что довелось десятой взяти, не прислали...»⁴¹⁵.

Воевода князь Семен Юрьевич Вяземский решил поступать также, как специально присланные Степан Годунов и Алексей Загряский, и «без нашего [Царя и Великого Князя Василя Ивановича Шуйского – А.К.] указу и без отписки и без росписи Степана Годунова да Олексея Загряскаго» начал «на тех крестьянех денег правити и в тюрьму сажати не велел». На что последовала реакция Москвы: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед по Степановым, и Олексеевым наказным памятем правити никому в посадских людех не давал, а что доведется с какого товару десятая пошлина взяти, и ты б велел имати на них в Перми... Чтоб посадским и всяким людем никто обид и насилства не чинил некоторыми делы...»⁴¹⁶.

Запрещалось воеводской администрации притеснять обитателей других уездов, особенно ямщиков, которые обеспечивали доставку товаров. Центр следил за тем, чтобы доставка в Сибирь людей (воевод, детей боярских, стрельцов, и казаков) происходила без нарушений.

Упомянутый выше воевода князь Семен Юрьевич Вяземский получил инструкции, в которых ему предписывалось защищать ямщиков. «...Тем ямским охотником у Соли у Камския велено по нашему указу дворы Вятскими сохами, и ты [князь Семен Юрьевич Вяземский – А.К.] взяв у посадских людей места, дал ямщиком под дворы, и Вятчане ямщиком посяместа дворов не ставят. Да те же усольские ямщики староста Трофимко Ондреев и во всех ямских охотников место

⁴¹⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о недозволении править денег на посадских людях по наказным памятям Степана Годунова и Алексея Загрясково, о сборе с них десятой пошлینی в Перми, и о защите Пермских жителей от всяких притеснений, 14 января 1607 г., №66 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.148.

⁴¹⁶ Там же. С.148.

били нам челом, а сказали: ездят де в Сибирь воеводы, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и приехав де к Соли Камской покупают себе мяса, и сукна, и масло, и сало, и холсты, и кладут на их подводах, а иные с собою емлют великие выюки, да на тех же де выючных кладях сами сидят, и их де подводы от тяжелых владей и ото выюков до Верхотурья не доходит»⁴¹⁷.

Усольские ямщики жаловались, что у них стрельцы и казаки забирают насильно подводы «мимо подорожных, да себе правят на них денег и кормов; и насилство всякое чинят; да из Сибирских де городов посылают за Сибирскими жильцы, за беглецы, в погоню, на их же подводах, а прогонов им не дают...»⁴¹⁸.

Чтобы избежать подобных нарушений, воеводе Семену Юрьевичу Вяземскому было указано в Соли Камской Вятчанам ямских дворов не ставить «до нашего указа», потому что дворы скоро должны были освободиться («с них по нашему указу велено ныне взять на нашу службу ратных людей»).

Воевода должен был жителей Соликамска «беречь, чтоб дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, денег и кормов и лишних подвод, мимо подорожных, насилством не имали, и на подводах лишних тяжелых запасов и товаров, зимою и летом, на выюках с собою не возили...»⁴¹⁹. В противном случае требовалось провести розыск и выявить нарушения. О нарушениях отписывались в Москву. «А которые люда учнут на ямских подводах клади класти и выюки возить великие, не по нашему указу, насилством, и которая подвода от того насилства падет, и ты б про то сыскав допряма писал к нам, к Москве, и мы на тех людех, кто чью подводу уморит, велим имати цену, чего подвода стоила; а за которыми Сибирскими жильцы, за беглецы, учнут из Сибири посылать в погоню, и ты б на тех беглецах велел ямщиком за те подводы имати прогоны поверстные, по нашему указу, чтоб ямщиком ни от кого продаж и убытков никаких напрасных не было...»⁴²⁰.

⁴¹⁷ Царская грамота в Пермь Великую, о защите Вятских ямщиков у Соли Камской от разных притеснений, май 1607 г., №71 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 163.

⁴¹⁸ Там же. С. 163.

⁴¹⁹ Там же. С.162-163.

⁴²⁰ Царская грамота в Пермь Великую, о защите Вятских ямщиков у Соли Камской от разных притеснений, май 1607 г., №71 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.162-163.

Обслуживанием ямских станций на протяжении XVII в. занимались приписанные к ней местные жители. В челобитнях соликамских посадских людей не раз сообщалось об обременительности ямской повинности.

4 марта 1683 г. пришла царская грамота в Пермь Великую воеводе князю Федору Юрьевичу Борятинскому о распределении между чердынцами и усольцами ямской повинности по сибирским отпускам соразмерно числу дворов: «сибирские отпуска отпускать по переписным книгам... верстая деньгами из дворового числа и не по сошному письму потому что ... учинилась многая убыль, а сошного письма с них не убавлено...»⁴²¹.

Предметом постоянных конфликтов между жителями различных уездов были подводы. На протяжении XVII в. возникают постоянные споры по поводу выдачи подвод.

В январе 1609 г. соликамские ратные люди Тихон Андреев и Гаврила Корятов писали чердынскому воеводе Федору Петровичу Акинфому о нежелании кайгородцев давать подводы и о присылке распоряжения по этому поводу: «...посланы сюда .... к воеводам отписку, и наказную память, которую выдали целовальнику нашему ... и оне кайгородцы нам отказали, подвод де нам не дать»⁴²². Особое возмущение у ратных людей вызвал тот факт, что «староста ж кайгородский нам смеялся, говорил, поетте де вы на тех же подводах, на которых приехали»⁴²³.

Ввиду таких ситуаций воеводы старались давать подорожные представителям «мира» и прочим жителям, которые по тем или иным поводам должны были пользоваться услугами ямских станций.

В том же году чердынский воевода Федор Петрович Акинфов выдал подорожную соликамскому целовальнику Богдану Данилову, с тем, чтобы тот «до Ярославля» ехал по ямам, а «где ямов нет, всем людям ... чтобы есте давала Соли Камской целовальнику Богдану Данилову...»⁴²⁴. В обязанности «сотрудников» ямских станций входило содержание лошадей, «кормление» постояльцев.

⁴²¹ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1289, л. 1.

⁴²² СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 53, л. 1.

⁴²³ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 53, л. 1-2.

⁴²⁴ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 220, л. 1.

Особенное недовольство у местных работников вызывали порча имущества или загнанные лошади. Тогда за расследование снова приходилось браться воеводе. 6 августа 1609 г. в Пермь Великую воеводе Акинфому и подьячему Романову пришла царская грамота о расследовании жалобы верхотурских ямских охотников на Ивана Внукова, загнавшего им четырех лошадей во время проезда из Сибири в Соликамск. Воеводе было наказано, чтобы он «про те подводы соликамского старосту и целовальника Ивашку Внукова с товарищи допросил, и сыскал у Соли посадку людям всяким Ивашкину приехав к Соли Камской и старосте и целовальнику про верхотурские подводы»⁴²⁵.

Во второй половине XVII в. проблемы местных жителей не меняются. Чердынцы в 1678 г. жалуются на жителей Соликамска, что те «от Мошева до Чердыни на сорок на пять верст емлют подвод у них чердынцев сильно без денег, а и с Чердыни до Соли Камской (летом и зимой)»⁴²⁶. Воеводе Дмитрию Наумову в грамоте из Новгородского приказа указывалось, чтобы чердынцам и усольцам «те подводы на счете засчитать пополам», во избежание споров.

Выборность местных судей было обязанностью мира, в которую центр запрещал вмешиваться воеводам. Причем право выбирать своих местных целовальников и судей предоставлялось зачастую самым малым и удаленным волостям во избежание произвола. «...Князю Семену Юревичу Вяземскому. Бил нам челом Пермского уезда, с верх Камы реки, Зюздинской волости крестьянин Васка Игумнов и в товарищев своих место, а сказал: живут де они от Пермских городов, от Кайгородка, верст за двести и болши, и в писцовых де книгах написаны себе, oprичь Кайгородцев, а дворишка де они ставили на диком на черном лесу, а люди все пришлые...»⁴²⁷.

Проблемы крестьян отдаленных районов часто были связаны со злоупотреблениями приезжих представителей власти. В Зюздинскую волость приезжали кайгородские посадские и волостные люди и правили на зюздинских

---

⁴²⁵ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 242, л. 1.

⁴²⁶ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1012, л. 1.

⁴²⁷ Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении крестьянам Зюздинской волости платить вместо всех повинностей по 60 рублей в год и избирать из среды своей волостного судью, 10 марта 1607 г., №69 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.161.

крестьянах «тягло себе в подмогу». Крестьяне жаловались, что «...и животы де их грабят насилством, и самих их бьют, и жон их и детей бесчестят, и напрасными поклепы продают, и волочат в напрасных поклепных делех летом в пашенную пору, и им де Зюздинцам в тех их насилствах чинятся продажа и убытки великие и вперед от их насилства прожити не мочно...»⁴²⁸.

В таких случаях центр предпочитал «их пожаловати, велети» с Зюздинского погоста «за всякие наши денежные доходы, и за посадския службы, и за Сибирские отпуски, и за рыбныя ловли, и за бобровые гоны» платить в казну оброк без участия в сборе кайгородцев, а судей выбирать у себя в волости.

Также кайгородцам запрещалось въезжать к зюздинцам в волость. «И мы Пермского уезда Зюздинской волости крестьян пожаловали: велели им с Зюздинского погосту на всякие наши денежные доходы, и за посадские службы, и за Сибирские отпуски, в нашу казну на Москве платить в году на один срок, на Евдокеин день, по штидесять рублей на год, опричь Кайгородцов, и въезжати Кайгородцом к ним в Зюздинской погост ни по что не велели; а судью велели им vybrати у себя в погосте»⁴²⁹.

Воевода должен был воплотить пожалование Москвы. «И как к тебе [князю Семену Юрьевичу Вяземскому – А.К.] ся наша грамота придет, и ты б Зюздинского погосту крестьяном, за всякие наши денежные доходы, и за посадския службы, и за Сибирские отпуски, велел платить на Москве в нашу казну, в Новгородскую четь, на срок, на Евдокеин день, по штидесять рублей на год, опричь Кайгородцов; и на нынешней на 115 год те денежные доходы на Зюздинцах взял и прислал в нам, к Москве, с кем пригоже...; а в судьи, для их волостного дела Зюздинского погоста крестьяном велел бы еси vybrати у себя в погосте человека добра, кого они меж себя излюбят...»⁴³⁰.

Воевода только утверждал выбранных «миром» судей, приводил их к крестному целованию и отписывал в Москву о результатах. В царской грамоте

⁴²⁸ Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении крестьянам Зюздинской волости платить вместо всех повинностей по 60 рублей в год и избирать из среды своей волостного судью, 10 марта 1607 г., №69 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.161.

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Там же.

подводится такой итог распоряжению воеводе относительно защиты «мира» от произвола выборных кайгородских посадских и волостных людей: «...А от Кайгородцов бы еси Зюздинского погоста крестьян берег, чтоб Кайгородцы в Зюздинской погост ни по что не въезжали и насильства им и обиды и продажи напрасныя в пашенную пору не чинили; а прочтет сю нашу грамоту и списав себе с нее противень, отдал бы еси ее Зюздинским крестьяном для иных наших Пермских приказных людей»⁴³¹. Этот документ иллюстрирует защиту крестьян отдаленных волостей от произвола администрации.

Воеводы организовывали не только сбор налогов с крестьян. Москва предписывала собирать крестьян для переселения. Необходимость поставок хлеба в Сибирь заставляла власти идти на немалые расходы, стимулируя колонизацию государственными субсидиями, «стремясь путем стабильного сотрудничества с крестьянскими мирами поставить эту колонизацию под свой контроль и извлечь из нее в дальнейшем финансовые выгоды»⁴³². Эти эпизоды всегда согласовывались с «миром». Предлагалось переселиться только «охочим людям», которых отпускала община. «...Федору Петровичу Окинфову да подьячему Науму Романову. По нашему указу велено послать в Пермь Великую, с Пелыми, сына боярского добра, а велено ему, приехав в Пермь, свестися с вами, прибрати в Тоборы на пашню охочих людей, а не с тягла, человек с пятьдесят и до ста...»⁴³³.

По царскому указу, после приезда «сына боярского», следовало прибрать на пашню желающих «человек с пятьдесят и до сто, от отца сына и от брата брата, и от дяд племянников, и от сусед суседов, волею, кто похочет итти, а не с тягла, и велели о том в Перми и у Соли и в уездах по торгом и по малым торжком кликати биричем не по один день, а велели им сказывати: кто похочет в Пелымской уезд, в Тоборы, в крестьяне, и их, по нашему указу, велено сажать в Тоборах на пашню по уговору, на которой доле кто похочет сидеть...»⁴³⁴. Здесь мы видим, что власть

⁴³¹ Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении крестьянам Зюздинской волости платить вместо всех повинностей по 60 рублей в год и избирать из среды своей волостного судью, 10 марта 1607 г., №69 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 161.

⁴³² Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 143.

⁴³³ Там же. С. 246.

⁴³⁴ Царская грамота в Пермь Великую, о выборе и отправлении в Пелымский уезд на пашню охочих людей от 50 до 100 человек, 6 августа 1609 г., №133 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 246.

учитывала интересы общинников и свои собственные. («Волею, кто похочет итти, а не с тягла»⁴³⁵).

При заведении новой пашни как общиной в целом, так и отдельным двором, а зачастую и при устройстве на запустевшей пашне крестьяне могли твердо рассчитывать на государственную «подмогу», которая считалась приказами и воеводами почти неизменным условием расширения государевой запашки.

При нехватке государственных средств воеводская власть и приказ зачастую избирали другой путь помощи новым крестьянским дворам и общинам. «Этот традиционный для всего многовекового процесса русской колонизации путь – предоставление вместо денежной «подмоги» (или ее части) льготы в уплате налогов и несении повинностей»⁴³⁶.

«...А пашню им и угодыя всякие, и на подмогу на лошади и на дворовое строение, денги велено давать из нашей казны, и наша пашня пахати потому ж по долям, против Тюменских и Верхотурских крестьян, по уговору, на чем кто сядет; а льготы им велено давати на год, и на два, и болши, смотря по пустоте. Да толко охочие люди в Тоборы на пашню прибиратися учнут, и тех людей имена, и сколь кто семьянист, велели писати на роспись и, уговоряся с ними льготою, велели их отпустить в Пелымской город с тем сыном боярским вместе; а в побеге, и в нашем пашне, и в подмоге, велели имати по них крепкия поруки с записми; а сколько пашенных охочих людей в Перми и у Соли прибрав на Пелым отпустите, и на чем с ними подмогою и льготою уговоритесь, и вы б о том тотчас отписали к нам, к Москве, в приказ Казанского дворца...»⁴³⁷.

Льготы полагались «мирам» и в случае стихийных бедствий. В декабре 1629 г. последовала царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о предоставлении двухлетней льготы в податях и повинностях крестьян Вильгортского и Искорского погостов «для их бедности и разоренья»⁴³⁸.

⁴³⁵ Царская грамота в Пермь Великую, о выборе и отправлении в Пелымский уезд на пашню охочих людей от 50 до 100 человек, 6 августа 1609 г., №133 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 246.

⁴³⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 143.

⁴³⁷ Царская грамота в Пермь Великую, о выборе и отправлении в Пелымский уезд на пашню охочих людей от 50 до 100 человек, 6 августа 1609 г., №133 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С.246.

⁴³⁸ Пермская летопись с 1263-1881 г. Второй период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1882. С.323.

Интересным представляется эпизод с населением Ныроба.

Окольничего Михаила Никитича Романова в 1601 г. Борис Годунов отправил в изгнание в Пермь Великую, где местом его пребывания избрали деревню Ныроб. Заточение и кончина М.Н. Романова внесли большие перемены в жизнь ныробских крестьян.

Грамоты 1622 и 1628 гг., посланные царем Михаилом Федоровичем воеводам Перми Великой в Чердынь, являются свидетельством о возникновении первых храмов в Ныробе и льготах для крестьян, поддержавших в заточении М.Н. Романова. Они стремились продлить жизнь М.Н. Романова в темнице и подавали ему через отверстие в крыше съестные припасы. Воевода Гаврило Лодыгин напомнил царю Михаилу Федоровичу о пребывании и почитании М.Н. Романова в Ныробе. «В царской грамоте 1622 г. излагалось содержание его челобитной, отправленной в 1619 г. из Чердыни в Москву. Воевода напомнил царю, что у крестьян Ныроба есть большая заслуга перед царским родом»⁴³⁹.

За этот поступок, как видно из письма воеводы, последовало наказание крестьянам по распоряжению самого царя Бориса Годунова: «... пристав Роман Тушин писал к царю Борису и Борис де велел того погоста взять в Казань пять человек крестьян, и те крестьяне пытаны разными пытками и с пытки один в Казани умер»⁴⁴⁰.

Особое внимание в грамоте воеводы 1619 г. обращалось на святыни Ныроба: храм и явленный образ Николая Чудотворца, который, по народной легенде, первыми увидели на окраине Ныроба чердынские купцы, возвращавшиеся с Печоры. По свидетельству воеводы Гаврилы Лодыгина, Ныроб уже тогда являлся очень почитаемым местом. Сообщая царю о святынях Ныроба, воевода был обеспокоен отсутствием в нем священнослужителей: «... и впредь в том погосте у чудотворного образа без игумена или без протопопа для многого приходу быть нельзя»⁴⁴¹.

⁴³⁹ Чагин Г.Н. Российское государство и Пермь Великая в конце XVI – начале XVII вв. // Чердынский край: прошлое и настоящее: Материалы научных конференций / Чердынский музей. – Чердынь, 2003. – 128 с.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Цит. по: Чагин Г.Н. Указ. соч

Как только царю Михаилу Федоровичу стало известно из грамоты 1619 г. о состоянии духовной жизни в Ныробе, он тут же направляет воеводе Перми Великой Гавриле Лодыгину грамоту, в которой было велено устроить храм во имя чудотворца Николы и пригласить священнослужителей.

При этом царь требовал «... а сколько в том погосте крестьян и что с них каких оброков, и что на содержание храма, за лес и плотникам от дела из наших доходов дадут, и ково именем к тому чудотворному образу священников, и диаконов, и дьячка, и пономаря, и проскурницу приберут, и о том велено отписать к нам в Москве, и до нашего указа с того Ныробского погосту наших никаких податей править не велено»⁴⁴².

На грамоту царя 1619 г. ответа не последовало, воевода Гаврило Лодыгин в Москве рассказал, что царскую грамоту 1619 г. он не получал.

Но вскоре царю поступила челобитная ныробских крестьян (в грамоте они названы пермичами) о большом бедствии – неурожае в 1620 г. и последовавшем разорении. Причиной бедственного состояния являлась малочисленность населения, не имеющего достаточного дохода от земледелия.

Грамота 1622 г. была направлена на защиту царского богомолья и местного населения. Причт из Ныроба в 1627 г. сообщал, что «прокормитца нечем, потому что в той деревне люди бедны и скудны, промыслов у них некоторых нет и хлеб не родится», а прежде им выдавалась руга «из мирских сборных денег на весь крылос по осмнадцать рублей на год», но земские целовальники с 1623 по 1627 гг. перестали ее давать. За 1626 и 1627 гг. сборщик податей собрался взять с них «по шти рублей пол-одиннадцати деньги, а от тех де наших податей те крестьяне хотят брести розно». По мнению причетников, этого допустить было нельзя, так как «у Николы чудотворца то место запустеет, и церковь стоять будет без пенья»⁴⁴³. Правительство вновь поддержало причт и храм в Ныробе. Таким образом, воеводы и местное население вместе заботились о состоянии храма, а правительство за заслуги освобождало население от сборов.

---

⁴⁴² Чагин Г.Н. Указ. соч

⁴⁴³ Там же.

В отдельных случаях, за «раденье» местное население через воеводу и подьячих освобождалось от уплаты сборов. «...В Пермь Великую, подьячему Науму Романову. Ведомо нам учинилось, что Пермичи, Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы, нам служат, против наших изменников стоят, помня наше крестное целованье...»⁴⁴⁴. За их службу и за раденье чердынцы, усольцы и кайгородцы были пожалованы тем, что деньги, которые раньше должны были быть на них взяты по присланной от князя Михаила Василевича Шуйского грамоте (с сохи по пятьдесят рублей), «имати на них не велели. И как к тебе [подьячему Науму Романову – А.К.] ся наша грамота придет, и ты б на Пермичах, на Чердынцах, и на Усольцах, и на Кайгородцах, тех денег, что велено на них взяти для нынешней нашей службы, с сохи по пятидесять рублей, ныне, для их службы, до нашего указу не имал...»⁴⁴⁵.

В случае конфликта мирских объединений разных городов управляемого уезда, воевода должен был играть роль арбитра. Суть претензий соликамцев к пермичам состояла в том, что пермичи не собирали деньги и не нанимали ратных людей. «От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Всеа Руси, в Пермь Великую, воеводе нашему Лву Ильичу Волкову да дьяку нашему Ивану Митусову. Бил нам челом Соли Камския староста Иван Безукладников, а во всех посадских людей и волостных крестьян место, а сказал: в прошлом де во 122 году велено тебе Ивану доправить на них денег двести рублей, которые у них денги взяли Петр Нащокин да ты Иван из Усольских из таможенных и из кабацких доходов 121 году, а даны де те денги, по приговору Пермич, на наем Усолским ратным людем, которые стояли во 121 году в острожке на Сырьянской засеке против Литовских людей и Руских воров, а на Пермичах де ты Иван тех денег не правишь. Да в прошлом де во 122 году, по нашей грамоте, отпустили они в полк к окольному и воеводе нашему к Ортемью Васильевичю Измайлову, с целовалником с Демкою Бульчевым, наняв, ратных людей двадцати человек, и найму де они тем людем дали на три месяца сто двадцать рублей, да тем же де людем дали они на подводы до Вологды двадцать пять рублей, да целовалнику Демке, дали на подмогу пять рублей; а Пермичи де

⁴⁴⁴ Царская грамота в Пермь Великую, об освобождении Пермичей, Чердынцев, Усольцев и Кайгородцев от платежа по 50 рублей с сохи, 30 декабря 1609 г., №153 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). СПб., 1836. С. 267.

⁴⁴⁵ Там же. С. 267.

ратных людей не посылавали. И по вашему указу, по челобитью старосты Иванка Безукладникова, послана к Соли Камской к воеводе Иеву Лачинову наша грамота, а велено их с Пермичи в тех денгах счесть, а по счету что тех денег доведется, велено на Пермичах доправить, а доправя велено отдати Усолцом Ивану Безукладникову с товарищи...»⁴⁴⁶.

Поэтому после прочтения грамоты воевода должен был в Соликамск послать «Пермич посадских людей человек двух или трех добрых, а велели им с Усолцы в тех денгах счесться...»⁴⁴⁷.

Споры между местным нерусским населением разных уездов разбирались подробно воеводами разных уездов. В качестве примера можно привести такой документ, как «Отписку Пермского воеводы Гаврилы Васильевича Лодыгина и дьяка Макария Внукова Уфимскому воеводе Гавриле Васильевичу Хлопову о запрещении Тулвинскому татарину Байсупу Енбатыеву втрогаться в вотчину Иренского татарина Такильдейка Терегулова и опустошать его угодыя»⁴⁴⁸.

Выборы людей для разных поручений предоставлялись «миру», но через воеводскую администрацию. Рассмотрим порядок и способы выбора помощников местной администрации. В данном документе (Царской грамоте Чердынскому воеводе Бутурлину, о выборе в Чердыни нового таможенного и кабацкого головы от 30 июня 1621 г.) отчетливо прослеживаются критерии, по которым «мир» мог выбирать при содействии воеводы должностных лиц.

«...В Пермь Великую, в Чердынь, воеводе нашему Василью Федоровичу Бутурлину. Указали есмя у Соли Камской, выбрать из Усольцов из посадских из торговых людей торгового лутчего человека добра, и приведчи его к крестному целованью велено от Соли Камской послать в Пермь Великую, в Чердынь, в таможенные и в кабацкие головы, ко 130 году, на Иваново место Безукладникова... Велел бы еси в Перми Великой, в Чердыни, в таможенные и в кабацкие целовалники, ко 130 году, выбрати посадских и уездных добрых людей, а не воров, которым бы мочно было верить, и выборы б на них взял за игуменскими, и за

⁴⁴⁶ Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об отправлении нескольких человек Пермичей в Соликамск для денежных расчетов с Усольцами, 13 февраля 1615 г., №56 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.45.

⁴⁴⁷ Там же. С.45.

⁴⁴⁸ СПИИ РАН, Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 458, с. 1.

поповскими, и за посадских и за волостных людей многими руками, и велел бы их привести к крестному целованью, при себе и при таможенном, и при кабацком голове...»⁴⁴⁹.

Выборные расписывались и «целовали крест» в том, что будут честно служить на благо государства. В случае неудачного выполнения функций старостами и целовальниками, следовало наказание. «А о том бы еси Пермским земским старостам, и целовалником, и посадским и уездным всяким людем, и приказал [воевода Василий Федорович Бутурлин – А.К.] и в памяти бы им написал с великим укрепеньем, чтоб они к таможенному и к кабацкому сбору в целовалники выбирали посадских и уездных лутчих людей, которые б были верны, и прожиточны, и не воры, и не бражники, и таможенной бы и кабацкой сбор был им за обычей; а худых бы людей и воров не выбирали; а будет они учнут, к таможенному и к кабацкому сбору в целовалники, выбирать худых людей, или воров, а от того будет таможенному и кабацкому сбору учинится недобор, и мы те недоборные денги велим доправить вдвое, на них на посадских и на уездных людех, да им же от нас быти в великой опале...»⁴⁵⁰.

Часто встречались жалобы уездного населения воеводам на злоупотребления выборных людей. Для характеристики уездного управления большее значение имеет не выяснение степени виновности приказчика и обоснованности крестьянских жалоб, но тот факт, что крестьяне искали управы на обидчика у самих обидчиков, поскольку именно воевода определял приказчика в должность; что штат служилых людей, назначавшихся на административные должности, был очень ограничен (как правило, до пяти человек), и повторные назначения одного человека на одну и ту же должность были неизбежны; а также тот факт, что административный контроль в отношении воевод и его подчиненных со стороны Москвы часто сводился к отправке многочисленных указов, по которым «исполнение не чинилось» месяцами, а то и годами, и что такие дела часто заканчивались «мировыми челобитными» крестьян и приказчиков.

⁴⁴⁹ Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о выборе в Чердыни нового таможенного и кабацкого головы, 30 июня 1621 г., №100 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.138.

⁴⁵⁰ Там же. С.138-139.

В середине и второй половине XVII в. следуют подобные грамоты, которые указывают сроки и критерии выбора администрации. «...Воеводе нашему Миките Дмитриевичу Телегину... Ты б Чердынским земским старостам и целовалником велел тотчас vybrати, в Соли Камской к нашему к таможенному и в кабацкому сбору в головы... из Пермич, из самых из лутчих людей, человека добра и прожиточна, которой бы был душею прям, и животом прожиточен, и грамоте б умел, и которого б с такое наше дело стало, и чтоб был не вор и не бражник, а как Пермичи, к Соли Камской, в таможенные и в кабацкие головы, на Иваново место Высоково, выберут, я ты б у старост и у целовалников и у посадских людей взяв на него выбор, за их руками, послал его к Соли Камской не замочав, тотчас, чтоб ему приехать к Соли Камской за неделю до Семеня дни 144 году, и с прежними головами и с целовалники во всем расписаться Сентября 1 числом 144 году, чтоб за ним нашему таможенному и кабацкому сбору никакия порухи и недобору не было. И земским старостам и целовалником приказал бы еси накрепко, чтоб они, к Соли Камской, к нашему таможенному и к кабацкому сбору, выбирали в головы людей добрых и прожиточных, а не воров и не бражников ...»⁴⁵¹.

29 июля 1697 г. воевода Кунгура Алексей Иванович Калитин должен был прислать в Москву усольца Василия Протопопова и целовальников, собиравших в Кунгуре таможенную пошлину и питейную прибыль: «он Васка и товарищи с записными таможенными и кабацкими книгами и сборною нашей Великого государя казною к Москве в приказ Большие казны не бывали... и ты б его Васку и товарищей его ларечных целовальников с сборными записными книгами и сборною нашей... денежной казною дав в провожатых сколько человек пригоже выслал к Москве тотчас без всякого мотчанья...»⁴⁵².

Интересно, что воеводы составляли поименный список выбранных миром: «...А кого имянем Пермичи, к Соли Камской, к нашему к таможенному и к кабацкому сбору в головы, на Иваново место Высоково, выберут, и которого числа из Перми к Соли Камской его пошлешь, и ты [Воевода Микита Дмитриевич Телегин

⁴⁵¹ Царская грамота Чердынскому воеводе Никите Телегину, о выборе в Соль Камскую, из Чердынских посадских людей, таможенного и кабацкого головы, 20 июля 1635 г., №185 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.342.

⁴⁵² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 191, л. 1.

– А.К.] б о том отписал к нам, к Москве, и выбор под отпискою за руками выборных людей, прислал, а отписку и выбор велел отдати в Новгородской Чети печатнику нашему и думному дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину да дьяку нашему Максиму Матюшкину...»⁴⁵³. Центр таким образом вел статистику выборных людей.

18 марта 1685 г. пришла царская грамота воеводе Кунгура Дмитрию Артемьевичу Гладышеву об утверждении подьячих кунгурской приказной избы Василия Медведевского и Фрола Шавкунова в занимаемой ими должности. Кунгурские жители Василий Медведевской и Фрол Шавкунов выполняли обязанности подьячих приказной избы с прошлого года, но «грамоты у них нет». Воевода должен был утвердить их в должности и назначить жалованье: «и ты б им быть по-прежнему [приказал] в подьячих в приказной избе...»⁴⁵⁴.

Назначение жалованья и его уменьшение также шло через воеводскую администрацию. «...В Чердынском сметном списке в 128 году написано: кабацких винных и пивных поварен котелнику Куземке Осипову нашего денежного жалованья по окладу шесть рублей, да таможенныя избы сторожу Якупке Дербышову три рубли, а те им денги дают из Чердынских наших доходов. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б таможенныя избы сторожу Якупке Дербышову велел чинити нашего денежного жалованья по окладу полтора рубли на год, а кабацкия избы котелнику мастеру Куземке Осипову нашего денежного жалованья на нынешней на 129 год и вперед давати не велел; а коли будет случится какая поделка, и ты б к тому делу велел его наймовать и поделывать велел всякое поваренное дело ... по уговору, и в расходные кабацкие книги целовалником и в сметные списки велел писать подлинно, вправду, по нашему крестному целованью...»⁴⁵⁵.

Сыск беглых крестьян, как уже упоминалось во второй главе, вменялся в одну из обязанностей воеводской администрации. «...Воеводе нашему Сарычу Никитичу Линеву. В нынешнем во 138 году писал к нам с Вятки, из Слобоцкого и из

⁴⁵³ Царская грамота Чердынскому воеводе Никите Телегину, о выборе в Соль Камскую, из Чердынских посадских людей, таможенного и кабацкого головы, 20 июля 1635 г., №185 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.342.

⁴⁵⁴ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурского уездного суда, д. 105. Л. 1.

⁴⁵⁵ Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о назначении денежного жалования сторожу таможенной избы, 1 июля 1621 г., №101 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.139.

Шестакова города, воевода Алексей Борзцов, что де на тех городов многие посадские люди и уездные крестьяне, с женами и с детьми, выбежав, живут ныне в Перми на посаде и в Пермском уезде, и на то де смотря и последние посадские люди и уездные крестьяне бежат врозь, и наших де податей платить стало некому...»⁴⁵⁶.

2 марта 1694 г. приходит царская грамота на Кунгур воеводе Степану Осиповичу Сухотину о сыске и выдаче боярину князю Якову Никитичу Одоевскому семьи беглого крестьянина его Фильки Афанасьева, проживающего в Кунгуре: «и как к тебе ся наша грамота придет... И ты против челобития боярина нашего князя Якова Никитича Одоевского обыску того его беглого крестьянина Фильки Афанасьева и по указу учинил... и по Уложению и по новоуказным статьям»⁴⁵⁷.

Беспокойство Москвы о сбежавших крестьянах, которые должны были обеспечивать продовольствие для Сибири, естественно. Воеводе Сарычу Никитичу Линеvu предписывалось после того, как из г. Слободского и из г. Шестакова воевода Алексей Борзцов пришлет в Пермь «для тех беглых крестьян... для сыску старост и целовалников», тотчас, «по его отписке и по росписи, какову ... Алексей пришлет, тех беглых крестьян, где кто ныне в Перми на посаде и в уезде живет, велел сыскивая ставить перед собою, с Слободскими и с Шестаковскими старосты и с целовалники с очей на очи, и тех сошных крестьян самих рoспрошивал и про них всякими сыски сыскивал вправду... Да будет, по твоему сыску и по рoспросу, изo тех городков, из Слободского и из Шестакова, вышли меньше десяти лет, а не болши десяти лет, и в писцовых книгах Михаила Кайсарова не написаны, и ты б тех крестьян, по нашему указу, велел подавати на крепкия поруки с записми, что им жити Слободского и Шестакова города на посадех и в уездех, на своих прежних крестьянских жеребьях, по-прежнему, а подав на поруки, велел их выслати тотчас в Слободской и в Шестаков, к Алексею Борзцову...»⁴⁵⁸.

Во избежание подобных прецедентов необходимо было, по мнению властей, чтобы воевода Сарыч Линеv «...вперед бы еси о том, в Перми, посадским и уездным

⁴⁵⁶ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеvu, о сыске бежавших из городов Саровского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян, декабрь 1629, №160 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.288.

⁴⁵⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 161, л. 1.

⁴⁵⁸ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеvu, о сыске бежавших из городов Саровского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян, декабрь 1629, №160 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.288-289.

людем заказ учинил крепкой, с великою заповедью, чтоб отнюдь Слобоцкого и Шестакова города посадских и уездных крестьян к себе в Пермь не принимали, тем меж себя ссоры не делали; а будете в Перми, посадские люди и уездные крестьяне Вятчан, посадских людей и уездных крестьян, у себя ныне учнут таити и вперед к себе их принимати, и тем людем от нас быти в великой опале. И к нам бы еси, про то про все подлинно отписал, а на Москве отписку и роспись тех беглых Вятских крестьян, которых ныне сыскав вышлешь в Слобоцкой и в Шестаков, и с кем вышлешь, прислал и велел отдати в Новгородской Четверти дьяком нашим Баиму Болтину да Дементью Образцову...»⁴⁵⁹.

31 марта 1686 г. в грамоте воеводе Кунгура Дмитрию Артемьевичу Гладышеву предписывалось оказывать содействие Григорию Анненкову, посланного в Кунгурский уезд для сыска беглых осинских крестьян: «ты б кунгурским жителям велел быть послушным, чтоб ему в том сыскном деле мотчания не было»⁴⁶⁰.

Интересна роль воеводы при сыске посадских и крестьян. Он должен был помогать задержанию и доставке людей «к Москве». «...Воеводе нашему Сарычу Никитичу Линеву. По нашему и отца нашего, Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси, указу, велено взять из Чердыни к Москве, на житье, в Суконную Сотню, посадских людей Ортемья Мочилникова с братьями да Федора Свирепова с братьею: и по тех людей послан с Москвы Максим Грибов, а велено ему тех людей, за поруками, выслать к нам, к Москве, тотчас... А которого числа Ортемья Мочилникова с братьями да Федора Свирепова с братьею ж Максиму отдашь, и ты б о том отписал к нам, к Москве, а отписку велел подать в Приказ Сыскных Дел боярину нашему Князю Юрию Яншеевичу Сулешеву да дьяку нашему Ивану Переносову»⁴⁶¹.

Ввиду относительной малолюдности осваиваемых территорий, воеводы должны были увеличивать полезное, с точки зрения правительства, крестьянское

⁴⁵⁹ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о сыске бежавших из городов Саровского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян, декабрь 1629, №160 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.289.

⁴⁶⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кургурскаго уездного суда, д. 110, л. 2.

⁴⁶¹ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, об отдаче посыльщику Максиму Грибову, для перевода в Москву, в Суконную сотню, посадских людей Артемья Мочильщикова и Федора Свирепова с братьями, 28 апреля 1630 г., №164 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.291.

население. Одним из способов был прибор в пашенные люди «гулящих людей». «...В Пермь Великую, в Чердынь, воеводе нашему Илье Офонасьевичу Стрешневу. В Новгородскую Четъ, к дьяку нашему ж Дементью Образцову, в памяти из Казанского Дворца, за приписью дьяка нашего Ивана Переносова, написано: в нынешнем в 142 году писали к нам из Сибири, с Верхотурья, воевода Данило Милославской да подьячий Второй Шестаков, в прошлом де во 141 году, по нашему указу послано с Верхотурья в Томской и Томского розряду в остроги, по житье, пашенных крестьян; восемьдесят человек, с женами и с детьми и со всем пашенным заводом, а на их жеребьи, на нашу пашню, велено призывать из волных из охочих людей; и на Верхотурье де волных охочих людей нет, призвати в тех крестьян место, которые посланы, некого; а из Поморских де городов, из Перми с пригороды, воеводы крестьян в Сибирь не пропускают»⁴⁶².

Воевода должен был в Перми Великой, в Чердыни на посаде и в уезде, «кликати биричем по многие дни», чтобы «писались в Верхотурской уезд, в пахотные крестьяне, волные гулящие охочие люди, а нетяглые и непашенные, которые б с сошными людьми в тягле и в сошном писме не написаны»⁴⁶³. При этом подчеркивалось, чтобы тяглых посадских и уездных людей, с тягла и с пашен «отнюдь писать и посылать [воевода – А.К.] не велел, и их роспрашивал, и сыскивал про них накрепко, что они нетяглые и непашенные люди, и прибирал бы еси во крестьяне с великим раденьем; а тем бы еси волным охочим людем сказывал, как они будут на Верхотурье и им будет наше жалованье, ссуда и подмога, против иных таких же пашенных крестьян, а дворы им дадут готовые и под нашу и на их собинные пашни дадут распахотную землю, прежних крестьян жеребья, на чье их место призвати велено, и во всем им будет, по нашему указу, ласка и привет и береженье...»⁴⁶⁴.

Другим способом было переселение крестьян в тягло. Воевода Елизаров в 1647 г. переселял крестьян Воздвиженской пустыни, с реки Ирени: «...По

⁴⁶² Царская грамота Чердынскому воеводе Илье Стрешневу, о приборе в пашенные крестьяне гулящих людей, прежде июля 1634 г., №179 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.325-326.

⁴⁶³ Там же. С.326.

⁴⁶⁴ Царская грамота Чердынскому воеводе Илье Стрешневу, о приборе в пашенные крестьяне гулящих людей, прежде июля 1634 г., №179 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.326.

Государеву указу, вывел на житье на Кунгур и на Степаново городище и записал их в Государево тягло. А те монастырские крестьяне жили розно – по одиночке, над реками: Иренью, Шадейкой, по Бабке и по Сылве реке»⁴⁶⁵.

Воеводская администрация отдавала земли и угодья крестьянам на оброк с разрешения центра. «...Воеводе нашему Дорофею Омельяновичу Остафьеву. Бил нам челом Чердынского уезда Окологородного стану деревни Серегова крестьянин Лаврушка Возмищев: в Чердынском де уезде, на реке Илыче, выше усть Палги реки, за две версты вниз до устья тое Илыча реки, Пермичи, Чердынцы посадские люди и уездные крестьяне... езы бьют и рыбу ловят издавна, а оброку де с тое реки в нашу казну никто не платит; и нам бы его пожаловати, тое Илыч реку, сверху выше усть Палги реки, за две версты вниз до устья тое Илыча реки, велети ему дати на оброк, на десять лет, без перекупки, а оброку в нашу казну велети б ему платить по рублю с полтиною на год... Велел бы еси по нем Лаврушке взять поручную запись в том, что ему с тое реки оброк в нашу казну платить ежегодно; а которого числа тое реку на оброк отдашь, и по чему ему в нашу казну оброку платить велено, и ты б о том отписал, и поручную запись прислал к нам, к Москве...»⁴⁶⁶.

Прямое участие общин в материальном обеспечении деятельности местных администраторов в дальнейшем только расширялось. Крестьяне участвовали в несении общемирских расходов на содержание воеводы и его двора. Дворы наместников и волостелей, а позднее – воевод, ставились силами и за счет подведомственного населения. В XVII в. на содержание съезжих изб, которыми руководили городовые воеводы, с посадских и волостных общин также шел специальный сбор, взимавшийся на основании посошного сбора⁴⁶⁷.

В расходных книгах представлена система учета денежных средств, выплачиваемых из мирской кассы. Примером может служить «Книга расходная Чердынских земских старост».

⁴⁶⁵ Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884. С.83.

⁴⁶⁶ Царская грамота Чердынскому воеводе Дорофею Остафьеву, об отдаче на оброк рыбной ловли в реке Илыче, 1 апреля 1639 г., №203 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.357.

⁴⁶⁷ Ананьев Д.А. Указ. соч. С. 60.

В расходной книге чердынского старосты Терентия подробно расписаны направления повседневного продовольственного снабжения в Чердыни Соликамского воеводы стольника кн. Ф.И. Дашкова в 1697-98 гг. Ф.И. Дашков периодически находился в Чердыни со всем своим двором.

В статьях расхода перечисляются средства, выделенные на нужды воеводской администрации. «Кузнецу, что подковывал воеводскую лошадь... подковал 11 воеводских лошадей... за продукты для воеводы: хлеба ковриги, масла, капусту, рыбу...за морковь, за свежие рыбы за стерляди... за сига просольных... за калачи... за лебедей... за тушу свиного мяса... за солод... за икру налимяю полтора пуда... за лисицу семь гривен... Ездил [воевода Ф.И. Дашков – А.К.] ... на Крымкор по мирское сено и то сено увезено на воеводский двор... Куплено у Чердынца у посадского человека у Михея Верещагина на корм воевоцким конем 20 промешков ... за Колвою рекой... три рубли четыре гривны дано...»⁴⁶⁸.

В периоды присутствия воеводы в Чердыни старосты несли и везли съестные припасы на воеводский двор каждый день. Представление об их количестве, составе и стоимости дают поставки 17 и 18 сентября 1698 г. Статистику приводит Г.П. Енин по материалам РГАДА. 17 сентября староста принес на воеводский двор калачи, «11 ковриг хлеба, рыбы свежей (щуки, язи, окуни, сороги) и «просольной» (шуга, сиви, язи) - всего на 21 алтын 2 деньги, 40 ведер пива за 38 алтын, которого должно было хватить не более чем на 2-3 дня, ибо и 16 сентября было куплено 20 ведер⁴⁶⁹.

18 сентября староста потратил примерно 1 рубль 26 алтын на пуд солода, калачи, 9 ковриг хлеба, четверть говядины, двух куриц, барана, «ососа» и свиную полоть.

В то же время воеводские слуги получали в Чердыни свой фиксированный доход в виде «кормовых денег» независимо от того, находились ли они в Чердыни или в Соли Камской. 6 сентября 1697 г. староста Терентий выдал дворецкому Якиму Софрониеву «и конюху за неделю кормовых» 16 алтын 4 деньги в Чердыни, 6 алтын воеводскому человеку Тимофею Фирсову.

⁴⁶⁸ РГАДА, Ф.137, оп.1, д.16, лл. 2,3, 3об., 32об., 62об., 103, 106об.

⁴⁶⁹ Енин Г.П. Указ. соч. С. 147.

Дворецкий Яким Софрониев, по данным Г.П. Енина, являлся полноценным кормленщиком, не уступая самостоятельным воеводам в других городах. Наряду с «кормовыми» деньгами он получает продовольствие от старосты мукой, крупами, маслом, рыбой, солодом, пивом и т.п. даже в те дни, когда староста приносит ему «кормовые деньги», 7 сентября 1697 г. Яким Софрониев справил за счет старосты свой день рождения. Староста Терентий снабдил праздничный стол «на именины» дворецкого двадцатью ведрами пива и четвертью говядины и записал: «За обед несено денгами 6 алтын 4 д., жене гривну, сыну несено 8 д.»⁴⁷⁰.

Когда воевода Ф.И. Дашков уезжал в Соликамск, то чердынский староста Терентий отвозил ему денежный эквивалент продовольственного снабжения.

Помимо «помесечных денег» и продовольственного снабжения чердынскими старостами существовала и выплата воеводских кормов по «воскресным дням». По словам Г.П. Енина, данная форма постоянного кормления, обеспечивающая питание воеводского двора, «предназначена была восполнять воеводские утраты из-за отсутствия воеводы». Уплачивая воеводе в Соли Камской 18 ноября 1697 г. все «кормовые» деньги, староста Терентий указал еще одну статью расхода: «Да за восемь недель за воскресные дни неделних по тритцати алтын и за неделю» 7 рублей 6 алтын 4 деньги. 12 января 1698 г. он опять платил воеводе деньги «за воскресные дни»⁴⁷¹.

Данная форма кормления имела место и в других городах, например, в Кайгородке и Пскове.

Местное население должно было обеспечивать нужды воеводы и в конце XVII в. В 1699 г. в расходных книгах мирских старост было записано: «Амосу Кузнецову за работу, что подковывал воеводскую лошадь... ему же Амосу ... дано взять на воеводской... воеводские сани подковывал... Калине Бышову за работу 6 алтын дано, что он оковывал на воеводской двор коробки две воеводские. Амосу Кузнецову за то, что оковывал воеводские сапоги. Стольнику и воеводе князю

⁴⁷⁰ Енин Г.П. Указ. соч. С. 148.

⁴⁷¹ Там же. С. 149.

Федору Ивановичу Дашкову староста Терентей помесечных денег за 2 месеца за сентябрь и за октябрь 25 рублей»⁴⁷².

С другой стороны, «мир» не должен был платить жалованье администраторам. Примером этого может служить такой документ, как «Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову о даче Съезжей избы подьячим жалованью из четвертных доходов, а не из мирского сбора» от 30 апреля 1646 г.⁴⁷³. В съезжей избе были подьячими пермские посадские тяглые люди, Калинка Еремеев и Потап Зеленой. Они трудидись «без указу, покиня тягло; а денежного де жалованья, по окладу, дают им из земския избы, с сошных людей Калинке по двадцати рублей, а Потапку, по осминадцати рублей на год».

В то же время они «с деревень и с крестьян, с сошными людьми податей, а с посадскими людьми тягла не дают, живут в избылых: и им бы велети быти, в Перми Великой, в Чердыни, в Съезжей избе в подьячих, на Калинкино место Еремеево да на Потапкино место Зеленого, в том же их окладе... Калита ... Еремеев да Потапко Зеленой люди тяглые, и на их место велено быть в подьячих Сысою Кузмину да Гаврилу Овдокимову, оклады им велено учинить смотря по их службам, и по работе... А в Новгородской Четверти, в Чердынском сметном списке 153 году написано: судных дел дьячку Калинке Еремееву нашего годового жалованья на 153 год дано десять рублей. И как к тебе ся наша грамота придет, а преж сего будет в Перми Великой, в Чердыни, Съезжей избы подьячим наше жалованье давано из четвертных доходов, а не с мирских людей имано: и ты б и ныне подьячим наше жалованье велел давать из четверных доходов, а с мирских людей имать не велел...»⁴⁷⁴.

Недовольство населения Кунгурского уезда, конечно, вызвали не только злоупотребления воевод, но и постоянные сборы в конце XVII – начале XVIII в. Сбор недоимок становится большой проблемой для воевод. В 1693 г. приходит грамота в Кунгур воеводе Федору Ивановичу Сухотину о приеме в Новгородском приказе присланной туда части татарского куничного ясака, о высылке вновь 35

⁴⁷² РГАДА, Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 16. Ч.1. Л. 1.

⁴⁷³ Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову о даче Съезжей избы подьячим жалованью из четвертных доходов, а не из мирского сбора, 30 апреля 1646 г., №10 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). СПб., 1842. С.37-38.

⁴⁷⁴ Там же. С.37-38.

хороших куниц вместо забракованных и о наблюдении впредь за доброкачеством куничного ясака. «По окладу семнадцать сороков тридцать одна куница с кунгурскими татарами с Танатарком Яболаковым да с Кутлоготом Булатовым... принято у них ... в Новгородский приказ шестнадцать сороков тридцать шесть куниц и в том им татарам дана ... за приписью опись»⁴⁷⁵. Недовольство вызвал тот факт, что «двадцать куничешек прелых и попорченных, да пятнадцать недокуников...»⁴⁷⁶. Воеводе было «велено вместо тех выметных куничешок взять... добрые куницы», а «на будущий год собирать самые добрые куницы и те недовозные куницы на будущий год по окладу с выборными их татарами»⁴⁷⁷.

Случалось и так, что доправленные воеводой деньги до Москвы не доезжали, оседая у воевод на местах.

27 июня 1694 г. пришла царская грамота на Кунгур воеводе Степану Осиповичу Сухотину о поручении подьячему приказа Большой казны Денису Иевлеву взыскать с него и подьячего Мишки Калашникова доимочные деньги, доправленные прошлым воеводой Федором Сухотиным на бывшем таможенном и кабацком голове Савке Дружинине с товарищами. Получилось так, что «по сыску и по очной ставке довелось взять недоимки на кунгурском таможенном кабацком голове прошлого года на Савке Дружинине с товарищи недоборных денег триста сорок семь рублей двадцать пять алтын пять денег...»⁴⁷⁸. При допросе голова Савка Дружинников показал, что деньги бывший кунгурский воевода Федор Сухотин доправил на нем в приказной избе. В результате в грамоте указывалось, что «велено на Кунгур послать приказ Большой казны подьячего Дениса Иевлева и те деньги триста тридцать один рубль двадцать шесть алтын четыре деньги ... приказные деньги взяв у тебя [воеводы Степана Осиповича Сухотина] ... привести за провожатыми к Москве»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 163, л. 1.

⁴⁷⁶ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 163, л. 1.

⁴⁷⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 163, л. 2.

⁴⁷⁸ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 168, л. 1.

⁴⁷⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 168, л. 2.

30 апреля 1701 г. в памяти кунгурским земским бургомистрам указывалось о сборе с посадских торговых и промышленных людей подвод или денег за подводы по случаю военного времени: «службы взять подводы с гостей и гостиной сотни и с торговых инородцев десятые деньги с десяти рублей»⁴⁸⁰.

В тот же день была отправлена память кунгурским земским бургомистрам о высылке к Архангельску хлебных запасов с Кунгурского уезда по случаю войны со шведами: «по шти четверти с двора муки ржаной»⁴⁸¹.

19 июня 1701 г. была отправлена память кунгурским земским бургомистрам о сборе с гостей и промышленных посадских и уездных людей подвод, а с жителей приморских городов денег за подводы по случаю военного времени. Бургомистрам было велено «взять подводы с гостей и гостиной сотни и с торговых инородцев десятые деньги с десяти рублей, а с поместной сотни городов с посадов и с крестьян подвод не имать»⁴⁸². Вместо подвод брали «по двадцати по три алтын по две деньги с двора». Конечно, завершалась память упоминанием «жестокое наказание» в случае невыполнения плана по сбору денег.

Конец XVII – начало XVIII вв. для жителей Кунгурского уезда были непростыми временами. Постоянно приходят памяти и грамоты о необходимости сбора недоимок и ясака. Воеводы вынуждены доправлять недоимки на местных жителях. Известный воевода Алексей Иванович Калитин занимался высылкой в Москву стрелецких и оброчных денег и куничного ясака с Кунгурского уезда, а также денег, собранных с пришлых бобылей кунгурским подьячим и переданных земскому старосте Никишке Посохину. В документе скрупулезно зафиксировано, что «сборные приемные деньги подавал он Федка на Кунгуре в приказной избе, а по тем де приемным деньгам собрано с тех новопришлых бобылей со шти сот с пятидесяти с двух человек сорок девять рублей, двадцать алтын две деньги...»⁴⁸³. Видимо, произошел очередной недобор, потому что в приказной избе земский целовальник Федка Середкин был допрошен по поводу сборов. Федор Середкин все

---

⁴⁸⁰ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 228, л. 1.

⁴⁸¹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 226, л. 1.

⁴⁸² СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 229, л. 1.

⁴⁸³ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 197, л. 1.

«писал в приемные свои сборные книги, подавал те деньги земскому старосте Никишке Посохину»⁴⁸⁴.

С недоимками пришлось разбираться следующему кунгурскому воеводе Ивану Михайловичу Коробьину. 5 июня 1699 г. ему пришла грамота о сборе с кунгурских посадских и уездных людей недоимки стрелецких денег и наказания земского старосты и целовальников за недобор.

Оказалось, что земские старосты стрелецких пооброчных денег на указанные сроки ничего не выслали, а выслали стрелецкие деньги после указанных чисел и то не полностью. Поскольку представители мира «учинились ослушны», за то «их ослушание и за невысылку указали... земскому старосте и целовальнику учинить наказание»⁴⁸⁵. Старосту и целовальника сначала били кнутом, а потом доправили пени по пятьдесят рублей на человеке, «чтоб впредь иным земским старостам и целовальникам будучи у денежных сборов воровать и ослушаться было неповадно...»⁴⁸⁶.

Воевода Иван Михайлович Коробьин в июне 1699 г. должен был доправить на госте Андрее Елисееве сбор десятой деньги. «Ты [воевода] ту десятую деньги в гостинной сотне на Андрее Елисееве с детьми велел доправить немотча без всякой поноворки...»⁴⁸⁷. Если бы Андрей не смог заплатить, «брать деньги велел, оценил дворы, и животы, и лавки, и промыслы, да на торге велел продать»⁴⁸⁸. Разумеется, столь жестокие меры вызывали недовольство у местных жителей.

Контроль усиливается к концу XVII в. 17 сентября 1699 г. воеводе Ивану Коробьину приходит грамота о присылке в Москву к Московским бургомистрам списков с приходных книг и ведомостей всяким кунгурским окладным доходам, которые ведаются в Новгородском приказе⁴⁸⁹.

Редки эпизоды, когда воевода сговаривался с крестьянами, но они присутствуют в источниках. В 1669 г. по челобитью Сылвенских и Иренских татар и

⁴⁸⁴ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 197, л. 1.

⁴⁸⁵ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 214, л. 1.

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 216, л. 1.

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ СПИИ РАН, Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 219, л. 1.

черемис, царскою грамотою, повелевалось Кунгурскому стольнику и воеводе Тимофею Одинцову те земли, которые у них отобрали кунгурцы, «размежевать вправду, по прежнему, по отводным книгам, посадских людей Богдашка Новгородцева, да Лучки Федосеева; а Кунгурцам велено владеть теми землями по селебным книгам и те отводныя книги прислать к Москве в Новгородский приказ». Но кунгурцы, желая владеть татарскими и черемисскими землями, «дали воеводе Одинцову многия взятки и он де воевода, для своей бездельной корысти, у них ту землю не отмежевал и книг в Новгородский приказ не прислал»⁴⁹⁰.

Интерес представляет тот факт, что воеводы могли договориться с отдельными представителями «миров» о сборе податей в ущерб остальным. Как пишет И. Морозов, «за призрачностью «благотворно-охранительной» роли общины крылись факты жестокого подавления и эксплуатации деревенских низов – этого помещичьи историки не замечают»⁴⁹¹.

В середине XVII в. в Чердыни «многие лутчие крестьяне, заговором, родом и племянем и семьями, по воеводским подписным челобитным, отписывались от средних и от молотчих людей сошным писмом, по станом, в мелкие выти дворами ж, а не по данному окладу, и перед средними и молотчими людьми в тягле живут в великой лготе, а средним де и молотчим людям перед ними стало тяжело, не в мочь, и, оплачивая их, обнищали и одолжали великими долги; а денежным всяким доходом и Сибирским отпуском в сборе чинится смута и мотчанье»⁴⁹².

Вмешательство правительственной власти сначала ни к чему не приводит. Царской грамоты «не многие люди не послушали и учинились сильны, а воевод подкупили, и от их де насилства многие посадские люди и уездные крестьяне разбрелись врознь, а те де сильные люди живут во лготе»⁴⁹³.

И. Морозов продолжает мысль: «недаром в целом ряде грамот и наказов мы встречаем правительственную или помещичью директиву о необходимости назначаемому государственной или вотчинной властью администратору следить за

⁴⁹⁰ Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884. С.869-870.

⁴⁹¹ Морозов. И. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России) // Проблемы источниковедения. Сб. первый Огиз, М. – Л., 1933. С. 161.

⁴⁹² Царская грамота 1646, III, 31, А. А. Э. т. IV, № 6.

⁴⁹³ Там же.

тем, чтобы «сильные прожиточные и семьянистые люди, воровством и заговором, пашен своих участков с себя не сбавливали, и на молодчих людей не накладывали и лишних денег мимо указу никаких не собирали и сами тем не корыстовались, а молодчим крестьяном в том лишних налогов не чинили»⁴⁹⁴.

Если деньги на определенные нужды по постройке брались из мирских сборов, то только с разрешения правительства. Когда в 1617 г. церковь Николая Чудотворца в Ныробе сгорела, в 1619 г. Пермский воевода Гаврило Лодыгин и дьяк Степан Пустошкин об этом пожаре донесли царю Михаилу Федоровичу. По получении этого донесения, в том же 1619 г., Михаил Федорович послал Гавриле Лодыгину и Макарию Внукову грамоту, по которой было велено: «в том Ныробском погосте... устроить храм деревян во имя Чудотворца Николая, а деньги за лес и плотником от дела дать из наших из чердынских изо всяких доходов...»⁴⁹⁵.

И только тогда Гаврило Лодыгин, взяв хранящиеся у ныробских мирских целовальников церковные деньги, построил на них церковь, только без крыши, так как денег на крышу не хватило; определил к этой церкви попа Кирилла, дьячка, пономаря и просфорню. Однако, неизвестно почему, с 1623 г. земские целовальники, выдававшие до этого времени причту ругу, по 18 рублей из мирских сборных денег, выдачу этой руги прекратили. Тогда в 1627 г. царь Михаил Федорович послал Веревкину и Лухневу грамоту, по которой велел им «к церкви Николы Чудотворца попа и дьякона и дьячка призвать добрых с посаду или из Пермского уезда кто похочет; затем велел... с крестьян погоста Ныроба сложить все подати «церковником на пропитанье»⁴⁹⁶.

В качестве примера, ярко иллюстрирующего злоупотребления, можно привести несколько актов из материалов Соликамской и Кунгурской канцелярии.

«О замене недобросовестных подьячих 31 июля – август 1690... Кунгурского уезду Сретенского села волости... гридной казны староста Ерема Маскаев сын Мичков да того же приходу крестьян жалоба ... того же приходу на попа Григорья

⁴⁹⁴ Цит. по: Морозов И. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России) // Проблемы источниковедения. Сб. первый Огиз, М. – Л., 1933. С. 161.

⁴⁹⁵ Пермская летопись с 1263-1881 г. Второй период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1882. С.25-27.

⁴⁹⁶ Там же.

Савина сына ево... да на попа... Никитина сына ... в том что... он же поп Григорей разорил многия дома...»⁴⁹⁷. Далее в жалобе подробно перечисляются злоупотребления служителей церкви и подьячих, которые также, как и воеводы, призваны были проводить политику государства на местах.

«Грамота о невмешательстве воевод в кунгурские мирские расходы... воеводе нашему Дмитрию Романовичу Жукову бил челом нам великому государю Кунгурской земской староста Сенька Вертопрахов во всех кунгурцов посадский ... имал де у них преж тех воеводы и ты и земской месячного корму по одиннадцати и по двенадцати рублев на месяц, да ... и по наказам вам ... и кормов имати не велено, и нам великому государю пожаловал бы их кунгурцов впредь будущим воеводам и тебе из земской избы у них месячных кормов...»⁴⁹⁸.

Недовольство власти вызывали злоупотребления должностных лиц, которые должны были умножать казну, а не пить и воровать. «...По нашему указу велено быти, в Чердыни, у нашего у таможенного и у кабацкого сбора, голове Усольцу Федке Онофрееву, а с ним целовальником Чердынцом выборным людем... тот де кабацкой голова Федка Онофреев принес к нему [воеводе – А.К.] кабацкия белыя книги, а после де того взял он Христофор у того ж головы черные книги, и те обои книги в кабацком сборе не сошлись... Голова Федка Онофреев пил и бражничал, и над целовальники не надсматривал, и покрадчи многую нашу казну бежал к Соли Камской... Доведется на него Федку и на целовальниках наших таможенных в кабацких денег взяти, и ты [воевода Богдан Иванович Камынин – А.К.] б то все велел на них доправить и вперед таможенной и кабацкой сбор велел собирать тому ж голове Федке Онофрееву и целовальникам Чердынцом выборным людем с большим раденьем, да и сам бы еси над ними во всем надзирал почаству, чтоб нашей казне истери и недобору отнюдь ни в чем не было ...»⁴⁹⁹.

Проблемной зоной для воевод была таможня. Тайный обход верхотурской таможни и беспошлинный провоз товаров в Сибирь и обратно в те времена были

⁴⁹⁷ Архив СПИИРАН. Ф.75, оп.1, д.64.

⁴⁹⁸ Архив СПИИРАН. Ф.75, оп.1, д.77. Л. 1.

⁴⁹⁹ Царская грамота Чердынскому воеводе Богдану Комынину, о взыске про таможенного и кабацкого голову Федора Онуфриева и о наблюдении за поступлением в казну таможенных и кабацких сборов, 10 февраля 1637 г., №196 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). СПб., 1841. С.350-351.

нередкими, что было известно верхотурским и другим воеводам. «Караул был устроен на самом перевале Уральских гор... а при начале верхотурской дороги находилась «таможенная изба» в Соликамске. Впрочем, эта изба, как и Чердынская, были учреждения старые, упоминаемые еще в древнейших Великопермских писцовых книгах»⁵⁰⁰.

Само собой разумеется, что правительство не могло оставлять без преследования лиц, уличенных в беспощинном провозе товаров, налагало на них штрафы и телесные наказания, а таможенные чины опять же пользовались для своей корысти этими штрафами, взимая их по своему усмотрению. Торговый устав делает очень внушительные предписания по этому поводу. Часто ли удавалось торговцам проезжать заставу – сказать трудно, а что целовальники даже с ведома воевод налагали на виновных штрафы и наказания не по уставу, а по своему усмотрению, об этом есть свидетельства.

В статье 5-й таможенного устава было прописано: «...А воеводам для своих корыстей и головам и всякого чина людем никакой задержки и остановки по какому ложному вымыслу для своих прихотей отнюдь, также и таких наглых грабежей и разорений его, великаго государя, людем, как при прежних воеводах было, не чинить»⁵⁰¹.

Слишком частные уклонения торговых людей от платежа установленных пошлин объясняются не только злоупотреблениями таможенных людей, но и размерами самого платежа, который в разное время был неодинаков. По торговому уставу 1698 г. пошлины полагалось платить по 10 % с рубля деньгами или товаром. До издания этого устава действовал особый «Наказ таможенным головам 1693 г.». Такая пошлина была очень разорительна. По уставу 1667 г. пошлина была хотя и несколько ниже, но все-таки нелегка.

Подробно расписывала Москва сущность работы выбранной миром администрации – головы и целовальников.

---

⁵⁰⁰ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900. С.7.

⁵⁰¹ Там же. С.8-9.

Значимость мирских организаций (сельской и посадской) доказывается многочисленными грамотами, в которых воеводской администрации запрещается вмешиваться в деятельность выборных голов и целовальников. «... Сбирал в Чердыни на нас таможенную и кабацкую прибыль голова Чердынец посадской человек Алешка Верещагин, а с ним целовальники Чердынцы ж, посадские и уездные люди; а вперед, на 155-й год, в Пермь Великую, в Чердынь, к нашему к таможенному и к кабацкому сбору, указали есмь выбрать в головы из Усолцов из посадских лутчих людей, а целовальником с тем головою быти Чердынцом, посадским и уездным выборным лутчим людем... Ты б того голову и целовальников привел к нашему крестному целованью, на том, что им, будучи в Перми, сбирати на нас таможенную пошлину кабацкую прибыль с великим раденьем, вправду, по вашему крестному целованью, безо всякие хитрости... И ваши б всякие таможенные и кабацкие денги голова и целовальники сбирали вправду, а по недружбе для своей корысти ни с кого ничего лишнего не имали, и напойных денег сверх цены на питухов не приписывали, тем бы питухов от кабаков не отгоняли... А кого именем Усольцы голову, а Чердынцы целовальников, и сколько человек выберут, и ты б о том к нам отписал и выборы на них прислал...»⁵⁰².

В конце XVII в. ситуация не меняется. В документах четко перечисляются обязанности голов и целовальников, воеводам запрещается вмешиваться в дела «мира», потому что именно посадские люди и мирские старосты ответственны перед центром за сборы. «Доправлялись» недоборы на всем «мире». «От Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича... в Пермь Великую, в Чердынь, стольнику нашему и воеводе Дмитрею Никитичу Наумову. По нашему Великого Государя указу, в городех, которые ведомы в Новгородском Приказе, таможенную пошлину и кружечных дворов питейную прибыль сбирают на нас Великого Государя головы и целовальники за верою и в прошлых годах по нынешней по 185 год, тех городех, в таможнях и на кружечных дворех учинилися нашей Великого Государя казне, против болших сборов, недоборы великие... Велено в таможни и на кружечные

⁵⁰² Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову, о выборе в Чердынь и Соликамск головы и целовальников к таможенному и кабацкому сбору, с изложением их обязанностей, 14 июля 1646 г., №12 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). СПб., 1842. С.39-42.

дворы выбирать в головы и в целовалники людей добрых, и прожиточных которым бы с такое наше Великого Государя дело стало, а земские старосты и посадские люди над таможенными и кружечных дворов, над головами и над целовалники смотрели и берегли накрепко, чтоб головы и целовалникн, будучи в таможнях и на кружечных дворех, собирали нашу Великого Государя казну с великим раденьем ...»⁵⁰³.

С 1698 г. из ведения воевод были изъяты кружечные дворы, переданные под контроль таможенных голов. Однако полного устранения воевод из этой сферы не произошло. Они должны были оказывать помощь таможенным головам в отправке и продаже вина в слободах, острожках и на заставах; продолжали принимать кабацкие сборы «с роспискою», но не имели права чинить помехи. «И ты б о том [воевода Алексей Иванович Калитин – А.К.] наш Великого Государя указ ведал, и в тот сбор стрелецких и оброчных денег и иных доходов у них земских старост отнюдь ни во что не вступался, ни в том сборе и в выборех к тому сбору денежных сборщиков, и целовалников, и ходоков, и в Московских отпусках, им земским старостам и целовалником помешки никакой ни малой ни в чем ты, и впредь по тебе будущие воеводы, никакими мерами и приметками не чинил»⁵⁰⁴.

На таможенных голов и целовальников тогда было возложено и все акцизное дело. Они занимались сбором кабацких денег, согласно особым царским указам, в 1698 г. также объединенных в один устав по повелению Петра I. Тем не менее, «несмотря на слишком частые злоупотребления в питейной торговле, кабацкий доход, по сравнению с пошлинными сборами, даже в начале XVII в. был втрое больше и прямо составлял самую крупную статью казенного дохода»⁵⁰⁵.

В заключение главы можно сделать следующие выводы.

⁵⁰³ Царская грамота Чердынскому воеводе Димитрию Наумову, о предоставлении таможенных и кружечных дворов в распоряжение верных голов и целовальников, 13 сентября 1676, №10 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.18-20.

⁵⁰⁴ Царская грамота Кунгурскому воеводе Алексею Калитину, о предоставлении земским старостам и целовальникам сбора стрелецких, оброчных и других денег, и о невмешательстве в распоряжения по означенным сборам воеводы, 2 мая 1698 г., №274 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). СПб., 1842. С.496-501.

⁵⁰⁵ Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900. С.15.

В Перми Великой до введения института воевод в Соликамске и Кайгородке на уровне общеуездном, а после – и волостном, выполнение государственных функций всецело возлагалось на мирские организации, а состав съезжих изб был выборным. Освоение Сибирских территорий было невозможно без повседневного тесного сотрудничества между обеими властями – правительственной и земской.

Деятельность воеводы предполагала тесное сотрудничество с органами мирского самоуправления, для последних взаимодействие с воеводами, приказами, было одной из многочисленных функций. Государственная власть в лице воевод была заинтересована в первую очередь в фискальной и распорядительной деятельности «миров».

Параллелизм в местном управлении проявлялся как в отсутствии слаженности и четкого взаимодействия между воеводами и «миром», так и в наличии разнообразных должностных лиц и стоявших при них «комиссий», периодически направлявшихся в Пермское Прикамье с временными поручениями и не зависевших от постоянной местной администрации.

Воеводы считались представителями центральной власти, подчинялись напрямую руководству приказов в Москве, а во взаимодействие с представителями «миров» входили преимущественно для решения задач административно-хозяйственного характера. В конце XVII в. из компетенции воевод изымаются некоторые фискальные функции, с целью уменьшения злоупотреблений. В документах перечисляются обязанности голов и целовальников, воеводам запрещается вмешиваться в дела мира, потому что именно посадские люди и мирские старосты были ответственны перед центром за сборы

Автор диссертации отмечает, что в Пермском Прикамье система воеводского управления вошла в противоречие с бюрократическими принципами: практика назначения на приказные должности по принципу родства и знакомства существовала в течение XVII в.

Можно выделить основные направления взаимодействия, судя по документам:

- переселение крестьян;
- сбор податей;

- организация поставок хлеба и подвод;
- суд;
- защита населения;
- переселение крестьян в тягло, прибор в пашенные люди «гулящих людей».

В случае возникновения «нештатной» ситуации воеводы руководствовались грамотами центрального правительства.

Ввиду относительной малолюдности осваиваемых территорий, воеводы должны были увеличивать полезное, с точки зрения правительства, крестьянское население.

На население возлагались обязанности по обеспечению проезда представителей местной администрации по территории уездов: сначала поставка фуража для лошадей, позднее также предоставление подвод.

Воеводы могли договориться с отдельными представителями «миров» о сборе податей в ущерб остальным. В таком случае у обиженных воеводами «миров» была возможность жаловаться. Но на практике доказать сговор вряд ли было возможно.

Итак, источники XVII в. представляют яркую картину взаимоотношений Прикамских воевод с «мирами». Говорить о какой-либо значимой специфике можно в двух аспектах: по сравнению с центральными уездами, мирская организация Пермского Прикамья пользовалась большими возможностями.

Притеснения воевод упоминаются в Пермском Прикамье значительно реже, чем в Сибири. Воеводы и «миры» Пермского Прикамья, на взгляд автора диссертации, больше взаимодействовали (особенно перед лицом внешней опасности), чем конфликтовали.

Заключение

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Впервые воеводская форма управления складывается в Поволжье после присоединения к России Казанского края. Сходные условия вхождения в состав Московского государства обусловили дальнейшее развитие данной формы управления в Пермском Прикамье.

Воеводское управление просуществовало на территории Пермского Прикамья с конца XVI в. до начала XVIII в. На протяжении этого времени многие функции воевод претерпевали эволюцию, но главная их задача оставалась неизменной – воеводы должны были служить проводником интересов государства на данной территории. Определить начало воеводского управления на территории Пермского Прикамья с точностью до года не представляется возможным. Окончательное установление в Перми Великой воеводского управления относится к началу XVII в. В последней четверти XVI в. и в годы Смуты в Пермском Прикамье администраторы были известны под термином «воеводы». В 1613 г. на Пермской земле появились три самостоятельных воеводы: в Чердыни, Соликамске и Кайгороде. Население Пермского Прикамья в XVII в. влилось в систему воеводского управления. Тем не менее, правительство учитывало этническое разнообразие Пермского Прикамья, а также конфессиональную принадлежность татар и башкир.

К концу XVII в. большое число воеводских органов, каждый из которых подчинялся только своему центральному органу в Москве, плохо координируемые действия воевод между собой, их практическая неуправляемость в сочетании с усложнившимися социально-экономическими задачами привели к кризису системы воеводского управления.

Апробированное на территории Пермского Прикамья в XVII в., воеводское управление распространилось на Сибирь. В повседневной деятельности воеводы руководствовались царскими наказами.

В ходе реформ первой четверти XVIII в. воеводское управление было заменено новыми государственными учреждениями отраслевого характера. В первой четверти XVIII в. в ходе губернской реформы приказные избы ликвидировали, их функции были распределены между губернскими и воеводскими канцеляриями, магистратами, судами и другими вновь созданными учреждениями.

Существование владений Строгановых создавало свои неудобства для воевод при управлении территорией. Возникали спорные вопросы, которые решались воеводами по грамоте царя. Воеводы обычно неохотно взаимодействовали со Строгановыми, за исключением случаев взаимовыгодного сотрудничества. Результатом скрытого конфликта были грамоты, в которых описывалось, как поступить в спорной ситуации.

2. Воеводское управление включало в себя административную, военную, финансово-хозяйственную и судебную сферы. Можно говорить о том, что деятельность воеводской администрации Пермского Прикамья была универсальной, как и в Сибири.

Компетенция воевод определялась широким кругом нормативно-правовых актов, включая законодательство XVII в., инструкции ряда центральных ведомств, частные «наказы» по конкретным эпизодам управленческой практики.

Прикамские воеводы содействовали развитию земледелия, расширению государевой десятинной пашни, обеспечивали сбор десятинного и оброчного хлеба, устраивали новые слободы. Воеводы руководили составлением хлебных запасов, проведением переписей членов сельских общин и их наделов, а также наблюдали за наделением крестьян землей и разбирали земельные споры, стремясь не допустить ослабления общин и снижения поступлений десятинного и оброчного хлеба. Воеводы возводили стены острога и города, заботились об их содержании.

В компетенцию прикамских воевод входила отправка и доставка грузов в Москву и сибирские города, тогда как военные функции, актуальные в этот период для остальных сибирских администраторов, не являлись определяющими для воевод Пермского Прикамья. По указу из Москвы воеводы призывали на службу даточных людей или собирали вместо них деньги (с некоторых категорий населения уездов).

Воевода следил за состоянием дорог и мостов, наблюдал за службой ямских охотников, выплачивал им жалованье. Повседневное руководство ямами осуществляли выборные ямские старосты, однако роль воевод в управлении ямскими слободами оставалась значительной.

На воевод возлагался общий надзор за сбором таможенных и кабацких сборов, отдача сборов на откуп, утверждение голов и целовальников, избравшихся посадскими общинами сибирских городов или присылавшихся из Европейской России. Воеводы выдавали выборным должностным лицам указы, проверяли их документацию и принимали собранные деньги. При необходимости воевода оказывал головам и целовальникам помощь в сборе пошлин, но основанием для вмешательства воеводы могло быть только обращение к нему самих выборных органов. В случае изменения порядка таможенных сборов воевода ставил об этом в известность таможенного голову и следил за исполнением новой меры.

Воеводы наблюдали за состоянием торговли, не позволяли торговать заповедными товарами, проверяли торговые меры и весы, принимали привозной хлеб, строили и снаряжали суда для отправки хлеба в сибирские города, заключали подряды, отдавали казенные статьи доходов на откуп и на оброк. Воеводы должны были увеличивать поступления в казну, а уже потом содействовать частной торговле. В ходе освоения русскими людьми территории Западной Сибири перед прикамскими воеводами была поставлена задача обеспечения населения Сибири продовольствием, в первую очередь хлебом.

Некоторая эволюция на протяжении XVII в. функций воевод все же происходила. Отличием начала XVII в. от конца XVII в. являлись жесткая централизация власти на местах, относительно унифицированный подход в управлении на территории всей страны, стремление власти регламентировать каждый аспект деятельности воевод и попытки контролировать воевод с помощью «мира». Собственно военные функции воеводы заключались в обеспечении обороноспособности городов и сборе ратных людей.

3. Компетенция воеводской администрации в Пермском Прикамье, по сравнению с центральными территориями, обладала рядом особенностей. Она

обуславливалась немалой ролью военного управления; широтой судебных функций при наличии в Пермском Прикамье других органов светского суда (на местах); обязанностями по управлению коренными народами, их христианизацией и сбором ясака, а также необходимостью содействия земледельческой колонизации.

В этом Пермское Прикамье сходно с Сибирью. Имеются и отличия. Как-то: Пермское Прикамье представляло собой «рубежную» территорию, если Сибирские города находились в крайнем отдалении от центра (воеводы могли добираться до места назначения полгода), то Пермское Прикамье было сравнительно недалеко и подконтрольно центру.

Через эти территории шел путь в Сибирь, доставлялось продовольствие, в уездах Пермского Прикамья, как обжитой ранее местности (первые русские начали проникать сюда еще в XI в., а активное заселение началось в середине XVI в.) вербовались крестьяне для переселения в Сибирь, даже нанимались ратные люди для защиты Русского государства. Исследуя многочисленные документы, в которых Москва порой мелочно контролирует пермских воевод, можно сделать вывод об особом месте Пермского Прикамья в Русском государстве.

Особенностью прикамских земель по сравнению с Европейской Россией был сбор натуральной дани (ясака) с представителей коренного населения. Центральное правительство понимало, что широкие полномочия воевод приведут к злоупотреблениям со стороны администрации. Способом предупреждения злоупотреблений был контроль над деятельностью воевод, их частая смена и передача части функций «миру».

Особенностью территориального управления была относительная самостоятельность воеводы Пермского Прикамья, ввиду географической отдаленности территории от Центральной России. Еще одной специфической чертой воеводского управления в Пермском Прикамье являлось то, что правительство использовало уральские территории в качестве форпоста для освоения Сибири.

4. В центральной части Русского государства роль и значение общин ввиду наличия сильного приказного начала были слабее, чем в Пермском Прикамье.

В конце XVI – начале XVII вв., в отличие от Сибири, в Пермском Прикамье подлинными хозяевами являлись «миры». Из-за отдаленности от основных эпицентров гражданской войны непрочность центральной власти чувствовалась здесь слабее. Именно за Уралом по сравнению с Пермским Прикамьем более отчетливо проявилась роль воеводской администрации, как проводника правительственной политики, так и гаранта территориальной целостности государства.

Взаимоотношения с «миром» прикамских воевод трудно назвать взаимовыгодными и равными. Для «миров» сотрудничество с воеводами, приказами, было одной из многочисленных функций, а воевода должен был управлять территорией Пермского Прикамья и отслеживать практически все аспекты деятельности «миров».

Москва возлагала ответственность за плохо выполненные фискальные и административные функции на воеводскую администрацию (за исключением ситуации конца века), поэтому воевода являлся высшим арбитром в разнообразной деятельности сельского и посадского «миров». В свою очередь, воеводы были не прочь злоупотребить своей властью, поэтому в документации Пермского Прикамья присутствуют многочисленные жалобы на «насильства» воевод.

Таким образом, свидетельства источников восстанавливают картину специфики управления в Пермском Прикамье и показывают основные закономерности существования и функционирования воеводской власти, характерные и для Российского государства XVII в. в целом.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Неопубликованные

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПИИРАН):

1. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 1.
2. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 3.
3. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 19.
4. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 23.
5. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 29.
6. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 35.
7. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 36.
8. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 38.
9. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 42.
10. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 47.
11. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 55.
12. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 64.
13. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 68.
14. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 77.
15. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 88.
16. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 90.
17. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 99.
18. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 105.
19. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 110.
20. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 132.
21. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 133.
22. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 142.
23. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурского уездного суда, д. 152.

- 24.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 156.
- 25.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 161.
- 26.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 163
- 27.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 168.
- 28.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 170.
- 29.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 175.
- 30.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 174.
- 31.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 177.
- 32.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 186.
- 33.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 189.
- 34.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 190.
- 35.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 191.
- 36.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 197.
- 37.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 199.
- 38.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 201.
- 39.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 204.
- 40.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 205.
- 41.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 206.
- 42.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 208.
- 43.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 210.
- 44.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 212.
- 45.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 214.
46. Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 216.
- 47.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 219.
- 48.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 226.
- 49.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 228.
- 50.Ф. 75, Оп. 1, Акты Кунгурскаго уездного суда, д. 229.
- 51.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 32.
- 52.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 53.
- 53.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 108.

- 54.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 220.
- 55.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 242.
- 56.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 322.
- 57.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 407.
- 58.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 409.
- 59.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 430.
- 60.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 454.
- 61.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 458.
- 62.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 481.
- 63.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 455.
- 64.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 456.
- 65.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 457.
- 66.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 458.
- 67.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 463.
- 68.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 691.
- 69.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 714.
- 70.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 715.
- 71.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 765.
- 72.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 796.
- 73.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 832.
- 74.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 977.
- 75.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 996.
- 76.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1012.
- 77.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1032.
- 78.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1102.
- 79.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1289.
- 80.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1298.
- 81.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1395.
- 82.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1458.
- 83.Ф. 122, Оп. 1, Акты Соликамские, д. 1459.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

- 84.Ф.137, оп. «Соликамск», д.12, лл.1-10,18.
- 85.Ф.137, оп. «Соликамск», д.12, л.4.
- 86.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 6.
- 87.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. 6А.
- 88.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 7.
- 89.Ф.137 «Боярские и городовые книги». Д.16. ЛЛ.2,3, 3об., 32об., 62об., 103, 106об.
- 90.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 13.
- 91.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 14.
- 92.Ф. 137, Боярские и городовые книги. Оп. 1. Чердынь. № 16.
- 93.Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. 1. «Соликамск». Д.1 (4). Л.1-3, 13.
- 94.Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. «Соликамск». Д.12. Л.1-10,18.
- 95.Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. «Соликамск». Д.14. Л.1.
- 96.Ф.137, оп.1, д.16, лл. 2,3, 3об., 32об., 62об., 103, 106об.
- 97.Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. 2. «Кунгур». Д.90. Л.2.
- 98.Ф.137. «Боярские и городовые книги». Оп. 2. Д.120 (1). Л.3.

2. Опубликованные**2.1 Пермская летопись и другие источники**

- 99.4 апреля 1558 г. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на пустые места по реке Каме // Миллер Г.Ф. История Сибири, Том I. М.-Л. АН СССР. 1937. С. 332-334.
100. 5 июля 1592 г. Грамота царя Федора Ивановича на Орел и Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке ими 50 человек для защиты Перми от нападений сибирских татар // Дополнение к Актам историческим (ДАИ). Т. I. СПб, 1846. С. 230-231.
101. Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период / Сост. В.Н. Шишонко.

- Пермь: Типография Губернской земской управы, 1881.
102. Пермская летопись с 1263-1881 г. Второй период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1882.
103. Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884.
104. Пермская летопись с 1263-1881 г. Четвертый период / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1884.
105. Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период. Часть первая (с 1682-1694 г.) / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1885.
106. Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период. Часть вторая (с 1694-1701 г.) / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1887.

2.2 Акты археографической экспедиции

107. Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 14 июля 1606 г., №66 (I) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.82.
108. Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 16 июля 1606 г., №66 (II) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.82-83.
109. Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о дозволении Вишерским Вогуличам вносить ясак в Перми, с предоставлением им права на торговлю, 27 февраля 1607 г., №76 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.101-103.
110. Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о скорейшей присылке в Москву денежной казны, 10 марта 1607 г., №78 // Акты

- археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.106-107.
111. Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, об отпуске в Верхотурье хлебных запасов на жалованье служилым людям, 29 мая 1607 г., №80 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.110.
112. Царская грамота, в Пермь Великую, князю Вяземскому, о сборе с Вишерских Вогуличей ясака по окладу и роспись ясачным людям, 25 июня 1607 г., №82 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 111-112.
113. Дополнительные статьи к Судебнику, 1607-1609, №85-91 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 114-123.
114. Отписка Пермскому воеводе Акинфому, из Сольвычегодска, о немедленном сборе ратных людей, на Государеву службу, по десяти человек с сохи, 6 декабря 1608 г., №109 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 139.
115. Отписка Устюжан к Пермичам, об опасностях, предстоящих на пути в Москву, для провоза Царской казны, 25 января 1609 г., №141 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 162-163.
116. Отписка Кайгородцев Пермскому воеводе Акинфому, об угрожающей опасности Вятской земле от Черемисов, и о недостатке средств для вооружения ратных людей, и ответная память Кайгородскому земскому судье, 25 января 1609 г., №142 (I) // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 163-164.
117. Отписки воевод Пермского Акинфова и Вятского князя Ухтомского об изменнике Павлике и других мятежниках, и Расспросные речи стрельца Лукьянова, о замыслах его возмутить Яранских жителей, апрель, май, август 1609 г., №203 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 234-236.
118. Царская грамота Пермскому воеводе Акинфому, о сыске бежавших в Сибирь пашенных людей, с подтверждением не пропускать оттуда никого без

проезжих грамот, 6 августа 1609 г., №250 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 297.

119. Царская грамота Пермскому воеводе Акинфову, о призыве охочих пашенных людей для переселения в Пелымский уезд, 6 августа 1609 г., №251 // Акты археографической экспедиции. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 297-298.

2.3 Акты исторические

120. Царская грамота в Пермь Великую, о судных пошлинах, май 1606 г., №46 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.103-104.
121. Царская грамота в Пермь Великую, об устройении Соликамского яма, 11 июля 1606 г., №54 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.123-124.
122. Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении Пермским торговым людям курить вино для домашнего обихода, 14 июля 1606 г., №55 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.124-125.
123. Царская грамота в Пермь Великую, о назначении строителем Пермского Вознесенского монастыря черного попа Иосифа, 17 сентября 1606 г., №56 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.125-126.
124. Царская грамота в Пермь Великую, о даровании прощения пермским ратным людям, самовольно оставившим ратную службу, и о заточении других мятежников в тюрьму, 9 декабря 1606 г., № 60 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.136-138.
125. Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении крестьянам Зюздинской волости платить вместо всех повинностей по 60 рублей в год и избирать из среды своей волостного судью, 10 марта 1607 г., №69 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.161.
126. Царская грамота в Пермь Великую, о сборе со всей Пермской земли 70 ратных людей и о присылке Пермской сборной казны, май 1607 г., №70 //

- Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.162.
127. Царская грамота в Пермь Великую, о защите Вятских ямщиков у Соли Камской от разных притеснений, май 1607 г., №71 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.162-163.
128. Царская грамота в Пермь Великую, князю Вяземскому, с выговором за притеснение им Вятских торговых людей и ямщиков и с повелением производить суд и расправу в Перми вместе с подьячим Леонтием Софоновым, 23 июля 1607 г., №78 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.170-172.
129. Царская грамота в Пермь Великую, о постройке мостов по Сибирской дороге посадскими и волостными людьми, 18 октября 1607 г., №80 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.172-173.
130. Царская грамота в Пермь Великую, подьячему Науму Романову, о прекращении спор его с Федором Акинфовым и о невершении им никаких дел без общего согласия, 21 августа 1608 г., №86 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.178-179.
131. Царская грамота в Пермь Великую, о немедленной присылке в Москву Пермских казенных доходов, 7 сентября 1608 г., №87 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.179.
132. Царская грамота в Пермь Великую, о сборе с Пермской земли хлебных запасов, об отправлении оных в Сибирские города на жалованье служилым людям, и о посылке в Верхотурье плотников для судового дела, 19 января 1609 г., №101 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.198-199.
133. Отписка Вычегодцев к Пермичам, о сборе с Усольского уезда ратных людей на Государеву службу, о разорении Литовскими людьми Ярославских, Костромских и Галицких сел и деревень, о нерадении Пермичей к общему делу, с убеждением поспешить присылкою войска, 20 января 1609 г., №102 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.199-202.
134. Отписка Пермичей к Нижегородцам, о готовности всей Пермской земли служить Государю, о неоднократной посылке на помощь ему ратных людей,

- февраль 1609 г., №105 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.206-207.
135. Царская грамота в Пермь Великую, о сборе ратных людей по прежним наказам и об отпуске их в Вологду, февраль 1609 г., №106 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.207-208.
136. Царская грамота в Пермь Великую, о выборе и отправлении в Пелымский уезд на пашню охочих людей от 50 до 100 человек, 6 августа 1609 г., №133 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.246.
137. Царская грамота в Пермь Великую, о дозволении Пермским торговым людям отправлять в Сибирские города хлеб и продавать оный беспрепятственно, 9 октября 1609 г., №141 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.257.
138. Царская грамота в Пермь Великую, об освобождении Пермичей, Чердынцев, Усольцев и Кайгородцев от платежа по 50 рублей с сохи, 30 декабря 1609 г., №153 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 267.
139. Отписка верхотурского воеводы Алексея Калитина в Сибирский приказ о волнениях крестьян Кунгурского уезда летом 1703 г. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив, № 4. 1955 С. 155-167.
140. Отписка из Перми Великой в Вятку, о сборе ратных людей для защиты Вятской земли от мятежников, 7 августа 1610 г., №163 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С. 278-279.
141. Отписка Устюжан к Пермичам, о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев, 1612, №200 // Акты исторические. Т.2. (1598-1613). Спб., 1836. С.247-248.
142. Отписка Пелымского воеводы к Чердынскому воеводе Нащокину, о присылке хлебных запасов в Пелым, после 16 марта 1613 г., №5 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.3-4.
143. Отписка царю дьяка Ивана Митусова, с описью военных снарядов, в Чердыни находящихся, 10 февраля 1614 г., №8 // Акты исторические. Т.3.

- (1613-1645). Спб., 1841. С.7-9.
144. Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об осмотре и починке острогов в Чердыни и Соликамске, 26 сентября 1614 г., №43 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.39.
145. Царская грамота Чердынскому воеводе Волкову, об отправлении нескольких человек Пермичей в Соликамск для денежных расчетов с Усольцами, 13 февраля 1615 г., №56 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.45.
146. Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о выдаче денег Чердынцам за отвезенные ими на Верхотурье хлебные запасы, 23 апреля 1621 г., №99 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.137-138.
147. Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о выборе в Чердыни нового таможенного и кабацкого головы, 30 июня 1621 г., №100 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.138-139.
148. Царская грамота Чердынскому воеводе Бутурлину, о назначении денежного жалования сторожу таможенной избы, 1 июля 1621 г., №101 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.139.
149. Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о том, чтобы произвели следствие о насильствах прежнего Чердынского воеводы Бутурлина, 27 ноября 1622 г., №114 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.167-168.
150. Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину об отвозе хлебных запасов на Верхотурье, ноябрь 1622, №115 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.168-170.
151. Царская грамота Чердынскому воеводе Веревкину о дозволении Сылвенским и Иренским Татарам платить ясак в Чердыни, 27 октября 1623 г., №125 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.195-196.
152. Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написания пролога, о пожаловании причету руги и

- обелении в пользу его деревни, 17 ноября 1627 г., №149 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.241-244.
153. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о сыске бежавших из городов Саровского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян, декабрь 1629, №160 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.288-289.
154. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о назначении, по челобитной вкладчиков, нового строителя в Чердынский Богословский монастырь, март 1630 г., №162 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.289-290.
155. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, о принятии в городскую тюрьму, за вины, караульщиков ссыльного Немца Дорна, 24 марта 1630 г., №163 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.290-291.
156. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, об отдаче посыльщику Максиму Грибову, для перевода в Москву, в Суконную сотню, посадских людей Артемия Мочильщникова и Федора Свирепова с братьями, 28 апреля 1630 г., №164 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.291.
157. Царская грамота Чердынскому воеводе Илье Стрешневу, о приборе в пашенные крестьяне гулящих людей, прежде июля 1634 г., №179 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.325-326.
158. Царская грамота Чердынскому воеводе Никите Телегину, о выборе в Соль Камскую, из Чердынских посадских людей, таможенного и кабацкого головы, 20 июля 1635 г., №185 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.342.
159. Царская грамота Чердынскому воеводе Никите Телегину, о явке к судному делу в Москву выборных Чердынцев и Усольцев по жалобе Кайгородцев о захвачении ими трехсот подводных лошадей, 27 сентября 1635 г., №187 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.343-344.
160. Царская грамота Чердынскому воеводе Христофору Рыльскому, о

- содействии Якову Загряжскому и Ивану Качалову, посланных в Пермь для поимки татей и разбойников, 7 октября 1636 г., №194 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.348-349.
161. Царская грамота Чердынскому воеводе Богдану Комынину, о сборе с монастырских и церковных земель денег для построения на Украине городков и острогов, в отвращение набегов Крымских татар, 8 февраля 1637 г., №195 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.349-350.
162. Царская грамота Чердынскому воеводе Богдану Комынину, о взыске про таможенного и кабацкого голову Федора Онуфриева и о наблюдении за поступлением в казну таможенных и кабацких сборов, 10 февраля 1637 г., №196 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.350-351.
163. Царская грамота Чердынскому воеводе Богдану Комынину, о закупке хлеба в Чердыни и Соликамске, для Сибирских отпусков, об отправлении его в Верхотурье, и об учреждении по дорогам к Чердыни застав, для отвращения тайного провоза хлеба и других товаров, 11 февраля 1637 г., №197 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.351-352.
164. Царская грамота Чердынскому воеводе Дорофею Остафьеву, о рассмотрении спора о землях между Троицей Варламовой пустыней и крестьянами Гаенской волости, 31 марта 1639 г., №202 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.356-357.
165. Царская грамота Чердынскому воеводе Дорофею Остафьеву, об отдаче на оброк рыбной ловли в реке Илыче, 1 апреля 1639 г., №203 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.357.
166. Царская грамота Чердынскому воеводе Григорью Загряжскому, об отсылке в Верхотурье Сибирских хлебных запасов, 14 ноября 1641 г., №219 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.377-378.
167. Царская грамота Чердынскому воеводе Василью Бутурлину, о взыскании с Чердынцев заемных денег и хлеба, по кабалам Никиты Строганова, 20 июня 1621 г., №287 // Акты исторические. Т.3. (1613-1645). Спб., 1841. С.458-459.

168. Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову о даче Съезжей избы подьячим жалованью из четвертных доходов, а не из мирского сбора, 30 апреля 1646 г., №10 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). Спб., 1842. С.37-38.
169. Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову, о выборе в Чердынь и Соликамск головы и целовальников к таможенному и кабацкому сбору, с изложением их обязанностей, 14 июля 1646 г., №12 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). Спб., 1842. С.39-42.
170. Воеводская наказная память Чусовским выборным вогуличам о таможенном пошлинном сборе, 9 февраля 1660 г., №142 // Акты исторические. Т.4. (1645-1676). Спб., 1842. С.287-288.
171. Царская грамота Чердынскому воеводе Димитрию Наумову, о предоставлении таможенных и кружечных дворов в распоряжение верных голов и целовальников, 13 сентября 1676, №10 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.18-20.
172. Царская грамота Чердынскому воеводе Димитрию Наумову, о мерах осторожности от набегов Башкирцев и Татар на Кунгур и Сибирские слободы, 11 марта 1678 г., №40 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.63.
173. Царская грамота Кунгурскому воеводе Димитрию Жукову, о недержании в приказных избах и тюрьмах колодников, и о скорейшем разрешении уголовных и других дел, 29 января 1680 г., №55 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.84-85.
174. Царская грамота Кунгурскому воеводе Димитрию Жукову, об исправлении городских укреплений, 30 января 1680 г., №56 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.85-86.
175. Царская грамота Чердынскому воеводе князю Федору Борятинскому, о доставлении в Верхотурье из Поморских городов хлебных запасов деньгами, а из Перми и Сысольских волостей хлебом, и о высылке плотников для судебного дела, 15 декабря 1681 г., №76 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.118-119.

176. Царская грамота Пермскому воеводе князю Федору Борятинскому, о высылке на службу солдат для усмирения Башкирцев, появившихся на Закамской линии и в Уфимском уезде, 25 мая 1682 г., №85 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.134-135.
177. Царская грамота Кунгурскому воеводе Алексею Калитину, о предоставлении земским старостам и целовальникам сбора стрелецких, оброчных и других денег, и о невмешательстве в распоряжения по означенным сборам воеводы, 2 мая 1698 г., №274 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.496-501.
178. Царская грамота Кунгурскому воеводе Ивану Коробьину, об оказании содействия подполковнику Лаврентию Нейтору в прииске медной руды, 4 августа 1699 г., №289 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С. 532.

Источники удаленного доступа

179. Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVII в// Commentarii de Historia. 2000. № 5 . (<http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/05-01a.htm>).
180. Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>. Проверено 18.09.2013.
181. Миненко Н. Хождение за «Камень» [Электронный ресурс] // Родина. – 2000. – № 5. http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=270&n=15.
182. Проект Устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням. Предисловие. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41803.php>. Проверено 10.03.2013.

183. Савенкова Н.М. Соликамское воеводство [Электронный документ] // Режим доступа: <http://www.zovu.ru/3s/sol2.htm>. Проверено 18.04.2013.
184. Савенкова Н.М. Исторические личности Соликамского воеводства: воеводы И.Н. Лачинов, П.С. Прозоровский, Г.И. Овцын [Электронный документ] // Режим доступа: <http://vke59.ru/wp-content/uploads/2012/06/Voevodyi1.doc>. Проверено 10.05.2014.
185. Самохвалов С.В. Судебные приставы допетровской Руси (очерк истории развития института судебных приставов в XII-XVII веках) [Электронный документ] // Режим доступа: www.leon-danov.narod.ru/IGU/guXVII-XVII.doc. Проверено 18.09.2013.

Литература

186. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. – 399 с.
187. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск: ИД: «Сова», 2005. – 264 с.
188. Ананьев Д. А. Система воеводского управления в освещении историков-сибиреведов // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 3–18.
189. Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.
190. Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в. Справочное пособие. Вып. 1. М., 1999. – 143 с.
191. Богданов М. В. Соль Соликамска – Соликамск, 2010. – 208 с.
192. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере. М., 1912. Т. 2. – 311 с.
193. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

194. Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. М.: Дрофа, 2005.
195. Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский. СПб.: Типография Головина, 1868. Т. 1.
196. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1881. Т. 2.
197. Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 232 с.
198. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
199. Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). – М., 1964.
200. Дмитриев А.А. Начало Кунгурского уезда // Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1900. С.122-133.
201. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891.
202. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. II. Пермь Великая в XVII в. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1890.
203. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. III: Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891.
204. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VII: Верхотурский край в XVII в. К 300-летию Верхотурья. Пермь: Типография наследников

- П.Ф.Каменского, 1897.
205. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VIII. К истории Зауральской торговли: Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография наследников П.Ф.Каменского, 1900.
206. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. – 351 с.
207. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982.
208. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. – 352 с.
209. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. – 511 с.
210. Золотов Е.Д. Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уездов. Первые русские поселения и начало г. Кунгура // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. / Под ред. А.А. Дмитриева. Пермь: Типография наследников П.Ф. Каменского, 1893. С.41-47.
211. Иваненко И. Н. Этапы становления и развития законодательства о местном самоуправлении в России: историко-правовой и теоретический аспекты: Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Иваненко Игорь Николаевич; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2008.
212. Карамзин Н.М. История государства Российского В двенадцати томах / Под ред. А.М.Сахарова – М., Наука, 1989. Т. 9.
213. Ключевский В. О. Терминология русской истории // Сочинения в девяти томах. Т.6. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989.
214. Корчагин П. А. История Верхотурья (1598-1926): Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города / П. А. Корчагин; Гос. науч.-произв. центр по охране памятников Свердл. обл., Кам. археол. экспедиция Перм. гос. ун-та. – Екатеринбург: Банк культур. информации, 2001. – 178 с.

215. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. - 260 с.
216. Кузьмин Е.П. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Чебоксары, 2009. – 23 с.
217. Куликов Ю.В. Государственные учреждения XVIII в. // История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 2. М., 1956. – 62 с.
218. Купцов И. В. Род Строгановых.— Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. – 224 с.
219. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Издание второе. – Л.: Огиз госполитиздат, 1941. – 208 с.
220. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. – 320 с.
221. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. – 662 с.
222. Морозов И., Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 о сельской общине в России). «Проблемы источниковедения», Сб. первый Огиз, М. – Л., 1933.
223. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Ответственные редакторы С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М., 1998. – 416 с.
224. Николаев С.Ф. Кунгур. – Пермь, 1958. – 148 с.
225. Оборин, В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с.
226. Павлов, П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. / П.Н.Павлов. – Красноярск, 1974. С. 5–17.
227. Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели / Пашкова Т.И. – М.: Древлехнилище, 2000. – 216 с.
228. Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии.

- Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.118-125.
229. Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Г.А. Бординских. Березники, 2002.
230. Покровский Н.Н. Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. – 385 с.
231. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. – 392 с.
232. Преображенский А. А. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив, № 4. 1955. С. 153-154.
233. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. – 280 с.
234. Разрядная книга 1475 – 1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 271, 348 – 348.
235. Разрядная книга 1475 – 1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 78-79.
236. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. – 606 с.
237. Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX в. // Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. С.320-323.
238. Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. – 423 с.
239. Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. №1. С. 123-127.
240. Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113-124.
241. Сергеев В. И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых сибирских городов // Новое о прошлом нашей

- страны. М., 1967. С. 174-179.
242. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: диссертация кандидата исторических наук. – Нижневартовск, 2002. – 185 с.
243. Соликамские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С. 126-127.
244. Судебники XV-XVI веков. – М-Л, 1952.
245. Труды Пермской ученой архивной комиссии / Под редакцией А.А. Дмитриева. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897.
246. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. – 594 с.
247. Ушаков А.А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Популярный исторический очерк. Пермь, 1958.
248. Флоря Б.Н. Центр и провинция в системе управления России XVI-XVII вв. // Государство и общество в России XV – начала XX в. СПб.: Наука, 2007. С. 189-194.
249. Харитонова Е. Д. Солеваренная промышленность Прикамья в XVIII веке. – Пермь, 1971.
250. Чагин Г.Н. Власть и управление в Перми Великой XV – XVI вв. // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 215-229.
251. Чагин Г.Н. Воеводское управление в XVII в. // Материалы научно-практической конференции «Государственные органы власти и местное самоуправление» 26-27 июля 2003 г. Соликамск, 2003. С. 68-70.
252. Чагин Г.Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004. – 256 с.
253. Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. – 405 с.
254. Шаходанова О.Ю. Центральное и местное управление в Сибири в конце

- XVI – начале XVIII веков // Россия и мировые исторические процессы. Материалы межвузовской научной конференции. Бийск, 1999. С. 105.
255. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: Дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
256. Шашков А. Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678-1679 гг. и судьба Я. Б. Лепихина) // Уральский исторический вестник. № 3. (Региональное развитие России). Екатеринбург, 1996. С. 51-59.
257. Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581-1582 гг. / А.Т. Шашков // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 7. С. 35-50.
258. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997. – 283 с.
259. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М.: Индрик, 2012. – 368 с.
260. Швейковская Е.Н. Слуги на воеводском дворе в XVII в. // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время. Ростов, 2003. С. 92–104.
261. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.2. Илимский край во II-III четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 57-91.
262. Шилов А. В. Восстание крестьян Кунгурского уезда // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1998. Вып. 2. С. 11-12.
263. Шилов В.В. История и культура Северного Прикамья. Березники, 1995.
264. Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в российском государстве конца XV–XVI вв. (1917 г. – начало XXI в.), 2009. – 596 с.

Приложение 1. Соликамские, чердынские и кунгурские воеводы⁵⁰⁶

Наместники Перми Великой

(Данные XVI века – 1636 г. представлены в монографии О.В. Семенова Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 384-386).

Годы управления	Имя	Примечания
1505/1506 г.	Кн. Василий Андреевич Ковер-Кривоборский	По данным Г.Н. Чагина, Ковер «в должности наместника пребывал более четверти века» ⁵⁰⁷ .
Весна 1569 – 1570 гг.	Кн. Никита Иванович Ромодановский	
6 августа 1572 г.	Кн. Иван Юрьевич Булгаков-Голицын	В сентябре 1570 г. Булгаков являлся первым воеводой полка Левой руки «на берегу», в сентябре 1573 г. возглавлял Большой полк, сосредоточенный в Муроме, для похода на казанскую черемису. (см.: Разрядная книга 1475 – 1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 271, 348 – 348. Следовательно, он мог наместничать в Перми в промежутки между осенью 1570 г. и осенью 1573 г.
6 ноября 1581 г.	Кн. Иван Михайлович Елецкий	В разрядных записях последний раз упомянут в 1578/1579 г. воеводой Леневарда (см. Разрядная книга 1475 – 1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 78-79). Следовательно, наместником мог быть сразу после этого.
30 декабря 1581 – 16 ноября 1582 гг.	Василий Иванович Пелепелицын	

⁵⁰⁶ Список воевод приводится по: Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.118-125; Соликамские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.126-127; Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. С.170-181.

⁵⁰⁷ Чагин Г.Н. Власть и управление в Перми Великой XV – XVI вв. // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 217.

Воеводы Перми Великой

Годы воеводства	Имя	Примечания
Август 1592 г.	Салтан Чаплин	
1592 г.	Никифор Васильевич Троханиотов	Упоминается в списке А.А. Дмитриева. Здесь и далее см. ⁵⁰⁸
1593 – 2 сентября 1598 гг.	Сарыч Шестаков	Сарыч Шестаков в списке А.А. Дмитриева упоминается в 1594-1596 гг.
1598 г.	Василий Петрович Головин Иван Васильевич Воейков	По сведениям А.А. Дмитриева, они управляли одновременно Пермью Великой и Верхотурьем, которое было основано в 1598 г.
Апрель 1599 – 2 июня 1601 гг.	Григорий Иевлев	По сведениям не слишком надежного источника, Г. Иевлев «сидел на воеводстве три лета» (см.: Соликамские летописи. Пермь, 1884. С. 24). По сведениям А.А. Дмитриева: Григорий Иевлев или Гиневлев (1599-1601 гг.).
Конец 1602 – 1605 (?) гг.	Андрей Васильевич Безобразов	По сведениям А.А. Дмитриева: Андрей Васильевич Безобразов упоминается в 1605 году.
Февраль 1605 – 27 марта 1606 гг.	Петр Васильевич Пивов, под. с пр. Иван Федоров	По С. Веселовскому, И. Федоров находился в Перми уже 6 февраля 1605 г. (см.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 541).
1606 г.	Яков Плакидинович Прокудин, под. с пр. Иван Федоров	
Май 1606 – март 1608 гг.	Кн. Семен Юрьевич Вяземский. Под. с пр. Иван Федоров, затем – под. с пр. Леонтий Софонов.	Л. Софонов впервые упомянут Ю. Вяземским 23 июля 1607 г. По сведениям А.А. Дмитриева, «Князь Семен Юрьевич Вяземской, да с ним подьячий Иван Федоров 1606-1607 гг.».
21 марта 1608 – 30 января 1610 гг.	Федор Петрович Акинфов Под. с пр. Наум Романов.	Акинфов в 1610-1612 гг. возглавлял Туринск.

⁵⁰⁸ Список воевод приводится по: Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.118-125; Соликамские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Выпуск III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С.126-127; Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Выпуск I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. С.170-181.

20 июля 1610 – 26 мая 1612 гг.	Иван Иванович Чемоданов. Под. с. пр. Пятый Фадеевич Филатов	Осенью 1611 и в январе 1612 г. в источниках упоминается «боярин и воевода Матвей Михайлович (Годунов?)» (см.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 337; Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябинина. М., 1915. С. 48). У А.А. Дмитриева: Иван Семенович Чемоданов (1610-1612 гг.).
27 декабря 1612 – 1613 гг.	Петр Степанович Нащокин. Д. Иван Тимофеевич Митусов.	

За все время с 1505 до 1613 года Усолье Камское, наравне с Кайгородом, считалось Великопермским пригородом, и было в подчинении у Чердынских наместников и воевод, власть которых распространялась на всю Пермь Великую, за исключением вотчин Строгановых, Пыскорского и Богословского монастырей. В 1613 году, со вступлением на престол новой династии, происходит административная перемена: с этого года Соликамск и его Усольский уезд имеет своих воевод, независимо от Чердыни, где воеводство продолжалось своим чередом. Это было с 1613 до 1636 года, когда обоими уездами опять стал управлять один воевода, живший в Соликамске. Так управлялось Пермское Прикамье до 1717 года, когда по указу Петра Великого, в Чердынь снова стали назначать особых воевод со званием комендантов.

Воеводы Чердыни (1613 – 1636 гг.)

Годы воеводства	Имя	Примечания
1613 – начало 1614 гг.	Петр Степанович Нащокин. Д. Иван Тимофеевич Митусов.	В конце 1613 г. Нащокина «в Перми на стало», поэтому некоторое время всем управлением заведовал один Митусов (см. АИ, СПб., 1841. Т. 3. С. 8)
27 марта 1614 – 1616 гг.	Лев Ильич Волков, д. Иван Тимофеевич Митусов, затем – д. Степан Леонтьевич Пустошкин.	30 апреля 1614 г. вместе с Л. Волковым и И. Митусовым упомянут воевода Третьяк Никифорович Ивашев. Впрочем, трудно сказать, какой из уездов Перми Великой

		он возглавлял. Царская грамота от 9 ноября 1615 г. сообщала о назначении «товарищем» Волкова С. Пустошкина. Митусова же предписывалось немедленно отпустить в Москву. У А.А. Дмитриева воеводство Волкова окончилось в середине 1616 г. (см. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1895. Вып. 6. С. 72).
25 декабря 1617 – начало декабря 1620 гг.	Гаврила Васильевич Лодыгин, Д. Степан Леонтьевич Пустошкин, затем – под. с пр. Макар Внуков	М. Внуков фигурирует уже 7 февраля 1619 г.
1620 – июнь 1622 гг.	Василий Федорович Бутурлин, под. с пр. Макарий Внуков, затем – под. с пр. Неустрой Алимпиев.	Последний раз Внуков упомянут в Чердыни в конце августа 1621 г.
24 июня 1622 – лето 1626 г	Гаврила Михайлович Веревкин, под. с пр. Савва Васильевич Лужнев, затем – под. с пр. Яков Осипович Бутримов.	
Август 1627 – 6 мая 1629 гг.	Ст. им. Петр Владимирович Клобуков-Мосальский, под. с пр. Тимофей Пчелин	
1628 год	Иван Дмитриевич Кологривой	У А.А. Дмитриева упоминается в 1628 г.
20 мая 1629 – 9 июля 1630 гг.	Сарыч Никитич Линева	
1630-1631 гг.	Николай Никитич Новокщенов	У А.А. Дмитриева упоминается в 1631-1632 гг.
Ранее июля 1634 г.	Иван Афанасьевич Стражнев	У А.А. Дмитриева упоминается в 1632 году.
1634 г.	Лаврентий Александрович Кологривов	У А.А. Дмитриева упоминается в 1634 году.
9 июля 1634 – вторая половина декабря 1635 гг.	Никита Дмитриевич Телегин	
С 25 сентября 1636 г.	Христофор Федорович Рьльский	

Воеводы Соликамска (1613 – 1636 гг.)

Годы воеводства	Имя	Примечания
1613 – 29 августа 1615 гг.	Иов Нестерович Лачинов	У А.А. Дмитриева упоминается первый соликамский воевода. Был один год (1613)
1614-1616 гг.	Лев Ильич Волков	Упоминается у А.А. Дмитриева.
Январь 1617 г.	Богдан Полукарпович Лупандин	По А. Барсукову и А. Дмитриеву, Лупандин был воеводой с 1616 г. (см.: Барсуков А.П. Списки городских воевод. С. 213; Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 6. С. 72).
1617 г.	Гаврило Васильевич Лодыгин, д. Степан Пустошкин	Упоминается у А.А. Дмитриева.
30 июня 1617 г.	Ст. кн. Андрей Романович Тюменский	По А. Барсукову, он управлял до 1618 г. (см.: Барсуков А.П. Списки городских воевод. С. 213), а по А.А. Дмитриеву, до 1618 г. (см.: Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 6. С. 171).
1619 – июль 1620 гг.	Моисей Федорович Глебов, под. с. пр. (?) Федор Витовтов	У А.А. Дмитриева: Никита Федорович Глебов (1619 г.).
1620-1622 гг.	Василий Федорович Бутурлин, Макарий Внуков	Упоминается у А.А. Дмитриева.
Лето 1620 – после 24 июня 1622 гг.	Воин Лукьянович Корсаков	По А. Барсукову и А.А. Дмитриеву, Корсаков воеводствовал до 1623 г. В 1627/1628 г. он управлял Пельмом, затем (до 1629 г.) Туринском, а в 1639 – 1641 гг. Верхотурьем.
Март 1623 – после 27 апреля 1625 гг.	Василий Васильевич Съянов	Упоминается у А.А. Дмитриева в 1629 г.
1623-1626 гг.	Гаврила Михайлович Вережкин, Яков Бутримов и Мосей Федорович Глебов.	Упоминается у А.А. Дмитриева.
1626 г.	Захар Петрович Шишкин	
До начала 1627 г.	Богдан Семенович Змеев	Упоминается у А.А. Дмитриева в 1630 г.
1627 г.	Воин Лукьянович Карпов	Упоминается у А.А. Дмитриева.
1628 г.	Иван Леонтьевич Скобелицын	По А. Барсукову, он находился в Соликамске с 12

		февраля 1627 г. до 14 ноября 1630 г. (см.: Барсуков А.П. Списки городских воевод. С. 213).
22 августа 1629 – 1631 гг.	Никита Наумович Беглецов	В первой половине 1620-х гг. Беглецов являлся тобольским воеводой. 17 сентября 1630 г. упомянут Иван Леонтьевич Монастырев.
1632 г.	Илья Иванович Зубов	
Март – конец декабря 1635 г.	Захарий Григорьевич Шишкин	
1636 г.	Христофор Федорович Рыльский	С 1636 года воеводы опять стали управлять вместе Чердыню и Соликамском, как было до 1613 года, но из Соликамска. Ввиду существования внутренних таможен, пребывание воеводы в Соликамске являлось необходимостью. Первым Соликамским и Чердынским воеводою был Богдан Иванович Комынин в 1636-1639 гг.

Воеводы Чердыни и Соликамска (1636 – 1703 гг.)

Годы воеводства	Имя	Примечания
До 2 февраля 1637 г.	Христофор Федорович Рыльский	
8 февраля 1637 – 9 февраля 1639 гг.	Богдан Иванович Комынин	
7 марта 1639 – 10 июня 1641 гг.	Дорофей Емельянович Астафьев	
14 ноября 1641 – февраль 1642 гг.	Григорий Афанасьевич Загряжский	По А.А. Дмитриеву, Загряжский управлял до 1643 г. (см.: Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 2. С. 227).
2 июня 1644 г.	Михаил Иванович Засецкий	У А.А. Дмитриева – 1644-1645 гг.
1644 – май 1645 гг.	Ст. Дмитрий Богданович Мешков-Плещеев	У А.А. Дмитриева Дмитрий Богданович Мешков-Плещеев в 1645-1646 гг.
10 октября 1645 – февраль 1646 гг.	Иван Васильевич Львов	У А.А. Дмитриева – 1646-1647 гг.
Далее сведения приводятся по работам А.А. Дмитриева, материалам АИ.		
1647-1648 гг.	Прокопий Козьмич Елизаров	Организовал перепись в 1647 г. Перми Великой.
1649-1651 гг.	Кн. стольник Петр Семенович Прозоровский	
1651-1654 гг.	Ст. Семен Тимофеевич	

	Кондырев	
1654-1656 гг.	Афанасий Ермолаевич Сильвестров	
1657-1658 гг.	Афанасий Евстафьевич Сильвестров-Кологривов	
1659-1660 гг.	Ст. Лев Андреевич Плещеев	
1660-1661 гг.	Степан Петрович Наумов	
1662-1663 гг.	Михайло Степанович Голенищев	
1663-1665 гг.	Кн. ст. Семен Лукич Щербатой	
1665-1668 гг.	Борис Григорьевич Бухвостов	
1668-1669 гг.	Самсон Иванович Огибалов	
1669-1671 гг.	Ст. Иван Леонтьевич Монастырев, д. Ларион Пашин	
1672 г.	Иван Семенович Головнин, под. Савва Тутчев (1672-1675 гг.). Упоминается под. с пр. Никита Списков	
1676 г.	Стряпчий с ключом Иван Козмин	
1677-1780 гг.	Ст. Дмитрий Никитич Наумов	
1680-1682 гг.	Окольничий Семен Тимофеевич Кондырев	
1682-1684 гг.	Ст. Федор Юрьевич Борятинский	
1684-1686 гг.	Ст. Назар Петрович Мельницкий	
1687 г.	Кн. ст. Михаил Федорович Шейдяков	Скончался 4 мая 1687 года. Дослуживал за него его сын князь Афанасий Михайлович.
1688-1690 гг.	Ст. Иван Алексеевич Головин	Жил в Чердыни.
1690-1692 гг.	Ближний ст. Иван Иванович Нарышкин. Под. Нефед Дмитриевич (Иванович по другим данным).	
1692-1694 гг.	Ближний ст. Семен Федорович Нарышкин. Товарищ Федор Кириллович Нармацкий и под. Лука Волков.	Семен Федорович Нарышкин умер в Соликамске 2 июля 1694 года.
1694 г.	Андрей Андреевич Нарышкин	Племянник покойного Семена Федоровича, дослуживал на воеводстве (под. Лука Волков) три месяца, по указу государя от 6 ноября 1694 г.
1695-1696 гг.	Кн. ближний стольник Юрий Яковлевич Хилков, под.	

	Андрей Александрович Титов.	
1697-1698 гг.	Кн. ст. Федор Иванович Дашков, дьяк Степан Золотарев	
1699 г. – ...	Ст. Василий Яковлевич Новосильцов, под. Григорий Бирюлев.	
1707-1710 гг.	Кн. ст. Иван Иванович Щербатой, товарищ дьяк Степан Лукьянович Пупков.	
1711-1715 гг.	Комендант Ларион Якимович Сенявин, дьяки Лукьян Иванович Волков и Андрей Баев, под. Александр Сиханов.	Комендант
1716 г.	Дорофей Афанасьевич Траухнит	Комендант. В 1716 году умер в Соликамске. В 1717 году учреждается комендантское управление (Чердынские и Соликамские коменданты).

Воеводы Кунгура (1664 – 1703 гг.). Список составлен по материалам АИ⁵⁰⁹ и СПИИРАН (Акты Кунгурского уездного суда, дела представлены в списке источников)

Годы воеводства	Имя	Примечания
1664 г.		Воеводское управление было организовано в 1664 г.
1669 г.	Стольник Тимофей Одинцов	
1672 г.	Дмитрий Артемьевич Гладышев	Ранее 3 июня 1672 г., поскольку грамота датируется 3 июня (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 2).
1673-1675 гг.	Иван Силич Поливкин	Ранее 18 марта 1673 г., поскольку грамота датируется 18 марта (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 5). Последний раз упоминается в грамоте от 27 октября 1675 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 25).
1676 г.	Федор Алексеевич Зеленый	Ранее 7 июня 1676 г.,

⁵⁰⁹ Царская грамота Кунгурскому воеводе Димитрию Жукову, о недержании в приказных избах и тюрьмах колодников, и о скорейшем разрешении уголовных и других дел, 29 января 1680 г., №55 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.84-85; Царская грамота Кунгурскому воеводе Алексею Калитину, о предоставлении земским старостам и целовальникам сбора стрелецких, оброчных и других денег, и о невмешательстве в распоряжения по означенным сборам воеводы, 2 мая 1698 г., №274 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С.496-501; Царская грамота Кунгурскому воеводе Ивану Коробьину, об оказании содействия подполковнику Лаврентию Нейтору в прииске медной руды, 4 августа 1699 г., №289 // Акты исторические. Т.5. (1676-1700). Спб., 1842. С. 532.

		поскольку грамота датируется 7 июня (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 28).
1676–1678 гг.	Семен Иванович Толстово	Ранее 11 октября 1676 г., поскольку грамота датируется 11 октября (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 29). Последний раз упоминается в грамоте от 22 ноября 1678 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 59).
1679-1680 гг.	Димитрий Романович Жуков	Ранее 4 апреля 1679 г., поскольку грамота датируется 4 апреля (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 60). Последний раз упоминается в грамоте от 18 декабря 1680 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 80). Интересен тот факт, что воевода Иван Иванович Черников-Онучин упоминается в грамоте от 8 декабря. Оба воеводы в то время находились в Кунгуре и получали распоряжения из Москвы.
1680-1682 гг.	Иван Иванович Черников-Онучин	Ранее 8 декабря 1680 г., поскольку грамота датируется 8 декабря (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 78). Последний раз упоминается в грамоте после 12 февраля 1682 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 102).
1685-1686 гг.	Дмитрий Артемьевич Гладышев	Ранее 11 марта 1685 г., поскольку грамота датируется 11 марта (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 103). Последний раз упоминается в грамоте 30 сентября 1686 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 113).
1688-1690 гг.	Стольник Иван Никифорович Кологривов	Ранее 24 сентября 1688 г., поскольку грамота датируется 24 сентября (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д.

		115). Последний раз упоминается в грамоте 5 января 1690 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 134).
1690 г.	Стольник Дмитрий Ефремович Бахметев	Был назначен на должность по грамоте 19 апреля 1689 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 133). Ранее 13 января 1690 г., поскольку грамота датируется 13 января (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 135). Последний раз упоминается в грамоте 18 ноября 1690 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 151).
1693 г.	Стольник Федор Иванович Сухотин	Ранее 6 июня 1693 г., поскольку грамота датируется 6 июня (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 152). Последний раз упоминается в грамоте 26 декабря 1693 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 160).
1694-1695 гг.	Стольник Степан Осипович Сухотин	Ранее 2 марта 1694 г., поскольку грамота датируется 2 марта (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 161). Последний раз упоминается в грамоте после 25 октября 1695 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 180).
1697-1698 гг.	Стольник Алексей Иванович Калитин	Упоминается в январе 1697 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 182). Последний раз упоминается в грамоте в декабре 1698 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 211). 31 октября 1698 г. приходит грамота о назначении на его место воеводы Ивана Михайловича Коробьина.
1699-1700 гг.	Стольник Иван Михайлович Коробьин	Ранее 7 марта 1699 г., поскольку грамота датируется 7 марта (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 212). Последний раз упоминается в

		грамоте от 7 марта 1700 г. (СПИИРАН, Ф. 75, оп 1, д. 221). В данной грамоте речь идет о приезде его в Москву и сдаче ключей Кунгурской приказной избы бургомистрам. Далее все грамоты адресованы бургомистрам.
1703 г.	Стольник Алексей Иванович Калитин	Упоминается в связи с восстанием в Кунгуре.

Приложение 2. Портрет Петра Семеновича Прозоровского, соликамского воеводы (1649-1651 гг.)

Неизвестный художник. Посольство в Англию 1662 года. Копия.

Государственный Русский музей, Ж-3988

Князь Петр Семенович Прозоровский, дворянин Иван Афанасьевич Желябужский, дьяк Иван Давыдов и переводчик Андрей Форот.

Приложение 3. Дела в воеводской канцелярии Пермского Прикамья в XVII в.

